

В. БОЛДЫРЕВ
ГИБЕЛЬ
СИНЕГО ОРЛА

ДЕТГИЗ · 1962

БИБЛИОТЕКА ПРИКЛЮЧЕНИЙ
И НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ

МОСКВА ~ 1962

Сканировал и создал книгу - vtaKhankov

В. БОЛДЫРЕВ

ГИБЕЛЬ СИНЕГО ОРЛА

Приключенческая повесть

Государственное Издательство Детской Литературы
Министерства Просвещения РСФСР
Москва 1962

Грозные годы Великой Отечественной войны. Вся страна работает для фронта. И на берегах Ледовитого океана, в далеких оленеводческих колхозах и совхозах советские люди тоже напрягают все силы, чтобы приблизить час разгрома фашистских захватчиков. На оленьи стада обрушивается эпидемия «копытки». Под угрозой оказывается снабжение продовольствием целого края. Молодые специалисты — комсомольцы и члены партии — принимают решение перегнать стада на новые пастбища, которыми еще никто никогда не пользовался, на юг, в долины Омолонского хребта. Дело это неслыханно трудное. Мало людей, бездорожье, таежный и тундровый гнус и чье-то таинственное вредоносное вмешательство на каждом шагу.

О работе и необычайных приключениях оленеводов Колымы рассказывает повесть геолога В. Болдырева «Гибель Синего орла».

Рисунки
В. Успенского

Ч А С Т Ь П Е Р В А Я

Т А И Ф У Н

Глава I. ОТПЛЫТИЕ

Два дня дул холодный северный ветер. Он гнал по реке горбатые черно-синие волны с белыми бурунами пены. Седые клочья морского тумана низко неслись над землей. Морская вода, наступая, теснила устье огромной реки, и река вздувалась, поднимая свой уровень. Даже здесь, у поселка, в ста километрах от моря, вода стала солоноватой.

Вчера ветер внезапно стих, а утром подул с юга и стал попутным.

Мы стоим, облокотившись на поручни. Чайки кружат над вельботом с протяжными, жалобными криками. Волны глухо шумят у близкого берега.

— Твое морское путешествие слишком опасно. Случись с вельботом беда — никто не поможет... — Помполит хмуро поглядывает на летающих чаек.

— С парусами, Петр Степанович, управимся, а волну вельбот стерпит.

— Полярный океан не Волга, хватит шторм — вельботу вашему крышка!

Два года ходил я на шверботах по Волге, и помполит знал об этом.

— В шторм в море не пойду, поплывем около берега. Ветер ударит — в любое устье шмыгнем.

Петр Степанович, черный, как жук, южанин, с лицом, точно вылитым из бронзы, раздумывает. Директор совхоза уехал в порт Амбарчик к устью Колымы встречать оленей стада на побережье Восточной тундры, и слово помполита решает судьбу плавания. Примет ли он на себя риск морского похода?

Вельбот качается на якоре неподалеку от пристани. Перед нами как на ладони поселок Колымского совхоза. Поселок невелик: несколько свежесрубленных домиков уютятся на крутом берегу Колымы в светлой зелени лиственничного редколесья. Отвесными скалами обрывается берег к воде, и волны с шумом разбиваются о мокрые обточенные камни. Близость моря чувствуется в широких плесах реки, в необычайной синеве бухты, в могучем дыхании прибоя.

Впервые я ступил на эту землю, прилетев с Дальнего Юга. Время было суровое: началась Великая Отечественная война. И в эти грозные дни институт посылал группу молодых биологов на Крайний Север.

Решение Ученого совета казалось несправедливым. Ну что полезного для фронта могли сделать биологи в далеком тылу, в безлюдной полярной пустыне?

Теперь, покидая поселок оленеводческого совхоза, я отправлялся на побережье Западной тундры, в объезд оленьих стад.

Летние объезды стад совершались редко: слишком опасен был путь через лабиринт тундровых болот и озер.

Полярное лето наступило: снега стояли, реки вошли в берега, но болотистая равнина с бесчисленными, не отмеченными на картах озерами лежала непреодолимым препятствием на пути.

Долго пришлось размышлять, какой вид транспорта избрать для поездки. Счастливая мысль пришла, как всегда, неожиданно.

В большом сарае на берегу Колымы кверху килем лежал всеми забытый морской вельбот. Краска на нем облупилась, шпаклевка вывалилась, медные пластины уключин позеленели. Однако дубовые доски обшивки и шпангоуты сохранили свою прочность.

Давным-давно волны прибоя выбросили на берег близ устья Колымы обломки неизвестной шхуны и вельбот. Много лет переходил он из рук в руки, но никто не мог им воспользоваться: слишком тяжел был вельбот на весельном ходу.

Шесть дней вместе с плотниками совхоза мы пилили и строгали, словно на верфи, обновляя корпус старого вельбота, снаряжая мачту косым грот-парусом и вспомогательным стакселем. Наши таинственные приготовления возбудили любопытство старожилов поселка. Предположениям не было конца, но я не спешил открывать свой замысел раньше времени.

Я хотел загрузить вельбот провиантом для пастухов, спуститься вниз по левой Колымской протоке, обогнуть Чукокий мыс и, выйдя в море, плыть триста километров вдоль берега Западной тундры к устью реки Белых Гусей. Там паслись на летних пастбищах олени дальнего участка совхоза.

Казалось, морское путешествие у берегов тундры не представляет большой опасности. Укрываться от штормов парусный вельбот мог в устьях речек, впадающих в Восточно-Сибирское море. Но местные старожилы не разделяли моего оптимизма. Покуривая прокопченные трубочки, они вспоминали печальные морские истории, повествующие о коварстве колымских ветров.

Специалисты совхоза уже отправились к ближайшим стадам гористой Восточной тундры. Им тоже предстоял нелегкий путь без дорог и троп. Выгадывая минуты светлого полярного лета, они не ждали проводников из стад.

Длинноногий зоотехник с рюкзаком за плечами пешком ушел к Черной речке, где расположилось ближайшее

оленье стадо. Ветеринарные врачи уехали на верховых оленях в сопки Восточной тундры, погрузив свои медикаменты на вьючных оленей. Очередь была за мной...

Помполит, словно клещами, сжимает руку:

— Ну, смотри, моряк, не увлекайся. Трудно будет — возвращайся... Самолет попросим. Дело твое важное: задушила нас проклятая эпидемия!

Ох, гора с плеч!

Не испугался помполит риска. Сегодня в полдень поднимем якорь и отправимся в плавание. Если все окончится благополучно, выполним ответственное поручение.

О цели неожиданной командировки на Крайний Север мне стало известно только в Якутске, где биологический отряд нашего института получил оперативное задание.

В бассейнах Яны, Индигирки и Колымы, куда еще недавно с трудом пробивались сквозь тайгу вьючные караваны геологических экспедиций, вырастали золотые прииски и промышленные предприятия Дальнего строительства.

В тяжелые годы войны оленеводческие совхозы полярной тундры в низовьях Лены, Яны, Индигирки и Колымы должны были стать крупными базами снабжения оленьим мясом. Мешали этому летние эпидемии копытки, опустошавшие тундру и замедлявшие рост совхозов. Биологической группе нашего института поручили испытать на местах новый метод борьбы с этой малоизученной болезнью северных оленей.

Надолго прощались мы друг с другом, вылетая на самолетах в различные пункты полярного побережья Якутии. Я получил назначение в самый дальний оленеводческий совхоз в устье Колымы.

Низовья Колымы в это время были почти не исследованы, однако освоение природных богатств отдаленного края уже началось. Всех интересовало: действительно ли природа берегов Полярного океана так уныла и безрадостна, как рисовали ее отчеты редких путешественников?

К предстоящему походу в Западную тундру я готовился с увлечением. На полярном побережье этой пустынной тундры, в четырехстах километрах от поселка центральной усадьбы, расположились на летних пастбищах большие олени стада совхоза. Там мы и решили испытать новый метод борьбы с эпидемией. В дальние

стада нужно было поспеть вовремя: до наступления летней изнуряющей жары — самого опасного времени для оленей.

Поэтому приходилось спешить, идя на риск морского путешествия на парусном вельботе. Попутно я хотел осмотреть неизведанные берега Западной тундры. Мне снились таинственные острова, голубые лагуны, кипящие пеной буруны, огни бивуачных костров.

Неожиданное событие ускорило подготовку к походу. Две недели назад на центральную усадьбу пробрался с дальнего участка совхоза пешком по весеннему бездорожью Западной тундры Пинэтаун — молодой пастух-чукча. Он принес с устья реки Белых Гусей сведения о состоянии оленьих стад.

Познакомились мы с Пинэтауном в конторе оленеводческого совхоза — он разглядывал новую пастбищную карту с маршрутами стад. Черные волосы юноши рассыпались непослушными прядями. Он шевелил губами и негромко читал на карте названия тундровых рек. В легкой парке¹, в брюках и торбасах из оленьей замши, с длинным ножом на поясе, молодой пастух походил больше на тундрового охотника.

Мне хотелось расспросить его о приметах морского устья реки Белых Гусей. Я тронул пастуха за плечо:

— Ну, Пинэтаун, давай знакомиться...

Юноша живо обернулся. Бронзовое его лицо, открытое и смелое, оживляли умные карие глаза. Он с любопытством осматривал меня.

По-русски Пинэтаун говорил плоховато, складывая фразы из простых, но выразительных слов.

— Откуда пришел?

— С Большой земли прилетел.

— Что хочешь делать?

— Поеду в стада к реке Белых Гусей.

Пинэтаун не знал о вельботе. Он недоверчиво осматривал меня, словно оценивал пришельца с Дальнего Юга.

— Очень далеко место! Как поедешь — вода кругом?

Я растолковал молодому пастуху план парусного похода к берегам Западной тундры. Глаза Пинэтауна загорелись.

¹ П á р к а — род меховой рубашки.

— Ух! Возьми меня — долго там жил, все места помню.

— Плавать умеешь?

— Ко...

По-чукотски «ко» — «не знаю». Жители тундры не плавают, хотя отлично владеют верткими ламутскими «ветками» и долблеными колымскими «стружками». Летом на этих утлых челнах они смело плавают по бурным тундровым озерам и глубоким протокам, добывая сетями рыбу и линяющих гусей.

— А если вельбот перевернется?

— Ну пусть...

Рассматривая карту оленеводческого совхоза, мы разговорились.

Пинэтаун родился в Алазейской тундре. Мать его была юкагирка, отец — чукча.

В Алазейской тундре смешалось несколько северных народов. Лет четыреста назад с Чукотки сюда пришли в поисках новых пастбищ оленные чукчи. С юга, из Верхоянской тайги, вышли в тундру эвенки и якуты. Коренными жителями низовьев Индигирки и Алазеи были юкагиры — потомки древнейших обитателей речных долин Северной Азии.

Многие реки, озера и приметные холмы в тундре между Индигиркой и Колымой до сих пор сохраняют двойные или тройные названия: юкагирские, чукотские и якутские. Пинэтаун отлично помнил названия тундровых рек на трех языках. Оказалось, что древнее юкагирское название Алазеи — Чемодон, «Большая река». Этого не знал еще ни один географ.

Пинэтауну было семнадцать лет. Рано потеряв родителей, он вместе с сестрой воспитывался у Кемлилина — старого бригадира одной из пастушеских бригад оленеводческого совхоза на реке Белых Гусей.

Кемлилина знала вся тундра. Коммунист, старейший пастух Колымского совхоза, замечательный знаток тундры, он сумел воспитать в юноше любовь к труду, смелость и настойчивость охотника. Восьми лет Пинэтаун в совершенстве владел чаутом — ременным арканом и помогал взрослым пасти оленей, а в пятнадцать лет стал опытным пастухом.

Оленьи стада ежегодно совершали длинные путешествия на летние пастбища Приморской тундры, возвра-

щаясь к зиме в лесотундру. Сохранить в этих трудных переходах тысячные стада полудиких северных оленей нелегко.

Юноша жадно тянулся к знаниям и, когда окончил кружок ликбеза в красной яранге, поехал учиться в Нижне-Колымск. Одолев программу четырех классов в два года, Пинэтаун снова вернулся в родную тундру. В глубоком нагрудном кармане он бережно хранил недавно полученный комсомольский билет.

Я решил взять молодого пастуха в плавание.

Несколько дней Пинэтаун учился вязать морские узлы, тянуть и крепить фалы и шкоты, проворно опускать паруса. Ловкий и сметливый юноша быстро овладел искусством матросского дела, управляясь с парусами не хуже, чем с оленьей упряжью.

И вот близится час отплытия. Южный ветер свежеет. Небо, голубое и безоблачное, не предвещает шторма. Вельбот, пришвартованный к железному бую, плавно качается на волнах. В ослепительных лучах солнца он сверкает снежной белизной своих бортов, и высокая стройная мачта скрипит, покачиваясь в гнезде. На носу выведено карминовыми буквами новое название вельбота — «Витязь».

Мы с Пинэтауном увязываем груз, накрытый брезентом.

Наше отплытие напоминает проводы корабля в кругосветное путешествие. На берегу собрались женщины в ярких платочках; они шумят, как чайки на птичьем базаре; каюры в живописных нарядах спокойно наблюдают за сутолокой отъезда; плотники в брезентовых плащах, дымя самокрутками, поглядывают на новенькие снасти.

Пора поднимать паруса. Петр Степанович причаливает к вельботу на маленькой лодке. Сдвинув мохнатые брови, предупреждает:

— Чур, на рожон не лезть, в шторм в море не выходить...

Прощаемся с помполитом, машем оставшимся на берегу. Подтягиваем фалы, гафель медленно поднимается вверх. Ветер надувает белые паруса, натягивает снасти, мачта жалобно скрипит, и вельбот, накренившись, оставляя пенящийся след, уходит вниз по течению Колымы.

Позади выются платочки; мальчишки подкидывают шапки. Грустно расставаться с родными берегами.

Скоро домики поселка, освещенные солнцем, скрываются за горизонтом. Лишь одинокие лиственницы клонятся над водой, словно желая нам счастливого плавания и благополучного возвращения.

Глава 2. В ПУТИ

«Витязь» быстро плывет по широкой реке. На правом берегу синеют сопки гористой Восточной тундры. На левом простирается бесконечная равнина Западной тундры. Она тянется вплоть до рски Алазеи, и мираж приподнимает над горизонтом колеблющиеся фиолетовые тени холмов — булгуньяхов.

Вельбот загружен ящиками с галетами и маслом, кулями муки и сахара, плиточным чаем. В носовом трюме покоится объемистый кожаный мешок с комплектами газет, журналов и книгами для красной яранги дальнего участка совхоза. Выпуклый корпус «Витязя» вместил тысячу килограммов груза.

С таким балластом нечего бояться ветра. Даже штормовой удар шквала не положит вельбот на воду.

Часа четыре плывем без всяких приключений вниз по течению Колымы. Ветер усиливается, и вельбот идет со скоростью двенадцати узлов. Чайки низко пролетают над клотиком мачты, удивленно оглядывая белые крылья парусов. Вскоре стали нагонять буксирный пароход. Он идет в порт Амбарчик и тянет длинный караван барж. Черный дым валит из его труб.

Баржи сидят в воде низко — на палубах громоздятся штабеля пиленого леса и не виданные на Севере горнорудные машины. Лес и машины идут с далеких верховьев Колымы на Север, к берегам Чукотки.

Наше появление в этих пустынных водах удивляет капитана, и он долго рассматривает в бинокль парусное суденышко. Проносимся мимо парохода и, круто переменяв галс, устремляемся ко входу в левую Колымскую протоку.

Прогляжно воет пароходный гудок, выпуская султан белого пара. Скалистый берег отвечает гулким эхом. Капитан снимает фуражку и машет ею. Приспускаем вымпел. «Витязь» поворачивает в протоку, и пароход исчезает за островом.

Перед нами открывается неведомый мир, куда не

ступала нога исследователя: западную часть Колымской дельты еще не посещали гидрографы, и протоки не были нанесены на карту.

Протока оказывается узкой. По обоим ее берегам тянется непролазная чаща кустарников. Ветер становится тише, но вельбот продолжает двигаться с прежней скоростью.

Круто обогнув мыс, вельбот на полном ходу неожиданно врывается в громадную стаю гусей. Их скопилось здесь не менее тысячи. Линия, гуси теряют крупные перья с крыльев и не могут летать, пока не отрастут новые. С громкими, пронзительными криками, хлопая по воде крыльями, птицы бросаются во все стороны. Одни ныряют, спасаясь от форштевня «Витязя», другие, сбившись в плотную кучу, уплывают вниз по течению протоки, поднимая тучи брызг.

Бросив руль, хватаю ружье и стреляю из обоих стволов; почти одновременно гремит выстрел Пинэтауна. На ходу подбираем убитых птиц. Наш оглушительный залп и хлопанье парусов окончательно пугают гусей. Протока бурлит и покрывается белой пеной. Взлететь облившиеся гуси не могут и почти бегут по воде, быстро взмахивая короткими крыльями.

Стая гусей распадается на части. Птицы устремляются к берегу и, сбивая друг друга, кидаются в кусты. Лишь самые сильные долго еще плывут впереди, оставляя на воде длинный пенящийся след. Случай прекращает невольное преследование птиц: справа открывается небольшая боковая протока, беглецы мгновенно скрываются в нее, и «Витязь» проносится мимо.

Протока все далее и далее уводит в глубь дельты.

Впереди слышатся птичьи крики. Они становятся все громче и пронзительнее. Пинэтаун, склонив голову, внимательно слушает.

— Чайки орла гонят, — тихо говорит он.

И вот над протокой появляется стая чаек. Они кружатся почти на месте, то взлетая ввысь, то падая камнем вниз. Посреди стаи парит большая птица с красиво изогнутыми крыльями.

Кажется, что розовое облако, клубясь, повисло над тундрой. Алым заревом горит на солнце оперение птиц. В воздухе летают сотни маленьких розовых чаек.

Первые розовых чаек обнаружили в 1823 году у по-

лярных берегов Аляски и Канады. На юг они к зиме не улетали, однако гнезд розовых чаек найти в тундрах Северной Америки не удалось.

Почти сто лет натуралисты всего мира безуспешно искали их гнезда. Лишь русскому путешественнику Бутурлину удалось найти в низовьях Колымы целые колонии и гнезда этих редчайших птиц. Оказалось, что розовые чайки гнездились только в одном месте земного шара — в Западной тундре, близ устья Колымы. Музеи всех стран мира охотились за шкурками розовых чаек.

Пинэтаун отпускает фалы — гафель скользит вниз, увлекая парус, и «Витязь» мягко толкается в берег. Подхватив ружья, прыгаем в кусты и вскоре выбираемся на открытую ровную тундру. Чайки кружатся над близким озером.

Со свистом рассекая воздух, низко пролетает пестрый полярный кречет. Ему надоело отбиваться от чаек, и он устремляется искать добычу в другом месте.

Среди зарослей водяной осоки, у самого озера, на кочках, окруженных со всех сторон водой, виднеются гнезда, устланные розоватым пухом. Свиты они из сухих стеблей осоки.

В гнездах лежат яйца. Своим темно-оливковым цветом они резко отличаются от яиц всех птиц тундры. В некоторых гнездах притаились птенцы. Они похожи на крошечных пушистых цыплят с необычайно длинными клювиками и тончайшими плавательными перепонками на лапках. Нам посчастливилось первым наблюдать живых птенцов розовых чаек.

Движения людей тревожат птиц. Они летят со всех сторон с жалобными криками. Скоро над головой повисает целый рой. Махая острыми крыльями, они порхают в воздухе, словно большие розовые колибри.

Стрелять жалко: слишком красивы и нежны эти птицы. Но вот Пинэтаун спускает курок. Одна из чаек стремительно падает на пестрый ковер лишайников. Рубиновая капелька крови повисает на розовой грудке чайки. Зоологическая коллекция «Витязя» пополняется редкой добычей.

Долго бродим вокруг озера, исследуя гнездовья розовых чаек. День угасает, и мы возвращаемся на вельбот.

Солнце все ниже спускается к горизонту. Наступает светлая ночь полярного лета. Ветер стихает. «Витязь»

медленно подвигается вперед, и алые паруса его отражаются в зеркале протоки.

Пора устраивать ночлег. Спускаем паруса — вельбот причаливает. Поставив палатку на берегу круглого озера, рядом с протокой, усаживаемся у пылающего костра и тихо переговариваемся, вспоминая события минувшего дня.

Спать не хочется.

Вытаскиваю карту летних маршрутов оленьих стад в бассейне реки Белых Гусей. Линии маршрутов крутыми петлями выются вокруг пятен, отмеченных красной штриховкой, сплетаясь в причудливый узел на берегу Полярного океана.

Спрашиваю Пинэтауна:

— Успеем ли вовремя изменить эти маршруты?

— Хорошие маршруты зачем менять? — удивляется он. — Озер рыбных много...

Рассказываю юноше о задании, полученном в Якутске. Повальная болезнь косила северных оленей повсюду в полярных тундрах. Эпидемия вспыхивала внезапно в самое жаркое время года, когда над тундрой повисало гудящее комариное облако.

Заболевшие олени хромали; у копыта быстро росла опухоль, превращая поврежденную конечность в грушевидную тумбу. Истощенные животные погибали с признаками острого заражения крови. Жители тундры окрестили губительную болезнь «копыткой».

Олени болели и гибли каждое лето. Ветеринарные врачи, опасаясь, что микробы надолго заражают почву и растительность тундры, штриховкой обозначали места вспышек эпидемии. Карты летних пастбищ изукрашались пестрой мозаикой «карантинных земель». Поэтому так хитроумно переплетались маршруты оленьих стад на плане дальнего участка совхоза.

Секрет копытки раскрыл московский бактериолог Николаевский. Оказалось, что возбудитель болезни — микроскопическая палочка некроза — живет в самом оленье, в кишечнике, не причиняя вреда, до тех пор пока олень здоров и состав крови неблагоприятен для развития микробов.

Но вот наступало знойное время года — в тундре появлялись тучи комаров. Комары мешали пастись оленям, а люди, не зная еще секрета копытки, подолгу задерживали оленей на клочках «незараженных» пастбищ.

Тысячные табуны быстро уничтожали здесь питательную кормовую растительность.

Олени, изнуренные жарой, комарами и плохим питанием, худели, защитные свойства крови ослабевали, и палочки некроза в кишечнике размножались с непостижимой быстротой. Но здесь они не причиняли вреда. Лишь очутившись на пастбище, микробы превращались в опасного врага. Проникая через раскрывшиеся волосяные луковицы на ногах в кровеносные сосуды, они вызывали у ослабевших оленей острое заражение крови.

Проверяя опытом свои выводы, Николаевский внес активные микробы копытки в ранки и царапины здоровым, упитанным оленям. Ни один олень не заболел.

И тогда бактериолог предложил стереть ко всем чертам с тундровых карт штриховку ложных «карантинных земель» и ввести систему противоэпидемических маршрутов с постоянным движением оленьих стад на свежие пастбища с питательной кормовой растительностью. В опасное, знойное время олени получают необходимое питание и будут непрерывно уходить с мест, зараженных микробами.

Предложение Николаевского вызвало бурю упреков и нареканий кабинетных ученых. Они уверяли, что использование карантинных пастбищ повлечет чудовищную вспышку эпидемии.

Долгие годы Николаевский собирал необходимые доказательства. Возвращаясь в первый год Великой Отечественной войны из последней, пятнадцатой экспедиции, он предложил испытать систему противоэпидемических маршрутов в тундрах полярной Якутии. Испытание поручили выполнить нам...

Языки яркого пламени лижут тонкие душистые веточки тундровой ивы. Получилась целая лекция, но Пинэтаун слушает рассказ о Николаевском так внимательно, что не замечает уголька, прыгнувшего из костра. Уголек прожигает замшевые брюки и больно жалит. Юноша, смутившись, вскакивает.

— Послушай, Пинэтаун, как перевести твое имя на русский?

— «Край тумана», — отвечает юноша.

— Пинэтаун — «край тумана»... Звучит поэтически. Кто дал тебе это имя?

Молодой пастух улыбается и рассказывает о старом чукотском обычае. До революции на Чукотке не было школ, народ был забитый и темный. Чукчи верили в злых духов, навлекавших на людей несчастья.

И вот, пускаясь на хитрость, заботливые родители выбирали своему ребенку имя, которое могло бы сбить с толку недобрых духов.

Человек с именем «край тумана», по этому наивному верованию, мог чувствовать себя совершенно спокойно: злые духи не потревожат его, они не захотят блуждать в тумане. Товарища Пинэтауна звали Эйгели — «ветер переменный»: за таким не угонишься. Воспитатель Пинэтауна носил странное имя Кемлилин. По-чукотски — это «женский меховой балахон». Самому хитрому и злому духу не придет в голову, что под этим именем скрывается смелый охотник.

Жители тундры давно уже не верят в духов, но имена, придуманные народом, остались.

Над костром темной тенью закружилась птица. Она взмахивает крыльями, но шороха крыльев не слышно. Пинэтаун хватается ружье и стреляет не целясь. Эхо выстрела будит спящую тундру. С ближнего озера взлетают утки.

Птица неслышно падает на мягкий ковер из мха. Это небольшая ястребиная сова. Ее пестрое светлое оперение, шелковистое и мягкое, напоминает пух. Изящные крючочки скрепляют опахало пера в гибкую пластинку. Край опахала оканчивается тончайшими нитями. При взмахе крыльев бородки пера не трутся друг о друга и не производят шума, а бархатистые края перьев неслышно рассекают воздух.

Пинэтаун рассматривает перо совы с жадным любопытством. Его интересует все: откуда взялись нити и волоски у совиного пера, почему их нет у других птиц, далеко ли улетают ястребиные совы на зиму?..

Пока канителюсь с хирургическими скальпелями и ножницами, осторожно отделяя шкурку розовой чайки от мышечных тканей, Пинэтаун, орудуя лишь острым, как бритва, охотничьим ножом, ловко и быстро снимает нежную шкурку совы.

— Где ты научился снимать шкурки?

— У границы леса на горностаях, — отвечает Пинэтаун. — Много горностая добываю зимой.

Уложив шкурки с убитой чайки и ястребиной совы в ящик с коллекциями, собираемся спать.

Полуночное солнце низко висит над горизонтом. Мягко светит небо, и звезд не видно. Укладываясь в спальный мешок, спрашиваю Пинэтауна, хороша ли будет завтра погода.

— Не знаю... — уклончиво отвечает он.

Глава 3. НА МЕЛКОВОДЬЕ

На рассвете нас будят гагары. Их крики напоминают жалобный плач ребенка. Предрассветный туман, клубясь, поднимается с притихшего озера. Гагары, вытягивая тонкие, змеиные шеи, испускают протяжные вопли: «Аа-увааа! Аа-увааа! Аа-уваа!»

— Пинэтаун, вставай, девушки зовут!

Гагары, услышав голос человека, умолкают и потихоньку отплывают к середине озера.

— Ух! Долго спал.

Юноша выскакивает из палатки, бежит к озеру и плещет холодной и чистой водой, разбрызгивая сверкающие, алмазные брызги.

Гагары тяжело поднимаются с воды и, быстро махая крыльями, улетают в сторону моря. Слабое дуновение воздуха доносится с юга. Пахнет морем; мелкие перистые облачка рябят небо. Пожалуй, можно ожидать попутного ветра.

Вскоре поднимается ветерок. Быстро сворачиваем палатку, поднимаем паруса, и «Витязь», набирая скорость, уходит вниз по течению протоки, к близкому морю.

Кустарник оканчивается; теперь по обоим берегам простирается голая ровная тундра. Неожиданно за поворотом показываются скалы. Одиноким уступом они возвышаются над тундрой.

— Чукочий мыс! — кричит Пинэтаун.

Он стоит на баке, пристально разглядывая из-под козырька ладони плывущие скалы.

Протока расширяется, и «Витязь» выскальзывает на широкий простор Голубой лагуны. Чукочий мыс, словно нос корабля, врезается в бухту. Узкие песчаные стрелки и острова закрывают свободный выход в море.

Вельбот пристает к песчаной отмели у подножия се-

рых скал Чукочьего мыса. Захватив ружья и бинокль, поспешно взбираемся на его вершину.

Серебряная равнина океана сливается на горизонте с бледным небом. Внизу тяжело вздыхают валы. Они лениво разбиваются о скалы, обнажая блестящие глыбы базальта.

Чукочий мыс — последний выступ затухающей складки гор Восточной тундры. Ветер, вода и морозы разрушили пологую ее перемышку, оставив лишь одинокую группу базальтовых скал.

— Больно крепко пахнет! — Пинэтаун жадно вдыхает морской воздух с острым запахом водорослей, соленой воды и рыбы.

Что готовит нам море?

Оглядываю морские просторы. Тревожно на душе: слишком спокойно встречает нас Полярный океан.

Справа, почти до самого горизонта, пестреют яркие зеленые острова неисследованной дельты Колымы. Среди дальних островов выступает одиноким куполом скала Каменного острова. Повсюду перекрещиваются широкие и узкие протоки, отделяя острова друг от друга. Блестящие нити мелких протоков изрезывают поверхность островов, образуя сложный, запутанный лабиринт. На карте совхоза острова обозначались тонким голубым пунктиром неисследованных земель.

На маленькой лодке, вероятно, можно проникнуть в самую глубину дельты и, пользуясь сетью протоков, пересечь любой остров во всех направлениях.

Слева простирается Западная тундра. Озера, почти сливаясь друг с другом, густо покрывают зеленоватую ее поверхность. На запад от Чукочьего мыса виднеется громадное озеро, северный его залив приближается к самому морю. На карте озера нет: в этом месте белое пятно.

Сюда, в дальний угол дельты Колымы, еще не заглядывали экспедиции, не забирались охотники тундровых колхозов, объезжавшие зимой на собаках бесконечные вереницы песцовых ловушек в Западной тундре.

Между зеленым полем тундры и морем тянется коричневая лента отмели. Мутная, зеленовато-бурая морская вода омывает ее. По-видимому, бурые водоросли не только плавают в море, странно окрашивая прибрежные воды, но и устилают песок.

Прильнув к биноклю, пытаюсь разглядеть Поворотный мыс на северо-западном горизонте моря. Где-то далеко на западе от Чукочьего мыса берег тундры, круто сворачивая, уходит под прямым углом на север, затем, снова повернув на запад, достигает устья реки Белых Гусей. Однако Поворотного мыса не видно даже в сильный морской бинокль.

Свистящий звук нарушает тишину тундры. Кажется, в воздухе дрожит спущенная тетива лука и слышится свист летящей стрелы. Невольно пригибаюсь. Над головой, слегка задев меня крыльями, проносится небольшой сокол-сапсан.

Сокол высоко взвизгивает в небо; узкие крылья трепещат в воздухе. Он издает резкие, пронзительные крики; затем, сложив крылья, кидается вниз, и снова слышится свистящий звук летящей стрелы.

Пинэтаун поднимает ружье, затем опускает его, осторожно спуская курки: он не хочет убивать смелую птицу.

Оглядываем скалы. На крутом базальтовом выступе гнездо сокола. Два пушистых белых как снег птенца лежат, тесно прильнув друг к другу. У гнезда валяются перья разорванных уток и куликов.

Перистые облака исчезают. Дует слабый южный ветер. Теперь, выйдя в море, можно обследовать попутно берег коричневых водорослей.

Фарватер отмечают хлопья белой пены. Они быстро уплывают в пролив между длинными языками песчаных отмелей. Из этого пролива далеко в море уходит темнеющий след «водяной дороги». По-видимому, тут изливается в океан струя пресной воды левой Колымской протоки.

— Вот наша дорога, Пинэтаун. Пора в путь.

— Пойдем... пожалуй... — Юноша вздыхает, грустно оглядывая тундру. Ему не хочется покидать землю.

— О чем загрустил, моряк?

— Чайки играют — ветер зовут.

Действительно, над водой взлетают и, перевертываясь через крыло, падают вниз белокрылые морские чайки. Предчувствуют шторм?

Вернувшись к вельботу и проверив, туго ли натянуты снасти и хорошо ли действуют блоки управления, разворачиваем паруса.

Вельбот входит в узкий пролив между голыми песчаными отмелями. Вырываемся на морской простор и плывем темнеющей дорогой пресной воды, оставляя Чукочий мыс позади. Морское плавание началось.

Пинэтаун стоит на коленях на баке, тревожно всматриваясь в горизонт. Что он там видит?

Пора поворачивать руль. Налегая на румпель — «Витязь» послушно сворачивает и быстро идет параллельно низкому берегу на запад.

Внезапно суденышко вздрагивает всем корпусом и, словно споткнувшись о невидимое препятствие, валится на бок. Песок скрипит под днищем. Пинэтаун мгновенно отпускает фалы, и паруса накрывают его. Вельбот сел на мель вблизи от морского берега. Нос и середина корпуса покоятся на песке. Корму едва покачивают волны.

Пришлось выдвигать тяжелые дубовые скамейки. Стаскивая вельбот с мели, пользуемся ими, как прочными рычагами.

И вот «Витязь» снова на глубокой воде; тихо плывем вдоль отмели по каналу, промытому водой впадающей протоки. Все дальше уходим в море по темному извилистому проходу среди мелководья. Теперь мы различаем мелкую воду по мутно-зеленому ее оттенку.

Далекий Чукочий мыс фиолетовой тенью дрожит в воздухе, и низкий берег Западной тундры почти сливается с поверхностью океана.

— Смотри, вода светлая! — кричит Пинэтаун.

Действительно, море посветлело, вероятно стало глубже. Пинэтаун мерит веслом глубину, едва доставая дно. Осторожно поворачиваю руль. «Витязь» опять идет параллельно далекому берегу. Нужно внимательно следить за дном. Под килем почти слышен тихий шорох песка. Песчаное дно моря оказывается удивительно ровным и плоским.

Странный цвет морской воде придают не плавающие водоросли, как это казалось нам с вершины Чукочьего мыса, а полоса мелководья. В случае шторма «Витязю» не пристать к берегу и не укрыться в устьях мелководных рек, впадающих в море.

Непредвиденное препятствие...

Спасти от шторма возможно, только достигнув цели нашего плавания, — глубокого устья реки Белых Гусей.

Что делать?

Вернуться в поселок, не выполнив задания, нельзя: приближается комариное лето, и нужно вовремя изменить маршруты оленьих стад на дальнем участке совхоза.

Без риска в таких случаях не выигрываешь, но разумный риск подкрепляется тонким расчетом. Прислушиваюсь к тихому журчанию, шепоту пены. Понимает ли Пинэтаун всю глубину грозящей опасности? Лицо юноши, коричневое от загара, сосредоточенно и серьезно.

— Сломает лодку, уходить надо, — вдруг говорит молодой пастух, махнув в море.

А не пустить ли в самом деле «Витязь» наудалую в открытое море и пересечь напрямик огромный залив, образованный изгибом берега Западной тундры?

Во-первых, путь сокращается вдвое, а во-вторых, и это главное, исключается опасность катастрофы на мелководье во время волнения. Даже при шторме мы достигнем цели своего плавания и с прибоем войдем в глубокое устье реки Белых Гусей.

Времени на долгие размышления нет — принимаем это рискованное решение. Но выход в море приходится отложить. Дело в том, что сила ветра на берегах Полярного океана изменяется обычно к полудню. Усилившись, ветер может перейти в шторм. Пуститься в открытое море до полудня на утлом суденышке мы не решились.

Глава 4. СТРАННЫЕ СЛЕДЫ

Небо по-прежнему остается ясным. Ветерок не усиливается, и зеленоватое море играет блестящими чешуйками.

До полудня в нашем распоряжении несколько часов. Что, если воспользоваться свободным временем и обследовать неизвестное озеро, обнаруженное с вершины Чукочьего мыса?

«Витязь» поравнялся с берегом коричневых водорослей, там, где озеро близко подходит к морю. Спустив большой парус, на одном стакселе тихо плывем к мелководью, и скоро киль «Витязя» касается песчаного дна.

Бросаем якорь. Собираюсь в поход. Пинэтаун остается на вельботе. С первыми признаками волнения или шторма он уйдет с «Витязем» под защиту скал Чукочьего мыса.

Беру с собой ружье, компас, бинокль, полевую сумку с картой, альбом и записную книжку. Не забываю положить в рюкзак спички и соль, а к поясу подвязать кружку. За бортом так мелко, что, подтянув высокие голенища резиновых сапог, становлюсь на твердое дно.

Низкий берег чуть темнеет на горизонте. Отсчитав по компасу курс движения, иду по воде к далекой полоске земли. Одинокая фигура человека, шагающего по колесно в воде, с ружьем, биноклем и сумкой через плечо, имеет, должно быть, странный вид среди безбрежных морских просторов.

Через полчаса «Витязь» тонет в голубом тумане. Со всем мелко. Ясно вижу темно-коричневую полосу береговой отмели и за ней ярко-зеленую ленту прибрежной травянистой растительности. До берега остается метров двести, но выбраться на сушу удастся с большим трудом. Сапоги глубоко вязнут в липком морском иле. У самого берега блестит жидкая черная грязь. Ноги сдавливают, словно капканом, и я медленно погружаюсь в морскую трясины.

Ждать спасения неоткуда. Срываю ружье, плашмя падаю в грязь, освобождаюсь от сапог; опираясь на ствол, выползаю на отмель и оглядываюсь. Голенища резиновых сапог сиротливо торчат из морского болота.

На берегу водорослей нет. Высохший ил бурой коркой покрывает отмель, лишь у самой воды грунт вязок. Отлив еще не начался, и объяснить происхождение морского болота и высохшей илистой отмели действием приливов невозможно.

Прежде мне никогда не приходилось слышать о морских болотах, и я не ожидал встретить трясины у берегов Западной тундры. Спустя сутки мы получили объяснение этого необычайного явления при весьма трагических обстоятельствах.

Складываю шаткий настил из сухих бревен плавника и вытягиваю из болота сапоги. Пытаюсь нащупать дно морской трясины длинным шестом, найденным в плавнике, — шеста не хватает.

Высокий вал плавника разделяет коричневую отмель и зеленое поле тундры. Кажется, что море лишь недавно освободило сушу, оставив древесные стволы и широкую полосу высыхающего илистого дна.

Перебираюсь через барьер плавника на плоскую террасу, заросшую нежными безлистными стебельками почти изумрудного цвета. Стебельки оканчиваются бурными зазубренными головками. Распознать маленькое растение нетрудно: это соляной хвощ, обитающий там, где суша часто заливадается морем.

Хвощи уступают место густой поросли вейника. Слабый ветерок играет серебристыми метелками высоких стеблей. Пятна песчаной почвы желтеют на солнце. В песке валяются морские раковины, выбеленные временем.

На следующей морской террасе простирается влажная кочковатая тундра. Удивляюсь необычайной величине кочек и пышности осоки высотой по грудь. С ружьем на руке пробираюсь в этих буйных зарослях, пересекая полузаросшие тундровые озера и русла извилистых протоков шириной не более метра. Протоки струятся в узких зеленых коридорах среди осоковой гущи.

Станный звук приносит ветерок из зарослей.

«Шлеп-шлеп, шлеп-шлеп», — слышится все ближе и ближе. Звук то стихнет, то снова возникает с прежней ритмичностью. Кажется, будто в зарослях крадется громадная ящерица: шлепая по воде лапами, она то останавливается, прислушиваясь, то снова движется вперед.

Пригибаясь, взвожу курки ружья и осторожно раздвигаю густые стебли осоки. Передо мной открывается зеленый коридор высыхающей протоки. По илистой дорожке бегут совсем еще молодые гуськи. Они не отстают друг от друга, одновременно шагая оранжевыми лапами. Кажется, что все они спешат по важному, неотложному делу.

Передний гусек неожиданно останавливается как вкопанный. Остальные застывают, точно по команде. Высоко подняв и повернув головы, они прислушиваются и присматриваются, не замечая еще присутствия человека. Вороненные стволы ружья отсвечивают на солнце, и блеск стали, видимо, тревожит молодых птиц. Они нерешительно переминаются, опасаясь двинуться дальше. Одним выстрелом можно уложить половину этой удивительной компании. Но стрелять не хочу.

Потоптавшись на месте, передний гусек вытягивает шею и суетливо бежит дальше. Его маленькие спутники следуют за ним.

С ружьем на руке пробираюсь в этих буйных зарослях.

«Шлеп-шлеп, шлеп-шлеп», — снова слышится в тиши зеленого коридора. Гуськи бегут след в след, не обращая больше на меня внимания. Теперь можно вытянутой рукой коснуться их светлых крыльев. Улыбаясь, наблюдаю за поспешным шествием до тех пор пока птицы не скрываются; затем, стараясь не шуметь, двигаюсь вслед за ними.

Высыхающая протока ведет к озеру. За поворотом коридора взлетают пестро окрашенные утки. Кулики бегут впереди, оставляя тонкий узор следов. На влажной поверхности илистого дна, словно в зоологическом атласе, рельефно отпечатываются следы обитателей тундры.

Протокой пользуются и птицы и звери. У края осоковых зарослей, там, где ил плотнее, длинной цепочкой тянутся следы песка. Необычайно крупный когтистый след полярного волка пересекает протоку; следы совсем свежие, в глубоких ямках не устоялась еще мутная вода.

Протока, расширяясь, образует скрытое озерцо; на отмели около воды отпечатался рисунок крупных перепончатых лап лебедя. Кучка окровавленных перьев отмечает место гибели куропатки. Вероятно, полярный ястреб настиг тут свою жертву.

За поворотом протоки в коричневый ил глубоко вдавились громадные трехпалые птичьи следы. Каждый след не менее четверти метра. Рисунка плавательных перепонок нет.

Страусы?

Невольно оглянувшись, вытаскиваю альбом и быстро зарисовываю странные отпечатки. Эх, добыть бы шкурку необыкновенной птицы для зоологической коллекции. В Колымской тундре еще не ступала нога зоолога, и я собираю шкурки всех убитых птиц.

Предстоит интересная охота. Следы уводят по руслу протоки к озеру. Вскоре они обрываются. Какая жалость — птица ушла в береговые заросли осоки, и разобрать след невозможно! Среди этих зарослей выступают высокие мшистые кочки.

Взбираюсь на торфяные столбы: открывается величественная зеленая равнина тундры. Большое озеро блестит совсем близко. Широкий конусообразный холм-булгуньях с усеченной вершиной, точно потухший вулкан, возвышается у самой воды. Пустынные берега озера оживляют лишь птицы. На отмели, взмахивая

серыми крыльями, прохаживаются речные чайки. У берега, шеголяя белизной оперения, плавают два лебедя. Над водой летают маленькие длиннохвостые крачки. Иногда они выхватывают из воды серебристых рыбок.

Долго иду к озеру, проклиная болотистые осоковые заросли.

Путь к нему преграждает второй вал плавника. Высохшие, почерневшие стволы торчат из-под слоя торфа у перегиба древней морской террасы. Словно погибший лес, поваленный бурей, погребен здесь надвинувшейся тундрой.

Спокойная поверхность океана расстилается в пяти километрах отсюда. Все говорит об отступлении моря: широкая полоса прибрежных мелководий, пологие морские террасы, валы оставленного плавника, морские раковины вдалеке от воды и, наконец, громадная болотистая низменность тундры с высыхающими озерами.

Второй вал погребенного плавника отмечает место, где море находилось несколько тысяч лет назад.

Неожиданно среди побуревших стволов мелькнули очертания знакомого предмета. Поспешно извлекаю находку. Это обточенная волнами корабельная доска из твердого американского дуба. Как попал сюда обломок американского корабля?

Невольно вспоминаю историю американских контрабандистов. Пользуясь отдаленностью края, шхуны Норд-Компаний из Аляски нарушали в прошлом нашу государственную границу. Не раз терпели они бедствия у пустынных берегов Восточно-Сибирского моря. Посещения непрошенных гостей прекратились лишь в двадцатых годах нашего века.

Если корабельная доска была выброшена волнами, значит, море находилось у места погребенного плавника всего несколько десятилетий назад. Между тем почерневшие стволы нагроможденного плавника и слои накопившегося торфа были тысячелетней давности.

Чем объяснить это странное противоречие? Как попала на древнюю морскую террасу обточенная волнами палубная доска?

Прихватив неожиданный подарок моря, выхожу на берег озера. Пестрый ковер зеленых мхов и белых лишайников устилает сухую бугристую тундру. Повсюду курчавятся кустики цветущего багульника и ярко

зеленеют глянцевиые листочки карликовых полярных ивнячков. У самого берега дна не видно.

Опершись на доску, стою у темной воды, размышляя об удивительных загадках, которые ставит природа перед человеком.

Вдруг на стальной поверхности озера появляется изпод воды что-то блестящее, черноватое и снова скрывается в глубине. Кажется, что у самой поверхности плавает громадная рыба и мясистый плавник ее временами рассекает воду.

Через минуту в ста метрах от берега вода взволновалась, и на ее поверхности снова появляется странный блестящий предмет. Ясно вижу большие круглые глаза, щетинки редких прямых усов и золотистые пятнышки на фоне серебристого меха. Вынырнув из пресной воды озера, на меня с любопытством смотрит морская нерпа.

Через мгновение нерпа исчезает. Лишь мелкие пузырьки и круги на воде указывают место, где скрылась голова морского зверя. Сбегая к озеру, зачерпываю воды — на вкус она оказывается солоноватой.

Почему нерпа очутилась в тундровом озере? Может быть, тут пролегал берег морского залива?

Оглядываю пустынные берега. У подножия круглого холма чернеет столбик. Вот так штука — топографический знак! Неужели озеро уже исследовали и положили на карту? Шагаю к топографическому реперу и останавливаюсь в полнейшем недоумении.

— Ого, это не топографический знак...

Оскаленная морда медведя вырезана на верхушке столба. Клыки и белки глаз выкрашены белой краской, и черная деревянная голова, отполированная временем, кажется живой. Столб представляет туловище медведя, поднявшегося на дыбы. Передние лапы опущены, задние сдвинуты коленями, а косялапые ступни касаются земли деревянными пальцами.

Причудливо вырезанный столб высотой в полчеловеческого роста напоминает тотем¹ американских индейцев. Дикой звериной силой веет от деревянного изображения. Столб врыт в центре утопанной песчаной площадки. Она обложена по кругу беловатыми створками

¹ Тотем, тотемический знак — у отсталых племен изображение почитаемого родом животного — «родоначальника».

раковин. У лап деревянного медведя на песке лежит большой лук с натянутой тетивой и длинная оперенная стрела с железным наконечником. Она уложена на тетиву и острием указывает на запад.

Лук отлично сохранился. Дерево полировано от долгого употребления. Тугая тетива, сплетенная из оленьих жил, звенит, как струна. Лук склеен из двух слоев древесины, и между ними проложена сухая оленья жила. Стрела совсем новая: древко не потемнело, наконечник не заржавел, пестрые перья не испорчены сыростью.

Кто мог оставить на пустынном берегу озера деревянного идола и совсем еще новый лук в век электричества, самолетов и радио?

Внимательно осматриваю песчаную площадку и сухую лишайниковую тундру. Следов людей нет. Может быть, тут чья-нибудь позабытая могила?

Пологие склоны булгуньях спускаются к озеру совсем близко. Поднимаюсь на плоскую вершину холма. Песчаную почву, развеянную ветрами, покрывает поросль тундровых злаков. В песке чернеют отверстия песцовых нор и валяются обглоданные птичьи кости. Там и тут белеют раковины.

С холма открывается чудесная картина озера. Северный его залив переходит на западе в обширное ярко-зеленое осоковое болото. По-видимому, и там в недалеком прошлом расстилалось озеро, теперь оно высохло, и болотистую почву густо заселяет водяная осока.

Что такое?..

Вдали, на лужайке среди осоковой гущи, пляшут странные фигуры. Соединившись в круг, они подпрыгивают на месте, ритмично покачиваясь из стороны в сторону, словно плясуны в старинном чукотском танце.

Вскинув бинокль, различаю высокие тонкие ноги, сигарообразные туловища, длинные шеи и вытянутые головы с острыми клювами. Неужели люди, переодетые в маски, танцуют тотемический танец?

Нет, на берегу озера хороводом пляшут крупные белые птицы. Это их следы сохранились на дне высохшей протоки.

Скатившись с холма, осторожно пробираюсь сквозь болотистые заросли.

Тихо раздвигаю высокие стебли и вижу чудесных птиц совсем близко. Они окончили свой танец и разбре-

даются по болоту. Поражает величина птиц — ростом они почти не уступают человеку. Края белых крыльев оторачивает черная кайма, хвост украшают перья серповидной формы. Тонкие ноги и передняя часть головы необычайного огненно-красного цвета, клюв розовый.

Великолепием своей окраски птицы напоминают фламинго. Часто останавливаясь и широко раздвигая карминовые ноги, они шарят в болоте длинными клювами. Вытащив корешок, птица распускает крылья и с уморительными ужимками начинает приплясывать.

Совершив короткий танец и проглотив лакомый кусочек, плясуны снова принимаются шарить в болоте. Иные из них, вытащив из болота вкусный корешок, подбрасывают его в воздух и стараются поймать на лету, громко щелкая клювами. Другие игриво бегают или, распушив перья, наскакивают друг на друга.

Ужимки длинноногих обитателей болота так забавны, что вытаскиваю альбом и делаю несколько зарисовок.

Птицы забеспокоились. Пора стрелять, чтобы не упустить редкую добычу.

Выстрел разрывает тишину болота. Самая крупная птица валится в траву. На лужайке возникает страшная суматоха, слышатся громкие, пронзительные крики. Большие, тяжелые птицы не могут сразу подняться в воздух и долго бегут по болоту, махая огромными белыми крыльями. Но вот стая поднимается, и, соединившись в треугольник, птицы-великаны улетают на юг.

Крупная картечь пронзила плотное и гладкое оперение в нескольких местах. Туловище украшают белые перья с широкими опахалами; шею и затылок облегают тонкие, нежные перышки; шелковистые их нити похожи на оперение австралийского страуса.

— Да это же стерхи! Белые журавли! Как же я раньше не догадался?

В тундрах Северо-Восточной Сибири, далеко за Полярным кругом гнездились арктические журавли. На зиму стерхи улетали в Индию, Северный Китай и Японию, где скрывались на болотистых речных островах и в камышовых зарослях высыхающих озер.

Зоологическая коллекция пополнилась новой редкой шкуркой. Осторожно уложив ее в рюкзак, поворачиваю к берегу — нужно возвращаться и выходить в море. Чистое полуденное небо не предвещает шторма.

Забираю в коллекцию лук и стрелу. Брать с могилы вырезанную из дерева фигуру медведя не решаюсь. Может быть, заберем ее на обратном пути, возвращаясь с устья реки Белых Гусей.

Выхожу к морю, благополучно переправляюсь по настилу из плавника через морское болото, долго шагаю по колено в море и подхожу наконец к «Витязю». Пинэтаун радостно улыбается.

— Эгей! Пришел? Пешком искать тебя хотел...

— А вельбот?

— К Чукотскому камню гонял. Потом ждать вернулся.

Рассказ о большом озере и деревянном идолу заинтересовал Пинэтауна. Он внимательно осматривает лук и стрелу.

— Совсем не чукотский — лесной лук. Смотри, береза.

Действительно, нижний слой клееного лука из березы. В тундре березы нет, и старинные чукотские луки вытачивались из лиственницы.

— Перо тоже чужое, нет таких птиц в тундре.

Острый глаз у юноши. Рассматриваю оперение стрелы и не узнаю рисунка. Какой птице принадлежат эти пестрые перья? Долго мы не могли разгадать значения удивительной находки.

Рассказ о танцах белых журавлей не удивляет Пинэтауна — он видел их в Алазейской тундре. Но встречать нерп в тундровых озерах ему не приходилось.

— Как пришла нерпа в озеро, а?

Объяснить странного явления не могу.

Глава 5. ИСПЫТАНИЕ

Ровный попутный ветер дует с юга. Море спокойное, и мы решаем покинуть берег Западной тундры.

Пинэтаун раскладывает на корме морскую карту. Прочертив прямую линию к устью реки Белых Гусей, измеряю транспортиром угол между этой линией и меридианом, учитываю поправку на магнитное склонение и получаю компасный курс. Теперь, выдерживая направление по компасу, можно привести вельбот к намеченной цели.

В морской бинокль хорошо виден горизонт по курсу.

В стеклах бинокля колыхнется бесконечная зеленая равнина океана, чуть синеющая вдаль.

Правильно ли поступаем, пускаясь на утлом суденышке в открытое море?

Но иного пути нет. Нужно спешить: наступают опасное время для северных оленей.

В два часа пополудни снимаемся с якоря и, развернув паруса, уходим в море.

Скоро земля растаяла, скрылась из глаз. Длинные океанские волны поднимают «Витязь» и плавно опускают в малахитовую зелень океана. Форштевень разбивает гребни волн, брызги веером летят в лицо, и мы чувствуем на губах острый соленый вкус морской воды.

Пинэтаун с тревогой посматривает на воду: он впервые видит океанские волны. Ветер свежеет. Скорость «Витязя» достигает двенадцати узлов. При таком ходе можно увидеть желанный берег к полуночи.

Однако наши надежды не оправдались: с хорошим ветром вельбот плывет часов пять, затем ветер слабеет и к вечеру стихает совершенно. Океан постепенно успокаивается и засыпает.

По моим расчетам, вельбот находится на полпути, в ста километрах от Поворотного мыса.

Не опуская парусов, садимся на весла и гребем, пошевеливая затихшую воду. Нежные блики расплываются на бархатистой, маслянистой ее поверхности. Спокойное море отликает перламутровым сиянием жемчуга.

— Ветер крепкий будет, нога болит... — вдруг говорит Пинэтаун.

Три года назад на охоте юноша получил случайную рану в бедро. Рана давно зажила, но боль в ноге часто предвещала перемену погоды.

Но почему стрелка судового барометра спокойна?

Не спим, поджидая ветра. В два часа ночи густой туман закрывает море. Вельбот словно опускается на дно. Бледный изумрудный свет льется на паруса и снасти, на выпуклые борта и на тревожные наши лица.

Так мы и не заснули всю ночь.

Утром слабый ветерок наполняет повисшие паруса. Вельбот оживает. За кормой с журчанием бежит вода. Рассеивается туман, открывая ясное небо и зеленоватую ширь океана. Земли не видно.

Может быть, ночью, в тумане, «Витязь» сбился с пути? Хочется повернуть руль и направить вельбот к покинутому берегу. Проверяю компас — он указывает правильный курс.

Пинэтаун внимательно оглядывает пустынное море. Из воды то и дело показываются блестящие головы нерп. Ветер свежее, океанские волны баюкают вельбот. Накренившись, он мчит на раздутых парусах. Нерпы исчезают, появляются чайки. Они кружат у грот-паруса с тоскливыми криками.

К полудню крепкий ветер чернит поверхность океана и покрывает ее бурунами пены. Скорость «Витязя» внезапно повышается, крутым носом он сбивает кипящие гребни больших пологих волн.

Парусов не сбавляем, надеясь на тяжесть балласта. Наблюдая за порывами ветра, наваливаясь на руль, выдерживая правильный курс. В небе появляются перистые облачка, качка усиливается. В любую минуту можно ожидать шторм.

— Уменьшай паруса!

Пинэтаун проворно подвязывает шкоты, уменьшая площадь грот-паруса. Однако скорость движения остается прежней. Вероятно, ветер усиливается. Долго идет вельбот среди беспокойного, потемневшего океана. Охватывает гнетущее беспокойство.

Вдруг молодой чукча поднимается во весь рост, уцепившись за тугие ванты:

— Тундра!

Черные волосы его развеваются по ветру, он указывает на северо-запад. На горизонте чуть темнеет узкая полоска желанной земли. Земля выступает из моря, словно остров в океане. Правильно мы идем или, уклонившись в сторону, промчались мимо Поворотного мыса в открытый океан, достигнув Медвежьих островов?

Эти пять островов лежат против дельты Колымы, и западный, Крестовский остров, находится близко от Поворотного мыса. Небольшая ошибка в курсе или случайное течение могли привести нас к ближнему острову архипелага.

С Медвежьими островами связаны интереснейшие страницы истории русских полярных путешествий.

Впервые эти далекие острова исследовал простой русский промышленник, охотник за песцами, Иван Вилегин.

Зимой 1720 года он переехал на Крестовский остров от Поворотного мыса по льду на собаках. На таинственный остров он стремился не только ради песцового и медвежьего промысла — его манила неведомая земля, рассказы о которой передавались из уст в уста в Нижне-Колымской крепости со времени ее основания Михаилом Стадухиным.

С Крестовского острова промышленник проник на второй, третий, четвертый и пятый Медвежьих острова, еще никем не виданные.

За несколько дней Иван Вилегин открыл и осмотрел целый архипелаг далеких полярных островов, совершив географический подвиг.

Острова были необитаемы. Но странные находки поразили промышленника. На северных берегах первого, третьего и пятого островов он нашел полуразвалившиеся первобытные деревянные постройки, сложенные из плавника, тесанного каменными или костяными орудиями.

На третьем острове, на одинокой скале-отпрыдыше, в одиннадцати саженьях от берега, было выстроено из плавника и дерна удивительное сооружение наподобие небольшой крепости на сваях.

Кем были построены на полярных островах первобытные жилища из плавника и крепость на сваях? Ведь чукчи никогда не строили свайных построек и жилищ из плавника и дерна.

Странное происшествие, случившееся с Иваном Вилегиным, также не проливало света на происхождение удивительных построек. Обезжая на собаках по льду замерзшего моря скалистые берега пятого острова, он увидел бегущего медведя, подстреленного длинной белой стрелой. Нагнав раненого зверя, промышленник убил его и вынул стрелу. Она была с костяным четырехгранным наконечником.

Неожиданная находка смутила Вилегина — он вернулся на материк к Поворотному мысу, не решаясь в одиночку искать «незнакомых людей».

Пинэтаун с любопытством слушает рассказ о Медвежьих островах. Оказывается, он бывал на старинной заимке Вилегина, расположенной неподалеку от поселка оленеводческого совхоза, в низовьях Колымы.

Сорок лет спустя после похода Вилегина на Медвежий остров был послан сержант Андреев. Осмотрев

острова, он совершил длинный санный поход по льду океана и обнаружил неизвестный остров. Приблизившись к земле, Андреев и колымские звероловы, сопровождавшие его, увидели следы нескольких оленьих нарт. Опасаясь столкновения с жителями неизвестного острова, Андреев повернул назад и благополучно вернулся в Нижне-Колымск.

С тех пор больше никому не довелось видеть Земли Андреева.

В 1919 году Амундсен, плывя Северным морским путем на шхуне «Мод», высадился на Медвежьих острова и сделал раскопки у развалин жилищ, обнаруженных Вилегиним. В земле он нашел четырехгранные костяные наконечники стрел и копий, каменные ножи и гарпуны, черепки глиняной посуды.

Кому принадлежали эти вещи?

Невольно вспоминаю свои странные находки на берегу пустынного озера. Не связаны ли они с загадкой Медвежьих островов?

Жадно вглядываемся в очертания незнакомой земли. Но вот словно из-под воды выступает пустынный и дикий песчаный берег, опоясанный широкой полосой грязно-белых бурунов. Кажется, что волны разбиваются о барьер рифов и подводных скал.

Из туманной дымки выплывает низкий берег континентальной тундры. Длинной фиолетовой чертой он уходит далеко на юг. Поворотный мыс издали показался нам островом. Океанские волны, с ревом сталкиваясь на мелководье, ударяются о песчаное дно. Брызги высокими столбами взлетают к небу, переливаясь разноцветным сиянием радуги.

— Смотри! Наше место.

Пинэтаун счастливо улыбается, разглядывая знакомый берег. Он узнает Поворотный мыс, где часто бывал с оленьими стадами. Река Белых Гусей — цель нашего плавания — впадает за мысом в океан. Опасности беспокойного плавания в открытом море остаются позади.

С грустью посматриваю на восток. Эх, хорошо бы свернуть с курса, высадиться на Медвежьих островах и поискать следы прежних обитателей полярного архипелага!

Спустя два месяца необычайное стечение обстоя-

тельств привело нас к разгадке тайны Медвежьих островов.

Проходим у самых бурунов мелководья, минуем Поворотный мыс и плывем к месту, где находится, по расчетам, устье реки Белых Гусей. Меняю галс. Скорость вельбота резко падает. Против ветра он медленно плывет к берегу, подгоняемый большими океанскими волнами.

Разглядывая в бинокль бесконечную ленту бурунов, ищу вход в глубокое устье реки. Но устья не видно. Явственно слышим нарастающий рев бурунов и грохот разбивающихся на мелководье волн.

Где же чертово устье?

Волны с минуту на минуту грозят разбить вельбот о песчаное дно.

И вдруг вдали блеснула серебристая змейка реки. Вливаясь в море, светлая струя пресной воды теряется в пене прибоя. Зеленоватый цвет морской воды и снежная белизна пены отмечают глубокую воду фарватера. Вцепившись в румпель, направляю вельбот туда, где пена волн ослепительной белизны.

Взмахнув белыми крыльями парусов, «Витязь» устремляется к бурунам. Большая океанская волна настигает нас и, высоко подняв, несет в кипящий котел. Слово во сне вижу яркий ковер тундры и песчаный берег, освещенный солнцем. Смерч воды и пены обрушивается на вельбот, голубоватый свод смыкается над головами, и мы принимаем морское крещение.

Вельбот выдержал натиск воды и, проскользнув опасное место, выходит на глубокую воду фарватера. Теперь океанская зыбь плавно качает суденышко. Рев бурунов утих, и рокот берегового прибоя переливается приятной музыкой.

Пинэтаун убирает паруса, и «Витязь» тихо пристает к песчаной отмели в глубокой лагуне речного устья. Наше плавание успешно окончилось.

Юноша спрыгивает на пустой пляж, опускается на колени и с тихим смехом сгребает горсть горячего песка. Закрепив якорь в плавнике, отправляемся к песчаному валу древней морской террасы. Этот вал бесконечной насыпью тянется по берегу, отмечая место, где море находилось в недавнем прошлом.

Хорошо шагать по твердой земле. С вершины песча-

ной гряды открывается необозримая озерная равнина тундры. Река Белых Гусей извивается между озерами, образуя длинные крутые петли. Сближаясь, изгибы русла почти касаются друг друга.

Ни один дымок, ни одна яранга не оживляют картины плоской мшистой тундры. Лишь на озерах плавают табуны дикой птицы. Мы достигли почти необитаемой части полярного побережья Западной тундры между Алазеей и Колымой.

— Смотри... Там лагерь пастухов.

Пинэтаун указывает на юг. Но и в бинокль я не вижу признаков жилья. Лишь большие озера рассекают бесконечную зеленую равнину.

— Десять километров осталось; по речке, однако, тридцать будет, совсем кривая река.

Два других пастушеских лагеря находятся, по словам Пинэтауна, в двадцати километрах западнее реки Белых Гусей.

После утомительного морского путешествия лучше переночевать у подошвы песчаного вала и с утренним ветром отплыть вверх по реке — искать пастухов. На веслах подгоняем вельбот к песчаной насыпи и ставим палатку. Пинэтаун, захватив ружье, отправляется настрелять дичи к обеду.

Неподалеку гремят выстрелы, и вскоре молодой охотник появляется около палатки. Он кладет на песок крупную белую птицу с гусиным клювом и оранжевыми лапами. Лишь концы крыльев у нее угольно-черные.

— Хорошее чучело можно сделать... Трудно убить белого гуся... — говорит юноша, поглаживая светлое, как у лебедя, оперение.

Много рассказов можно услышать в низовьях Колымы о белых гусях. Гнездятся они в тундрах Аляски и Канады, а осенью улетают в Берингово море. Старожилы оленеводческого совхоза уверяли, что белые гуси гнездятся не только в Америке. Теперь убеждаюсь в этом. Редкую птицу Пинэтаун убил в устье реки Белых Гусей. Очевидно, название свое река получила недаром.

Ветер внезапно стихает, и наступает штиль. С поверхности океана сбегает белые гребешки волн. В палатке душно. После бессонной ночи слипаются глаза. Распахнув палатку, располагаемся на спальнях мешках. Одолевает сон — сразу проваливаюсь куда-то.

Просыпаюсь от нестерпимой духоты: в ушах звенит, а голову словно стискивают железные обручи. В палатке жарко, как в печке. В полумраке слышатся тихие стоны Пинэауна. Сон его беспокойный, тяжелый.

Что случилось, почему так темно и душно?

Поспешно откинув крышку футляра, смотрю на барометр. Ого! Стрелка показывает семьсот десять миллиметров. Невероятно! Такое низкое давление бывает лишь в Индийском океане перед тайфуном. Поверить прибору трудно.

Постукивание по зеркальному стеклу барометра не изменяет показаний стрелки: она вздрагивает и снова застывает в прежнем положении.

В тишине слабо плещется вода. Кажется, что играет она у самого входа в палатку. Выскакиваю наружу и вижу совсем близко море. Затопив берег и устье реки Белых Гусей, морская вода подбирается к песчаному валу, к палатке. Река вливается теперь в океан в двух шагах от нашего лагеря. «Витязь» покачивается рядом с палаткой, и просмоленный канат якоря отвесно спускается в глубину реки, поднятой морским наводнением.

Стоит полный штиль, вода отсвечивает полированной сталью. Солнце скрылось за тучами, и сумерки окутывают притихшую тундру.

Весь северный горизонт над морем закрывает темная стена грозových облаков. Клубясь, они поднимаются высоко в небо и громоздятся в виде башен и гор. Розоватые отблески полуночного солнца окрашивают их вершины. Между облаками чернеют воздушные ямы и ущелья. Кажется, с неба рушатся в море снежные глыбы.

Бесшумное наступление океана пугает своей внезапностью. Бужу Пинэауна. Юноша с удивлением и страхом смотрит на воду, подступившую к нашей палатке. Каждое лето он приходил с оленьими стадами на берега Полярного океана, но видеть или слышать о морских наводнениях ему не приходилось.

— Куда идет море? — испуганно спрашивает он.

Что мог я ответить юноше? Необъяснимое наступление океана происходит при тихой погоде.

Море медленно наступает. Наспех свернув палатку и

спрятав вещи в вельбот, поднимаемся на гребень песчаной гряды. Теперь перед стеной облаков образовался крутящийся вал исчерна-синих туч. Словно черное крыло заслоняет горизонт, и мгла, распространяясь все шире и шире, охватывает небо.

Морская вода, заливая тундру, затопливает и место нашей недавней стоянки.

Песчаная гряда превращается в длинный остров. Новый берег Западной тундры уходит все дальше и дальше, теряясь во мраке наступающего ненастья. Молчаливо стоим на острове, вглядываясь в грозовые тучи.

Облачная стена, несомненно, отмечает фронт холодного арктического воздуха. Он быстро движется с севера, и по наклонной поверхности охлажденной атмосферы нагретый воздух тундры высоко поднимает грозовые облака.

Все предвещает сильнейший циклон. Наступление моря, по-видимому, объясняется необычайной силой ветра в центре циклона. Ураган гонит воду к берегам Западной тундры, и она, напирая, высоко поднимает уровень моря на прибрежных мелководьях. Медлить больше нельзя: вельбот у песчаного острова сорвет с якоря и разобьет ураганом в щепки.

Далекий гул покатился с севера. Широкая полоса темной воды, покрываясь бурунами пены, бежит к острову. Косые линии сильного дождя обозначаются вдали над морем, и зарница освещает пасмурный горизонт.

Ветер ударяет с такой силой, что заставляет пригнуться к земле. Он бьет в лицо, воеет и свистит. Океан вскипает и чернеет; волны накатываются на песчаный вал, кидая брызги к вершине острова. Берег Западной тундры окончательно скрывается под водой. На юге, где недавно была тундра, плещется море.

Упали первые капли дождя, и мы побежали к вельботу. Он пляшет на волнах под защитой полузатопленной песчаной насыпи. Песчаный барьер сдерживает пока натиск океанской воды и ветра. Вытащив якорь, отталкиваемся веслами от берега. Пинэтаун поднимает маленький парус стакселя, и «Витязь» уходит, подгоняемый шквалом.

Свинцовые облака нависают над покинутым островом. Молния освещает беспокойное море. Раскаты грома в облаках то затихают, то возникают вновь с прежней си-

лой. Ливень обрушивается на вельбот. Ветер больно хлещет острыми струями дождя. Мачта гнется под напором раздутого стакселя. Пинэтаун, вцепившись в просмоленный шкот, готов в любую минуту пустить парус по ветру, чтобы спасти такелаж.

Держать маленькое суденышко в правильном положении трудно: вельбот кидает, точно пустой бочонок.

Океанские волны накатываются с кормы: кипящие гребни, заплескивая через борт, слепят глаза, прижимают нас к мокрым скамейкам, лишая ориентировки.

Закрепив шкот, Пинэтаун задраивает мокрым брезентом носовую часть «Витязя» и принимается торопливо вычерпывать воду, заливающую трюм. Не могу бросить руль и помочь товарищу — вода в трюме не убавляется.

Ливень стихает так же внезапно, как начинается. Косматые волны гуляют по морю, и ветер срывает с них пену. Синие тучи спускаются к воде, почти задевая седые гребни.

Вельбот плывет над тундрой. Вечером здесь стояли яранги пастухов, кипела жизнь, а теперь волнуется море, и ревущие валы гонят суденышко к югу. Оглядывая бушующий океан, ищем следы катастрофы.

По-видимому, волны унесли к берегу разбитые яранги, трупы людей и оленей. Тяжелое бедствие обрушилось на совхоз. Неужели ураган в несколько часов погубил пастухов с семьями и шесть тысяч оленей — половину поголовья оленеводческого совхоза?!

Горько и обидно сознавать свое бессилие перед стихией. Долго боролся вельбот с волнами. В этой сумятице часы кажутся минутами, а все вокруг — тяжелым, кошмарным сном.

Пинэтаун кричит, указывая в море. Рев урагана заглушает его голос. Юноша прыгает на бак, повисая на вантах. Страшные удары ветра почти сбрасывают смельчака за борт.

— Назад, Пинэтаун, назад!

Юноша на миг оборачивается. По землистому синеватому лицу сбегает вода. Держась за ванты, он испуганно машет кому-то рукой.

И вдруг совсем близко на гребень волны выскальзывает плот. На плоту, рядом с оленьей нартой, стоит на коленях девушка в мокрой одежде. Черные волосы ее развеивает ветер, и она горестно протягивает к нам руки.

На плоту стоит на коленях девушка,

Спасти ее во время урагана почти невозможно. Но и покинуть на произвол судьбы маленькое существо на плоту — пылинку человеческого горя среди бушующего океана — нельзя.

Рискуя вельботом, повертываю руль. Волна подхватывает «Витязь». Из воды вынырнули мокрые бревна. Ударяясь в корпус, они лезут к нам, ломая фальшборт. Над головой в облаке пены проносится вздыбленная пу-
стая нарта.

Огромный вал набегают с кормы; мутный его гребень накрывает вельбот, чуть не похоронив нас в морской пучине. Волна отшвыривает тяжелые бревна, как спички. «Витязь» рванулся вперед, оставляя позади разбитый плот.

Уцепившись за руль, я только чудом не угодил за борт. Волна уходит, напоив соленой водой. Очнувшись, оглядываюсь. Пинэтауна на баке нет. Лишь разорванные ванты выются у мачты, хлеща по парусу.

Неужели бревна сбили юношу в море?

Вокруг пляшут волны, окутанные пеной. Вдруг брезент, сброшенный на дно вельбота, зашевелился. Поспешно откинув мокрый, затвердевший его край, вижу Пинэтауна и рядом маленькую пассажирку с разбитого плота.

Прислонившись спиной к борту, юноша лежит в воде, заливающей вельбот. Голова его свисает на грудь, поси-
невшая рука обнимает девушку. Она прильнула к нему, точно листок, гонимый бурей.

Незнакомке лет пятнадцать. Изорванная кофточка обнажает смуглую грудь с татуировкой. Станный рисунок на мгновение поражает меня: синий орел, присев на скрюченные когти, повернул в профиль хищную голову.

Рассматривать татуировку некогда.

Рассыпавшиеся черные волосы оттеняют зеленоватую бледность смуглого лица девушки. Она в глубоком обмороке. Наскоро закрепив румпель, вытаскиваю из воды на мокрый брезент спасенную путешественницу и Пинэтауна. Юноша открывает глаза.

— Больно тебе? Ударили бревна?

— Не знаю... Не помню... Думал — сестра, схватил черноволосую, ум потерял!

— Откуда она, из какой бригады?

— Совсем чужая... наверное, чья-нибудь. — Пинэтаун

приподнимается на локтях, всматриваясь в лицо незна-
комки.

Длинные ресницы ее вздрагивают, и легкая дрожь пробегает по худенькой фигурке.

— Мерзнет, пропадет, однако...

Тонкие руки спасенной холодны как лед. Волны, захлестывая рыскающий вельбот, окатывают холодным душем. Вытащив из аварийного бака меховую кухлянку и походную флягу, даю отхлебнуть спирта Пинэтауну и вливаю девочке немного согревающей жидкости сквозь стиснутые белые зубки.

Спирт оживляет Пинэтауна, а с лица девушки сбегает зеленоватая бледность. Закутав пассажирку в теплую кухлянку, мы переносим ее на мешки с грузом и накрываем брезентом.

Вельбот сносит бортом к волне. Возвращаюсь к рулю. Пинэтаун принимается ведром вычерпывать воду.

— Смотри! — кричит вдруг Пинэтаун.

С океана надвигается клубящееся белое облако. Переползая волны, облако шевелит перед собой длинными шупальцами. Впереди ползут рваные клочья тумана.

Облако настигает вельбот, закрывая все кругом мутной пеленой. Стало холодно, как зимой. Ледяные иглы жалят лицо. В воздухе вихрем кружат хлопья снега. В июне в море вьется метелица. Вельбот засыпает снегом, снасти покрываются тонкой ледяной коркой.

Мокрая одежда леденеет, твердеет, как железо. Пинэтаун коченеющими пальцами вытаскивает из аварийного бака меховую одежду. Натянув олених кухлянки и прикрывшись капюшонами, быстро согреваемся. Олений мех сохраняет тепло лучше всех мехов Севера.

Пропадает последняя надежда. В метель невозможно отыскать новое устье реки Белых Гусей или выброситься с вельботом на берег в подходящем месте.

«Витязь» идет навстречу гибели, и остановить его мы не в состоянии. Холодный страх заползает в душу. Если очутишься в ледяной воде, выплыть к берегу невозможно.

И вот глухой рев прибоя заглушает вой урагана. Тяжелые раскаты разбивающихся волн гремят в тумане пушечными залпами.

Пинэтаун, прижавшись к мачте, оборачивается к корме: ждет последней команды — пустить по ветру бесполозный теперь стаксель.

В эту страшную минуту он не теряет бодрости. Его побледневшее лицо выражает решимость. Плавать смелый юноша не умеет. Решаю возможно дольше продержаться в море, избегая прибрежных бурунов. Повернуть против ветра и лечь в дрейф в такую бурю нельзя: волны мгновенно опрокинут вельбот во время поворота.

Наваливаюсь на руль, пытаюсь отдалить встречу с береговым прибсем, и направляю вельбот косо к волнам. Болтает невероятно, клотик почти касается волн, вельбот зачерпывает воду.

И вдруг в снежном тумане перед носом «Витязя» появляется большой белый корабль. Он напоминает старинный четырехтрубный крейсер. Башни, боевую рубку и трубы одевает ледяной панцирь. Кажется, что крейсер вырубил из глыбы белого мрамора.

— Пароход! — кричит Пинэтаун.

Людей на палубе не видно, и мертвый корабль тяжело переваливается на волнах. Разбиваясь о высокий борт, волны глубоко обнажают обледенелый корпус.

Крейсер выплывает из тумана, и мы жадно оглядываем его палубу.

Внезапно видение корабля исчезает. Перед нами покачивается большая льдина, похожая на айсберг; вероятно, она застряла на мели. В тумане ее ледяные башни и отвесные стены приняли очертания корабля.

Избегнуть столкновения помогает косой курс «Витязя». Причудливые ледяные торосы проносятся над левым бортом и вскоре скрываются в снежном вихре метелицы.

Большие волны постоянно захлестывают вельбот. Выручает обледенелый брезент, примерзший к фальшборту и не пропускающий воды в трюм.

Внезапно волны уменьшаются. Они уже не заливают вельбот. А между тем сила ураганного ветра не ослабевает: все так же сгибается мачта, и ветер протяжно гудит в обледенелых снастях. Почему уменьшилось волнение?

Неожиданно в просвете пурги открывается низкий берег, засыпанный снегом. Сильный прибой кипит у берега. Снежная тундра белой лентой тянется по левому борту параллельно нашему курсу.

Что случилось с землей?

Ураган гнал «Витязь» на юг, и берег Западной тундры должен пересекать курс нашего движения.

Горизонт светлеет, и мы видим второй берег — он

идет также параллельно нашему курсу, но с правого борта. Кажется, что вельбот плывет по широкой реке. Но скоро оба берега сходятся, оставляя лишь небольшой просвет.

— Озеро?!

Плывем по громадному тундровому озеру, залитому морем.

Пинэтаун расправляет стаксель, «Витязь» устремляется вперед и проскальзывает с волной через узкий пролив в соседнее небольшое озеро.

После водяных гор океана волны здесь кажутся безобидными карликами. Правый берег озера крут, и я веду спасенный вельбот под защиту обрыва.

От радости хочется кричать. Пинэтаун приплясывает на баке, размахивая шапкой. С волнением смотрим на близкую землю. Клочок пустынной заснеженной тундры кажется цветущим садом.

Прибой все-таки не позволяет пристать к берегу. Пинэтаун живо сбрасывает штормовой якорь. Над озером снова вьется метелица, и снежная пелена заволакивает высокий берег тундры. Вода в озере не прибывает — вероятно, море, затопив тундру, остановилось.

Только теперь чувствуем страшную усталость, ноют руки и плечи, хочется спать. Пинэтаун осторожно приподнимает брезент. Заглядываем в меховой капюшон кухлянки. Девушка крепко спит, положив смуглую щеку на маленькую грязную ладонь.

Кто она? Откуда принесли волны плот? Почему на ее груди вытатуирован орел?

Пинэтаун говорит, что в Западной и Алазейской тундрах никто из коренных жителей не разрисовывает тело татуировкой.

Будить девушку не хотим. Разворачиваем спальные мешки, укутываемся в теплые меха и накрываемся обледенелым брезентом.

Под шум бури засыпаю чутким, беспокойным сном.

Глава 7. НАНГА

Туман поднимается с малиновой воды озера. Лучи утреннего солнца не могут пронзить туманное облако и, рассеиваясь, окрашивают в розоватый цвет воду и снежную тундру. Высокий берег озера скрывает море. Прибой

грозно шумит вдали. Буря окончилась, воздух свеж и прохладен.

Маленькое озеро успокоилось, и мелкая зыбь лениво покачивает вельбот. Разбудил меня громкий голос Пинэ-тауна. Я выглянул из спального мешка. Брезент висит на мачте, точно просыхающий парус.

Устроившись среди груза, Пинэтаун разговаривает с маленькой пассажиркой.

Разговор не кленется. Юноша задает вопросы, повторяя их на пяти языках: по-русски, по-чукотски, по-якутски, по-ламутски и по-юкагирски. Вопросы дополняются выразительными жестами.

Но девушка испуганно молчит. Красивые монгольские глаза ее блещут, как черные маслины.

— В чем дело, Пинэтаун, почему ты ее пугаешь?

Мое появление производит неожиданное впечатление. Незнакомка бледнеет и съеживается, словно ожидая удара.

— Таньг!..—громко шепчет она, откинувшись к мачте.

Может быть, ее испугала моя курчавая борода, отпущенная на Севере.

— Совсем дикая, ничего не понимает, пятью языками говорю... — сокрушается Пинэтаун. — Ну, чья ты, чья? — снова спрашивает молодой пастух по-чукотски.

Девушка смотрит на меня большими, влажными от слез глазами. И вдруг, уронив голову на руки, плачет, вздрагивая всем своим тоненьким, худеньким телом. Блестящие черные волосы рассыпаются, свиваясь в кольца.

Пинэтаун растерянно молчит. Невольно протягиваю руку и глажу головку плачущей девушки. Она резко отстраняется и, вскинув голову, смотрит мне прямо в глаза обжигающим, ненавидящим взглядом.

Она или не хочет отвечать на вопросы Пинэтауна или не знает языков тундры. Какая-то тайна окружает это маленькое существо, полное страха и ненависти.

— Эх, Пинэтаун, почему не разбудил раньше? Пастухов искать пора...

— Больно крепко ты спал, жалко будить.

Поднимаем якорь и пристаем к илистой отмели у подножия обрыва. Тундра в снегу. Нужно подкрепиться перед походом. Добывать для костра плавник под снегом некогда. Пинэтаун, вытащив примус, принимается разжигать его на корме.

Вода в озере оказалась соленой. Пришлось натаять в ведре снег. Скоро под шум примуса весело забурлил кипяток, и Пинэтаун заварил крепкий, ароматный чай.

Наша пассажирка с любопытством разглядывает примус, позабыв о своем страхе. Неужели она никогда не видела примуса? Где живут ее родные? Ураган пригнал плот с севера — со стороны океана.

— Иди чай пить! — зовет ее Пинэтаун.

Гостья не пошевелилась, словно не слышит приглашения. Расстилаю перед ней брезентовую куртку и раскладываю все наши припасы: вяленого гуся, утиные яйца, собранные у Чукочьего мыса, рафинад, галеты, хлеб и последнюю банку с абрикосовым вареньем.

Лишних кружек у нас нет — пришлось поставить гостье свою кружку, а себе взять миску. Маленькая дикарка оказывается наблюдательной и тотчас замечает перестановку. Она поспешно вытаскивает из-за пазухи деревянную чашечку и ставит перед собой, отодвигая мою большую кружку. Чашечка искусно выточена ножом из твердого как камень наплыва березового корня и напоминает вещичку, вырезанную из карельской березы.

Пинэтаун с удивлением разглядывает точеную чашечку.

— Однако, в тайге жила черноволосая: в тундре нет березового корня, — говорит он, наливая черный, как кофе, чай в березовую посудинку.

Девушка схватывает свою чашечку и жадно глотает горячий чай. Но к сахару и хлебу не притрагивается.

— Кушай! Почему смотришь? — подвинул к ней сахар и хлеб Пинэтаун.

Она мотнула черноволосой головой, как норовистый олень в упряжке. Юноша наливает ей еще чаю.

Вытащив нож, кромсаю гуся на части и кладу перед гостьей самые вкусные кусочки. Девушка принимается уплетать вяленую гусятину — она страшно голодна.

— Эгей! Совсем дикая... одно мясо кушает, — удивляется Пинэтаун. — Ой, чашечку не проглотил... — шутит юноша, едва успевая подливать чай в крошечную посудинку.

Он ткнул себя пальцем в грудь.

— Пи-нэ-таун. А тебя как зовут? — спрашивает он почтучески.

— Нанга, — произносит вдруг девушка тихо и певуче. Испуганно оглянувшись, она повторяет: — Нанга...

— Нанга, кого ты боишься? — ласково провожу рукой по черным прядям ее распущенных волос.

Нанга не отстраняется, она смотрит на меня чудесными черными глазами, полными слез. Смятение, испуг, недоверие отражаются в ее глазах.

Окончив завтрак, мы с Пинэтауном отправляемся на поиски пастухов, оставив Нангу в вельботе. Благополучно преодолев вязкую илистую отмель, карабкаемся по крутому обрыву тундрового увала.

Океан совсем близко. Туман висит над морем, и затихающие волны отсвечивают серебром. У берега волны медленно вскипают прибоем и откатываются назад, изукрашенные мраморным рисунком пены.

Берег загромаждают голубоватые льдины, разбитые волнами. Стволы плавника, выброшенные ураганом, торчат между торосами, образуя у края ледяного барьера высокий вал. Между ледяным барьером и морем чернеет широкая илистая отмель: Повсюду здесь валяются изломанные древесные стволы и доски.

Обследуя берег, мы находим киль разбитой баржи, три железные бочки, скамейку с палубы речного парохода и сломанное двухлопастное весло чукотской байдарки. Весло несомненно принадлежит пастухам оленьего стада. Что же случилось с людьми во время морского наводнения?

След, выходящий из моря, останавливает нас. Отпечатки коротких пальцев и широкой косолапой ступни еще не смыла морская вода. След теряется среди льдин и снова появляется на снегу тундры. Осматриваю снежную поверхность в бинокль и совершенно явственно вижу большого белого медведя. Вытянув шею, он рысью бежит к дальним торосам.

Летом белые медведи не встречаются в Западной тундре. Они держатся у кромки арктических льдов и лишь зимой появляются на Медвежьих островах и на берегах Полярного океана. Здесь арктические медведи роют берлоги в снежных сугробах и песчаных береговых уступах.

Уходим все дальше и дальше, исследуя новый берег Западной тундры. Теперь я могу объяснить противоречия прежних своих наблюдений: происхождение морской

трясины близ Чукочьего мыса, появление морской нерпы в большом тундровом озере и свою находку — корабельную доску — в погребенном плавнике в пяти километрах от берега океана.

Восточно-Сибирское море в течение последних тысячелетий мелело. Побережье Западной тундры медленно осушалось. Вода отступала, и там, где море долго задерживалось на одном уровне, оставались на суше валы плавника. Широкая полоса мелководий образовалась у берегов континента.

Северные ветры, часто дующие летом, пригоняли океанскую воду. Уровень моря на мелководьях повышался, и вода заливала береговую отмель шириной двести—триста метров. А когда северный ветер утихал, вода вновь освобождала отмель, оставляя по берегам морские трясины.

Сильная буря, случившаяся в прежние годы, по-видимому, резко повысила уровень моря на мелководьях; морская вода, затопив прибрежную тундру на пять километров, выбросила обломок разбитой американской шхуны к древнему валу погребенного плавника.

Ночью во время урагана океан, по нашим расчетам, залил тундру на двадцать—тридцать километров.

Бродим с Пинэтауном у берега океана; нет и признака людей и оленей. Лишь весло от чукотской байдарки свидетельствует о ночной трагедии. Нужно возвращаться к вельботу и немедленно выходить в море — искать следы катастрофы.

Близкий выстрел гремит неожиданно и резко. Стреляют там, где на озере стоит вельбот. Мой карабин остался на «Витязе». Неужели Нанге грозит опасность и она попала в беду?

Бежим к озеру, на ходу перезаряжая ружья боевыми патронами. С вершины увала как на ладони видна маленькая бухта, вельбот, причаленный у берега. Нашей путешественницы на вельботе нет. Она стоит с карабином в руках около торфяного мыса.

— Нанга! Нанга! — кричит Пинэтаун. — Зачем стреляла?

Девушка оборачивается и указывает карабином в сторону озера. Ветерок гонит к подножию торфяного мыса большую белую птицу с распушенными крыльями на темной воде.

Лебедь! Пуля пронзила навывлет грудь птицы.

— Как—убила лебедя?—спросил юноша по-чукотски.

Взмахнув смуглой ладонью, Нанга отвечает на гор-
танном, воркующем языке.

— Ну и черноволосенькая, ловко сбила! — удивляется Пинэтаун. — В лёт стреляла с вельбота.

— А ты язык ее понимаешь?

— Маленько: одни слова, как юкагир сказку говорит, другие совсем чужие.

— Странно...

Юкагирские сказки сохранили древние обороты местной речи. На каком языке говорит Нанга?

Прихватив лебедя, отправляемся к вельботу, оставляя на илистой отмели тропу в три следа. Нанга выступает впереди, повесив карабин на шею, как автомат.

Удивительная перемена произошла с девушкой. Смуглое личико ее оживилось, глаза поблескивают охотничьи-
м задором, она выпрямилась, точно тростинка.

По-видимому, Нанга хорошо владеет нарезным оружием и любит охоту. Выходит, она не такая уж дикарка.

Глава 8. ПЛЕННИКИ ОКЕАНА

С востока подул слабый ветер. Вытаскиваем якорь и поднимаем паруса. Нанга помогает Пинэтауну тянуть фалы. С карабином она не расстается и кладет его рядом с собой.

Туман над морем рассеивается, образуя ватные кучевые облака. Они плывут, как лебеди, в голубом просторе. Направляем вельбот к месту, где, по расчетам Пинэтауна, ночью стояли яранги ближнего стана пастухов.

Лдины на берегу, причудливо расколотые волнами, скрываются за горизонтом. Плыдем над затопленной тундрой, словно в открытом океане. Ночью «Витязь» бежал здесь, гонимый ураганом, — теперь за бортом плещет спокойное море. Часто встречаем стволы, плывущие по течению. А спустя час Пинэтаун вылавливает пустую бочку из-под соленой рыбы, принадлежавшую пастухам.

Внимательно оглядываем морские просторы и неожиданно замечаем на горизонте синеватую струйку дыма. Вскоре у основания этой струйки обозначается темная полоска.

— Да что же это такое, плот?

«Витязь», накренившись, быстро идет в направлении дымового сигнала. Наконец в морской бинокль удается разглядеть маленький островок, будто приподнятый над водой.

Островок быстро вырастает. Среди моря возвышается бревенчатый плот с крошечными фигурками людей. Люди жгут дымовой костер и, столпившись на краю помоста у шеста с красным флагом, рассматривают паруса «Витязя».

Настил сделан из плавника и покоится на высоких бревенчатых треножниках. Гора вещей прикрыта замшевыми пологами от яранг. Люди, закутанные в зимние меховые одежды, держат на руках ребятишек в чукотских меховых комбинезонах. Издали бревенчатый помост напоминает плот мореходов, потерпевших крушение.

Напга притаилась за мачтой и тревожно всматривается в лица обитателей помоста, словно боится увидеть кого-то среди людей, спасшихся от урагана.

На край бревенчатого настила выбегает девушка в меховом комбинезоне.

— Пинэтаун, Пинэтаун! — зовет она, и голосок ее звенит от волнения.

— Геутваль, сестренка! Жива? — кричит по-чукотски Пинэтаун, не скрывая радости.

«Витязь» причаливает к острову на сваях. Нас окружают усталые, взволнованные люди: старики, женщины и дети ближнего пастушьего лагеря. Пастухов среди них нет.

Пинэтауна здесь хорошо знают — это родная его бригада. Встревоженные женщины расспрашивают юношу о судьбе пастухов. Ребятишки, похожие в меховых комбинезонах на маленьких медвежат, испуганно смотрят на меня черными блестящими глазенками.

Что мог ответить Пинэтаун? Он ничего не рассказывает о неудачных поисках на берегу — ему не хочется отнимать последнюю надежду у людей, истомленных бурей.

Юноша подводит дичившуюся Нангу к сестре. Геутваль плотнее Нанги, поэтому кажется старше. Молодой пастух живо изображает приключения девушки на плоту. Женщины окружают Нангу, каждой хочется погладить и утешить недавнюю пленницу моря. Никто здесь не знает ее,

Нанга растерянно оглядывает большими черными глазами людей, утешающих ее в беде. Девушка не понимает чукотского языка, но видит, что ей хотят добра. Геутваль обнимает Нангу, как сестру. Но дикарка не отвечает на ласку. Она посматривает то на Пинэтауна, то на Геутваль. Юноша мало похож на свою сестру, и Нанга, вероятно, не догадывается об их родстве.

Выгружаем ящики и мешки с продовольствием, вытаскиваем из кормового, аварийного отсека бочонок с пресной водой. Кормим и поим измученных островитян. Ребятишки, усевшись вокруг Пинэтауна, уплетают печенье, грызут сахар, поблескивая глазенками.

Старики рассказывают о случившемся.

Ночью море, заливая тундру, подступило к спящему лагерю. Воду заметил дежурный пастух. Обходя стадо, он встретил болото там, где недавно еще была сухая тундра. Но больше всего поразил пастуха маленький ручей. Вода в нем прибывала на глазах, выступая из берегов. Пастух взбежал на высокий холм соседнего булгуньяха и увидел необычную картину.

Тундровые озера слились в широкие извилистые протоки и причудливо изрезанные заливы. Длинные языки заливов, изгибаясь, подползали к ярангам спящего лагеря.

Дежурным пастухом был комсомолец Эйгели. Он понял, что стойбищу грозит опасность. Вскинув винчестер, он выпустил в воздух весь запас девятизарядного магазина. Выстрелы тревожно гремели в притихшей тундре, будили спящих пастухов, поднимали на ноги всех обитателей лагеря.

Вода быстро заливала лагерь. Пастухи во главе с бригадиром Кемлилином побежали в тундру собирать многотысячный олений табун. Женщины и старики снимали яранги и носили вещи на вершину ближнего булгуньяха. Последние вещи пришлось выносить из воды. Тундра превратилась в громадное болото.

Собравшись на вершине круглого холма, женщины, старики и дети следили за пастухами. Те сгоняли оленей в большой табун. Совсем еще маленькие оленята, как зайцы, прыгали в воде, не отставая от взрослых.

С холма было видно, как на севере болото превращалось в безбрежное море. Пастухи, сбив оленей в трехтысячный табун, бежали по колено в воде, подгоняя испу-

ганных животных, и скоро скрылись на юге в густых сумерках ненастья.

Это был смелый поступок. Спасая оленей, пастухи покидали единственное убежище, где могли найти защиту от воды и приют во время бури.

Вершина булгуньях превращалась в маленький островок, а вода все прибывала. В море носились стволы плавника. Выловив бревна, старики с помощью женщин соорудили помост на бревенчатых треножниках. Скрепляя бревна, они пустили в дело ремни оленьих уздечек и арканы.

Вещи накрыли пологами от яранг и накрепко привязали к бревнам настила. Вода тонким слоем покрыла верхушку булгуньях, и крошечная площадка очутилась на сваях посреди океана.

Обрушился ветер с ливнем. Море зашумело. Волны, разбиваясь на мелководье, обдавали холодным душем пленников океана. Снег и мороз усугубили тяжесть бедствия. Пришлось надеть меховую одежду. Ветер срывал людей с помоста. Старики, укрыв ребятишек и женщин замшевыми пологами, привязали их ремнями к бревнам.

Ужасная была ночь.

Треножники раскачивались под ударами ветра. Ползая по настилу, старики арканами скрепляли расшатавшиеся бревна. Всю ночь люди боролись с ураганом, и только под утро ветер начал стихать.

Судьба пастухов и оленьих стад оставалась неизвестной. Решаем плыть на юг и осмотреть новые берега Западной тундры на всем протяжении дальнего участка совхоза.

Вдруг Пинэтаун поднимается и всматривается из-под ладони в ясную даль океана. Далеко-далеко на юге вспыхивают искорки на воде.

— Наши плывут! — кричит Пинэтаун, размахивая оленьей курткой.

В бинокль вижу легкую чукотскую байдарку: она высоко взлетает на гребнях волн, и около нее то справа, то слева вспыхивают отблески солнца на лопасть двуперого весла. Лодочка идет к острову. Искусный гребец направляет челн к нашему дымовому сигналу.

Байдарка вскоре пристает у вельбота, и на помост взбирается коренастый, немного сгорбленный человек с мужественным загорелым лицом, в телогрейке, туго пе-

репоясанной ремнем, в малахее, брюках и торбасах из нерпичьей шкуры.

Это Кемлилин — воспитатель Пинэтауна, бригадир лучшей пастушеской бригады совхоза на реке Белых Гусей. На груди бригадира приколоты сиреневая ленточка. Медаль «За трудовое отличие» он получил в прошлом году. Пять лет пастушеская бригада Кемлилина держит переходящее красное знамя тундровых совхозов Якутии.

Ни один мускул не дрогнул на широком морщинистом лице бригадира, когда он поднялся на помост и оглядел спасшихся людей. Однако в каждом его движении угадывается глубокая радость, охватившая этого человека, совершившего ночью вместе с товарищами подвиг. Таков неписанный обычай тундры — открыто выражать свои чувства не полагается.

Кемлилин внимательно оглядывает вельбот и, не скрывая удивления, спрашивает:

— Как в бурю прошли по морю?

Пинэтаун рассказывает о наших приключениях.

— Где пастухи, олени? — спрашиваю я.

Неторопливо, вытащив кисет и закулив трубку, бригадир рассказывает о спасении оленьего стада.

Ночью пастухи несколько часов подряд гнали оленей по воде. Море настигало их. Люди и олени бежали, выбываясь из сил. Олени то и дело спотыкались о затопленные кочки и торфяные бугры. Оленята уже не доставали ножками дна и плыли. Повсюду торчали маленькие коричневые головки четвероногих пловцов. Перекликаясь с важенками хриплым гортанным хрюканьем, они не отставали от табуна.

Оленята рождаются на свет вполне окрепшими. Спустя несколько часов после рождения их уже не поймаешь — так быстро бегают они на длинных и крепких ножках с крошечными копытцами.

Море быстро поднималось. Олений табун поплыл. Но пастухи не умеют плавать, и им грозила гибель. Цепляясь за плывущих оленей, они с большим трудом выбрались наконец на возвышенный берег тундры.

Там они встретили семью пастухов двух других пастушеских бригад и один олений табун с пастухами. В тундре эти люди жили в одном лагере. Пока пастухи собирали табун, старики успели выловить ездовых оленей и спасти обитателей стойбища от наступающего моря.

Лишь самое дальнее, третье стадо и пять пастухов дежурной бригады не вышли из потопленной тундры.

Спасшиеся пастухи на лучших верховых оленях объехали около ста километров вдоль нового берега, но пропавших людей и оленей не нашли.

Расположившись вокруг чайника с густо заваренным чаем, совещаемся на помосте среди голубой равнины уснувшего океана. Кемлилин советует тотчас идти на вельботе к месту, где ночью паслось дальнее стадо. Старый Рынтыиргин, которому пришлось на ум построить из плавника помост на треножниках, хочет плыть с нами. В пастушеской бригаде, пропавшей без вести, находится старший его сын. Старик отлично знает Алазейскую тундру.

На «Витязе» уходят четыре человека: я, Пинэтаун, Кемлилин и Рынтыиргин. Пинэтаун готовит вельбот к походу: чинит порванные снасти и парус, увязывает брезентом груз. Кемлилин распоряжается укрепить на всякий случай деревянный помост. Островитянам мы оставляем аварийный запас продуктов и бочонок пресной воды.

Не успели мы отчалить, как в вельбот прыгнула, словно белка, спугнутая охотником, Нанга. Ее непослушные волосы сестра Пинэтауна заплела в черные блестящие косы и повязала пестрым платочком. Теперь девушка очень похожа на цыганку.

— Куда, куда, дикая важенька? Вернись на деревянный остров!—кричит по-чукотски Пинэтаун, сердито размахивая веслом.

Он не хочет подвергать девушку опасностям морского путешествия.

Нанга, шмыгнув мимо Пинэтауна на корму, хватая мою руку и, горестно причитая, быстро и сбивчиво говорит на гортанном незнакомом языке, указывая в море.

— Кемлилин, что она говорит?

Старый бригадир, вынув изо рта трубку, изумленно слушает сбивчивую речь Нанги.

— Однако, совсем чужой язык. Никто в тундре не знает.

Жесты маленькой дикарки так выразительны, а глаза горят такой тревогой, что мы понимаем ее без слов. Нанга просится в плавание и не желает оставаться среди незнакомых людей на деревянном помосте.

Приходится взять девушку с собой. Поднимаем паруса

и уходим на запад, к месту, где ночью паслось дальнейшее стадо. Маленький островок на сваях скоро скрывается из глаз, и вельбот снова плывет в открытом океане.

Через час «Витязь» подходит к месту катастрофы. Долго бороздим море параллельными курсами, но ничего не находим. Пять пастухов и двухтысячный табун бесследно пропали в волнах надвинувшегося моря.

Рынтыиргин в последний раз внимательно оглядывает море. Старик сгорбился; он тяжело переживает гибель сына. Он медленно водит биноклем, оглядывая дальние горизонты, и вдруг молча передает мне бинокль, махнув на запад.

Тонкая фиолетовая черта, почти не различимая в сильные линзы морского бинокля, дрожит в воздухе, словно мираж. Пинэтаун прибавляет парусов, и вельбот, накренившись, мчит на запад.

Ветерок попутный. «Витязь» быстро плывет по волнам, и скоро мы видим совершенно отчетливо лес оленьих рогов над водой.

Удивительно!

Олени, сбившись в плотную кучу, стоят среди моря, опустив голову. Около стада бегают по воде люди, размахивая шкурами.

— Четыре человека... а где же пятый?

Навсегда я запомню эту картину: двухтысячный табун неподвижных оленей среди мерцающего безбрежного океана, черноватые фигурки людей и белые корабли облаков, плывущие в вышине.

Рынтыиргин волнуется. Все, даже маленькая Нанга, с тревогой следят за бегущими по воде фигурками. Паруса могут испугать оленей. Спускаем грот-парус, идем на веслах и садимся на мель неподалеку от стада. Море затопило здесь невысокий увал тундры.

К вельботу подходят пастухи. Грязная их одежда изорвана, похудевшие лица запачканы илом. Широколицый энергичный молодой чукча с жесткими, коротко стриженными волосами, сын Рынтыиргина, рассказывает о приключениях дежурной бригады.

В ночь наводнения стадо далеко разошлось по тундре. Комаров не было, и олени спокойно поедали листву карликовых ивнячков. Море напало внезапно, пастухи по колено в воде принялись собирать оленей. Широкий и глубокий пролив отрезал табун от берега тундры. Олени не

пошли вплавь, и скоро противоположный берег пролива затопила вода. Стадо очутилось на большом острове среди океана. Море надвигалось неумолимо, теснило оленей и людей к центру острова и наконец затопило сушу. На месте острова образовалось мелководье: вода покрыла копыта оленей. Начался ураган: океанские волны с ревом разбивались у мелководья, тучи брызг и клочья пены летели через весь табун.

Снежная метель с морозом чуть не погубила людей. Летняя одежда промокла и обледенела; пастухам пришлось заколоть четырех оленей, снять шкуры, вывернуть их мехом внутрь и, скрепив края ремешками, надеть теплые «безрукавки». В этой одежде пастухи согревались, забираясь в гущу оленей, стесненных мелководьем.

Лишь один пастух в погоне за отбившимися оленями ушел далеко в тундру и не подавал о себе никаких вестей. Оленей он успел повернуть к табуну, но сам не вернулся. Вероятно, наступающее море преградило путь к спасительному острову.

Нужно сменить усталых пастухов, и Кемлилин поручает Пинэтауну охрану табуна, очутившегося среди океана. Пастухи, наловив бревен плавника, живо связывают маленький плот. На плоту оставляем Пинэтауну на всякий случай двухнедельный запас продовольствия, ружье и последние полбочонка пресной воды.

Опасаясь шторма, спешим назад — снять с бревенчатого настила и вывезти на берег всех людей. Кемлилин и Рынтыиргин, отталкиваясь веслами, выводят вельбот с мелководья. На борту «Витязя» сейчас восемь человек. Вельбот превращается в спасательное судно.

— Прощай, черноволосенькая!

Пинэтаун размахивает ружьем. Нанга грустно провожает глазами молодого пастуха. Губы ее дрожат — она не хочет расставаться с юношей, спасшим ей жизнь. Девушка срывает платочек и машет Пинэтауну.

— Нанга, поднимай паруса! — шутливо команду я.

Нанга проворно тянет фалы, пастухи помогают ей. Девушка сообразительна — она скоро станет настоящим матросом.

«Витязь» уходит в море по галсу, оставляя за кормой волны белой пены. Долго люблюсь Пинэтауном в морской бинокль. Опершись на ружье, смелый юноша задумчиво смотрит вслед уходящему «Витязю».

После разлуки с Пинэтауном Нанга сопровождает меня повсюду, как тень. Борьба с ураганом сплотила маленький экипаж «Витязя». Девушка боится потерять друзей и остаться одинокой в незнакомом стойбище.

Обитателей «бревенчатого островка» удалось перевезти к новому берегу тундры в три рейса. У большого озера, образовавшегося во время урагана, пастухи разбили палатки и яранги объединенного лагеря.

Никто в стойбище не понимает языка Нанги — даже старики, изъездившие тундру от Чукотки до Индигирки. Некоторые ее слова походят на юкагирские, но смысл их местные юкагиры разгадать не могут.

Однажды я знаками попросил Нангу показать старому Рынтыргину татуировку на ее груди. Она испуганно вцепилась смуглыми ручками в кофточку и забилась в дальний угол палатки. Я не стал тревожить ее и сел писать дневник. Нанга долго не могла успокоиться, подозрительно поглядывая на меня из-под густых ресниц.

«Можно ли найти родных девушки и есть ли они у нее?» — записал я в дневнике в тот вечер.

Сестра Пинэтауна подружилась с Нангой. Объяснялись они жестами и немного понимали друг друга. Все дни девушки проводили в моей просторной палатке, сделанной из парусов «Витязя».

Вот и сейчас Геутваль показывает новой подруге книги и журналы из библиотеки совхоза. Нанга с жадным любопытством рассматривает рисунки и фотографии, гладит своими пальчиками бумагу, словно впервые видит книгу.

Жители нашей тундры любят печатное слово. В каждой яранге есть книги. Грамотные пастухи просматривают газеты. Школьники, приезжая летом на каникулы, вслух читают своим бабушкам и дедушкам буквари и пионерские журналы.

Нанга точно приплыла с необитаемого острова — она не знает печатного слова, книги.

— Послушай, Геутваль, научи Нангу простым чукотским словам... Вот и узнаешь историю своей подруги.

Геутваль, встряхнув тяжелыми косами, соглашается и тотчас принимается учить Нангу. Маленькой дикарке это нравится, она старательно повторяет чукотские сло-

ва, уморительно коверкая их. Недели через две она, пожалуй, сможет рассказать свою историю.

Неожиданное происшествие разбило наши планы.

Накануне подул сильный южный ветер, и море стало быстро освобождать тундру. Я с Нангой и Геутваль едва успел перегнать вельбот на стоянку в русло реки Белых Гусей.

Лучшие пастухи во главе с Кемлилином ушли вслед за отступающим морем. Медленно пробирались они с верховыми оленями на поводу по вязкой, заболоченной тундре и вскоре скрылись за вершинами дальних булгуньяхов.

Прошла ночь, наступил день, и я с минуты на минуту ждал появления табуна. Заметил оленей маленький Каурагыргин — внук Рынтыиргина, самый резвый мальчишка стойбища. На берегу озера он упражнялся в метании чаута — длинного аркана, сплетенного из тонких ремешков. Увидев табун, мальчик поднял на ноги весь лагерь.

Олени, соскучившись по стойбищу, бегут к ярангам. Издали бегущий табун кажется лавой атакующей конницы. Позади, выстроившись полукругом, скачут на верховых оленях пастухи. На высоком темном учаге¹ вырвался вперед, обходя лаву оленей, Пинэтаун. С ружьем за спиной, с арканом у седла, он похож на лихого кавалериста.

Нанга, вытянувшись на цыпочках, следит за юношей; в черных глазах ее блестят искорки: она радуется благополучному возвращению Пинэтауна.

Юноша заворачивает табун к озеру, ловко соскакивает с учага, снимает седло и пускает уставшего оленя на пастбище.

— Нанга, иди сюда! — улыбаясь, кричит он.

Девушка бежит навстречу, берет из рук юноши седло, и они идут вместе к моей палатке, о чем-то переговариваясь.

Подъезжает Кемлилин с пастухами. Табун они встретили в море: Пинэтаун выводил по мелководью изголодавшихся оленей. Три дня они были в плену у оксана и стремились поскорее выбраться на сушу.

В этот памятный для нас день устраиваем большое совещание. Пастухи расставили дежурных у трех стад и

¹ У чаги — верховые олени.

собрались в просторной яранге Кемлилина. Сюда пришли все обитатели тундрового стана. Давно пора приниматься за дело.

Рассказываю об открытии советского бактериолога Николаевского. Слушает меня маленький интернационал: чукчи, юкагиры, якуты. Не все пастухи хорошо понимают по-русски, и Пинэтаун очень просто и увлекательно переводит слушателям рассказ о стеклянном увеличивающем глазе — микроскопе, о смертоносных микробах — возбудителях копытки, о путешествии невидимых палочек микроба в тканях оленя, о спасительных противоэпидемических маршрутах.

В просторной яранге тихо, как в ночной тундре. Пастухи слушают Пинэтауна с напряженным вниманием. Прирожденные оленеводы отлично понимают важность открытий Николаевского. Ложные карантинные пастбища давно стесняют движение оленьих стад дальнего участка совхоза.

Пинэтаун ставит на маленький раскладной столик походный микроскоп и вставляет стекла с тончайшими срезами пораженной ткани. Коллекцию великолепных срезов подарил мне в Якутске Николаевский. Пастухи подходят к столику, осторожно трогают своими мозолистыми руками блестящие позолоченные клеммы и, смешно щурясь, прикидывают к окуляру. В ярком поле микроскопа мерцают крошечные клетки микробов копытки с голубоватой зернистой протоплазмой, увеличенные в две тысячи раз.

В яранге раздаются удивленные восклицания. Сквозь линзы микроскопа оленеводы видят невидимого врага. Старый Рынтыиргин долго рассматривает голубые клеточки и наконец, оторвавшись, говорит:

— Теперь душить их будем... Маршруты хорошие делать надо...

Противоэпидемические маршруты намечают все участники совещания. Припоминают каждый приметный холм, каждое подходящее урочище, каждый клочок пастбища с питательной растительностью.

Цветной тушью мы с Пинэтауном разрисовываем на листе полотняной кальки новые маршруты стад в приморской тундре между устьем реки Белых Гусей и Алазеей. По линии каждого маршрута отмечаем места и сроки стоянок. Получается настоящий график движения оленьих стад.

Рынтыиргин предлагает оставить у Большого озера семьи всех трех бригад и двигаться с оленями по спасительным маршрутам налегке, с одними пастухами.

Собрание принимает предложение старейшего пастуха. Рынтыиргину поручают охрану лагеря и организацию рыболовной бригады из остающихся стариков и женщин.

Нанга слушает совещание пастухов с необычайным волнением. Она сидит рядом с Геутваль около Пинэтауна и внимательно наблюдает за всем, что происходит в яранге.

Когда начинают выступать молодые пастухи, растерянная улыбка освещает смуглое личико девушки. Нанга тревожно посматривает на стариков, словно опасаясь, что они оборвут эти речи.

Берет слово и Геутваль. Смушенно краснея, громким голосом она заявляет, что девушки стойбища сошьют в дальнюю дорогу всем пастухам по две пары запасных летних торбасов.

Геутваль опускается на свое место. Нанга порывисто обнимает подругу и прижимается к ее плечу. Две слезинки повисают на густых ее ресницах.

Я вдруг понимаю девушку — Нанга никогда не видела свободной жизни простых людей нашей тундры. Откуда же принесли ее на плоту волны? Где ее родина?

— Эгей, черноволосенькая! Иди смотреть стеклянный глаз.

Пинэтаун замечает волнение девушки, и ему хочется развлечь ее. Нанга тихо подходит к столику и принимает кофюляру. Алые губы ее приоткрываются. Она протягивает руки и шарит, чуть не опрокидывая микроскоп, — ей хочется поймать голубые клеточки.

— Ой, дикая важенка! — Пинэтаун осторожно отводит руки Нанги от микроскопа.

После собрания, когда полуночное солнце низко опускается над тундрой, мы распечатываем посылку помполита — кожаный мешок с литературой. Пинэтаун громко читает в кругу пастухов фронтовые известия с Большой земли.

Оглядывая взволнованные лица пастухов, я думаю о том глубоком переломе, который совершился в сознании коренных жителей полярной тундры.

Пинэтаун не успевает окончить политинформацию —

в ярангу вбегает Каурагыргин. Проворный малыш спешит сообщить очередную новость:

— Кольцевик, кольцевик приехал, почту привез!

Появление кольцевика — курьера из совхоза — неожиданное событие. Тундровые озера, болота и речки, разлившиеся после весеннего паводка, преграждают еще путь к нашему участку. Только важное поручение может привести курьера в Алазейскую тундру за четырьмястами километров от центральной усадьбы.

Все выходят из яранги встречать гостя.

Двое путников на мшистой террасе распрягают оленей, выпуская их на пастбище. Отряхиваясь, животные бегут к озеру, где рассыпался наш табун. Кольцевика пастухи хорошо знают. Зимой он часто привозит почту с центральной усадьбы совхоза. Второй путник, склонившись у легкой нарт, стоит к нам спиной. Неторопливо он распутывает оленью упряжь.

— Чандара! — глухо вскрикивает Нанга.

Человек у нарт быстро оборачивается. Никогда не забуду его лица: скуластое, худое, изрезанное глубокими, как шрамы, морщинами, с орлиным носом над тонкими губами, оно напоминает лицо индейца.

Острыми черными глазами старик шарит по лицу Нанги. Девушка бледнеет и прячется за спину Пинэ-тауна.

Подходит Кемлилин.

— Приехал? — спрашивает он курьера.

— И... — отвечает молодой пастух на чукотское приветствие.

— Новости есть? — спрашиваю я, складывая простые чукотские слова.

— Бумагу тебе привез, — отвечает курьер, протягивая лист, исписанный размашистым почерком помполита.

Почту Петр Степанович отправил с курьером накануне урагана. Он сообщал, что в Якутске решили вдвое увеличить оленеводческий совхоз. Директор совхоза улетел в Якутск просить дополнительных пастбищ, взвалив на плечи помполита все хозяйство в самое трудное время летних эпидемий. Помполит принял совхоз и предлагал тотчас явиться на усадьбу — организовать противоэпидемические маршруты оленьих стад на берегах Восточной тундры.

Кемлилин разговорился по-чукотски с мрачным спутником курьера.

— Кемлилин, спроси старика, знает ли он Нангу?

— Старик говорит, что она его дочь.

— Дочь?!

Нанга держится около Пинэтауна и не проявляет родственных чувств к незнакомцу. Широко раскрытыми глазами она следит за движениями старика, словно зверек, затравленный охотником. Старик повелительно говорит ей что-то на гортанном непонятном языке. Нанга ежится, словно получив удар.

— На каком языке переговаривается этот человек с Нангой?

— «На языке своих отцов», — переводит бригадир туманный ответ старика. — Не хочет он говорить.

— А где он живет и почему Нанга очутилась на плоту?

Ответ гостя уклончив: «Живет далеко, кочует в тундре; девчонка уехала из стойбища с бабушкой; как очутилась на плоту, не знает».

Кольцевик встретил неразговорчивого гостя в глухой тундре на полпути между Колымой и рекой Белых Гусей. Он ехал на легкой грузовой нарте. В упряжке у него были необычайно крупные ездовые олени ламутской породы. Когда встретились, спрашивал, не видел ли кольцевик нарту с девушкой и старухой. Дальше они поехали вместе.

— Пусть старик спросит у Нанги, где бабушка?

Кемлилин переводит просьбу. Гость, насупившись, резко спрашивает что-то девушку, небрежно кивнув в мою сторону.

Нанга тихо отвечает, неожиданно опускается на мягкий ковер тундры и горько плачет.

— «Большая волна унесла старуху в море», — дословно переводит Кемлилин безжалостный ответ приезжего.

Тонкие губы старика складываются в змеистую усмешку.

— Не плачь... — Я осторожно поднимаю Нангу и глажу пышные черные волосы.

Она доверчиво прижимается смуглой, мокрой от слез щекой к моей руке.

Вдруг резкий окрик старика заставляет ее вздрогнуть. Опустив голову, она тихо бредёт к нарте.

— Не бойся, Нанга... — Пинэтаун шагает к старику. Глаза юноши сверкают, и желваки перекатываются на скулах. — Зачем кричишь на девочку? — тихо и зло говорит он.

Старик словно не слышит Пинэтауна. Недобрыми черными глазами он безразлично смотрит на юношу, как на пустое место, потом вытаскивает расшитый кисет и неторопливо закуривает длинную трубку, выточенную из березового корня. Трубка сделана из такого же материала, что и березовая чашечка Нанги.

Но больше всего меня поражает кисет старика из черной замши, украшенный замысловатым орнаментом. На темном поле вышит мелким бисером голубой орел, словно слетевший с татуированной груди Нанги.

— Кемлилин, спроси, почему у Нанги на груди и на его кисете один и тот же знак синего орла?

В глазах старика мелькает тревога. Он быстро прячет кисет. Ого, он, кажется, знает русский язык и скрывает это.

— Так себе... — уклончиво отвечает по-чукотски Чандара бригадиру.

Нанга приносит с нарты приезжего вьючные мешки. Жалко смотреть на нее — она поникла, точно увядший цветок. Старик вытаскивает из вьюка легкий полог из бязи и растягивает около яранги Кемлилина. Не нравится мне этот человек. Вижу, что Нанга против воли подчиняется власти старика, и не понимаю причины ее страха и покорности. Пинэтаун мрачно следит за гостем.

Почему он так плохо обращается с дочерью? Нужно вмешаться в судьбу Нанги и помочь ей. Мы решили, что на следующий день Пинэтаун улучит минуту и переговорит с девушкой наедине.

Старик уводит Нангу пить чай в ярангу Кемлилина. Усталое солнце тускло светит над горизонтом. Забираемся в палатку из парусов «Витязя» и быстро засыпаем.

Глава 10. ПО СЛЕДУ

Разбудил меня отчаянный крик Пинэтауна:

— Вставай! Скорее вставай! Нангу старик утащил!

Еще рано, и пастушеский лагерь спит. Пустая площадка с примятым ягельником отмечает место, где стоял

полог старика. Исчезли нарты и вьюки приезжего. Лишь алая ленточка из косы Нанги, подаренная ей Геутваль, развеивается на кустике карликовой березки.

Пинэтаун осторожно снимает ленточку и прячет в нагрудный карман.

Поднимаем с постели Кемлилина. Бригадир поспешно выходит из яранги и внимательно осматривает следы ездовых оленей. Полозья нарты вдавили веточки полярной ивы в зеленый мох, и они не успели еще выпрямиться. Вчерашний гость уехал совсем недавно.

— Однако, худой человек. Зачем убежал? — качает головой Кемлилин.

— Ловить старика надо! — возбужденно говорит Пинэтаун, выискивая среди кочек следы нарт.

Отпечатки полозьев уходят на восток. Сжимая кулаки, юноша всматривается в далекий горизонт тундры.

Бегство незнакомца подозрительно. Кто он? Откуда принесла его нелегкая в Алазейскую тундру? Может быть, он силой увез Нангу?

Кемлилин решает догнать беглеца. Пинэтаун поднимает пастухов очередной смены. Захватив арканы, они вместе с Пинэтауном бегут в стадо ловить лучших ездовых оленей.

Через полчаса Кемлилин и Пинэтаун, вооружившись винчестером и карабином, пускаются по следу нарты. Мне очень хотелось ехать с ними, но передвижение на оленях летом — дело нелегкое и требует большой сноровки. Нарты хоть и скользят по влажной зелени тундры, но ездовые животные быстро устают, а верховые олени бегут рысью лишь с легким человеком. Мне пришлось остаться в лагере.

Кемлилин запряг в маленькие летние нарты трех своих лучших беговых оленей, привязав на уздечках, позади нарты, трех запасных. Пинэтаун отправлялся верхом, имея в запасе двух самых выносливых оленей стада.

Маленькая кавалькада преследователей быстро скрывается на горизонте ровной, как стол, тундры.

...Три дня не возвращается погоня. Собираюсь выехать навстречу с партией свежих оленей. Но выполнить свое решение не успеваю. В тундре появляются люди. Они идут пешком, без нарт, и ведут на поводу измученных оленей.

— Наши!

Кемлилин и Пинэтаун шатаются от усталости. Почти двое суток продолжалось преследование. Однажды вдали показалась нарта старика. Бригадир погонял беговых оленей, искусно обходя препятствия. Путешественники настигали нарту.

Оленьи гонки — любимый спорт народов Севера. Кемлилин был признанным мастером этого спорта. Его беговые олени славились по всей тундре. В День оленевода на районных гонках он часто брал первый приз.

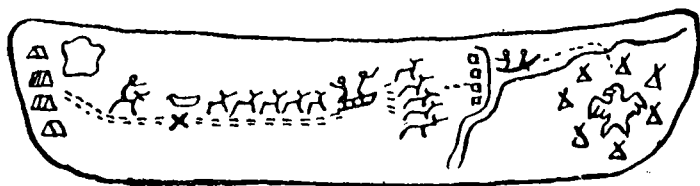
Однако Чандара оказался более опытным ездоком. Заметив погоню, он сумел уйти за пределы видимости и пустился на хитрость: поставил в упряжку пять оленей, и, сменяя их через каждые два часа пятеркой запасных, вырвался далеко вперед. Старый бригадир легко прочел это по следам.

Пятеркой ездовых оленей пользуются ненцы и зыряне в тундрах Европейской части Советского Союза. В Якутии и на Чукотке запрягают два, редко три оленя. Кемлилин не мог увеличить свою упряжку — ему не хватало ездовых животных. У беглеца было еще одно преимущество — лесные беговые олени ламутской породы. Они необычайно выносливы на длинных перегонах. Вскоре бригадир понял, что старика, отлично владевшего беговой техникой, не догнать.

Долго еще бежали олени по свежему следу ускользающей нарты. Выносливые животные начали уставать. Только на вторые сутки у кострища недавнего бивуака остановил Кемлилин измученных оленей. Зола от костра была еще теплая, и угли не погасли. Чандара уехал отсюда недавно, но он получил огромное преимущество — отдохнувшие упряжки. Здесь его олени отдыхали несколько часов. Хитрый старик выиграл гонку и ушел от погони.

На бивуаке Пинэтаун получил последний привет Нанги: у очага потухшего костра она оставила свою любимую березовую чашечку. Девушка была уверена, что ее подарок найдут.

Юноша протягивает мне знакомую посудинку. Чашечка запылчилась в дороге. Невольно стираю пыль. И вдруг странные знаки выступают на темном отшлифованном дереве. Они нацарапаны острой иглой и напоминают ребус.

Пинэтаун с удивлением разглядывает рисунок. Он так устал, что не заметил знаков на запыленной чашечке, когда нашел ее у бивуака.

Что изображала Нанга своим ребусом?

Нанга обладает живым воображением и ясно выразила свои мысли простыми рисунками. Вот крошечные яранги и палатки нашего лагеря у Большого озера. Старик ускользает от погони на пятерке упряжных оленей с запасными пряговыми, бегущими на уздечках. По следу верхом на учаге мчится человек — Нанга заметила долгожданную погоню. Крестиком обозначен бивуак — рядом чашечка с нацарапанным письмом, оставленная у костра.

Точки отмечают маршрут предстоящего пути — Нанга сообщает, куда везет ее Чандара. Впереди большая река и квадратики, вытянутые в линию. Это, несомненно, Колыма. Дальше беглецы поплывут на лодке вдоль извилистых берегов тундры. А вот орел, нахохлившись, сидит среди шалашиков летних чумов. Нанга словно срисовала орла с татуировки у себя на груди.

— Да ведь это стойбище, куда увез ее старик...

Маленькие квадратики, нарисованные в линию, вероятно, обозначают поселок на левом берегу Колымы.

Без слов маленькая художница изобразила на дереве самое главное — где ее искать.

— Походск! Она нарисовала Походск! — вскрикивает Пинэтаун.

Действительно, Походск — единственный поселок на левобережье Колымы, находящийся против извилистых берегов Восточной тундры.

Рисунок девушки поразительно напоминает «рисуночные письма» индейцев Аляски. До сих пор индейцы Аляски, о грамотности которых мало заботятся, пользуют «рисуночным письмом», вырезая острием ножа условные изображения на деревянных дощечках и на березовой коре.

До революции юкагиры — потомки древнейших обитателей лесов Северо-Восточной Сибири — также пользовались «рисуночным письмом». Эти письма выцарапывались на бересте или светлой коре тополя. Юкагиры изображали рисунками происшествия в пути, направление кочевок, сцены охоты и рыбной ловли.

Нанга, вероятно, нарисовала «рисуночное письмо» случайно, как рисуют дети события окружающей их жизни.

Лишь изображения орла и крошечных вигвамов стойбища Нанга словно срисовала с «рисуночных писем» североамериканских индейцев. Американские индейцы с детства носили прозвища. Родители называли их именами разных птиц и зверей. На берестяных индейских письмах до сих пор можно видеть вместо подписи сову, бобра или быстрого оленя.

Рассматривая рисунки Нанги на березовой чашечке, я почему-то не придавал серьезного значения этому поразительному сходству.

Пинэтаун стоит, опустив голову. Нанга нравилась юноше, и он тяжело переживает разлуку.

— Не горюй, Пинэтаун.

Напоминаю о письме помполита. Юноша оживает: он радуется возвращению на Колыму. На берегах Восточной тундры мы рассчитываем быстро отыскать следы Нанги. Пора готовиться к обратному рейсу.

Карту с противозидемическими маршрутами стада дальнего участка совхоза оставляем в надежных, заботливых руках Кемлилина. Старый бригадир соглашается провести все стада по намеченным маршрутам.

В тундре уже появляются комары — наступает короткое, но знойное полярное лето.

«Витязь» возвращается на центральную усадьбу оленеводческого совхоза.

После бури океан дышит лениво и сонно. Минуя Поворотный мыс, Пинэтаун уверенно направляет вельбот в океан. Пересекая громадный залив у берегов Западной тундры, «Витязь» кратчайшей дорогой возвращается к Чукочьему мысу.

Юноша окреп и возмужал в схватке с ураганом, выдержав трудный морской экзамен. Теперь, куда бы

ни занесло нас ветрами, в какие бы ни кинуло испытания, я могу опереться на крепкого и верного помощника.

Погода стоит отличная. Дует ровный попутный ветер. Расположившись на просторных скамьях вельбота, вдыхаем прохладный воздух Полярного океана. Целый день идем с хорошим ветром. Наконец различаю в бинокль скалы Чукочьего мыса. Сердце бьется, замирает в груди: приятно возвращаться из опасного плавания к родным берегам.

Появление «Витязя» на Колыме взбудораживает поселок. На центральной усадьбе совхоза были уверены в гибели вельбота во время бури.

Ураган охватил громадную площадь низовьев Колымы, Алазеи и Омолона. Он начался в устье реки Белых Гусей и через несколько часов достиг заимки Колымской против Омолона. Циклон двигался со скоростью пятидесяти километров в час.

Море залило весь берег Западной тундры от реки Алазеи до устья левой Колымской протоки и затопило тундру на двадцать километров. Всюду ураган оставил свои следы. Словно плуг великана вспахал тундру. Берега речек и озер были снесены, песчаный береговой вал разрушен; ветер сдул воду из мелководных озер и развеял песчаные острова. Морские льдины долго еще таяли в глубине тундры вдали от моря.

Снег покрыл громадную площадь в восемьдесят тысяч квадратных километров. Летний снегопад сопровождался метелью с морозом, и было нестерпимо холодно. И всюду жители тундры с невиданным героизмом вели борьбу с разбушевавшейся стихией.

Мощь урагана можно было сравнить лишь с тайфунами тропических морей. В мелководных южных морях эти морские ураганы причиняют неисчислимые бедствия прибрежным жителям. Уровень океана у берегов внезапно повышается. Океанские волны смывают поселки, заливают низкие коралловые острова и устья рек, впадающих в море.

Жители Западной тундры никогда еще не испытывали морских наводнений. Это был настоящий тайфун у берегов Полярного океана.

Нас давно похоронили.

Петр Степанович почернел и осунулся. Он ощупывает меня, словно не верит собственным глазам.

— Целы! Эх, и напугали вы нас, хлопцы. Просил выслать завтра самолет из Амбарчи́ка на поиски.

Известие о гибели пастуха расстраивает помполита. Петр Степанович долго молчит, вглядываясь в широкий плес Колымы, вспаханный бурунами пены. Ветер развеивает черные, как вороново крыло, волосы. Рассказываем о спасении оленьих табунов.

— Видал, брат, какие люди у нас?.. Недаром приехал к нам на Север, а?

Ч А С Т Ь В Т О Р А Я

ПЛАВАНИЕ В БУХТУ БАРАНОВА

Глава 1. СНОВА В ПОХОД

Еще недавно тайфун у берегов Полярного океана грозил нам гибелью. Теперь, после короткого отдыха в поселке оленеводческого совхоза, мы готовим вельбот к новому плаванию.

Вельбот стоит на песчаном берегу Колымы в ремонте, и высокий киль его, окованный медью, врезается в просмоленные бревна. После тайфуна приходится чинить

порванные снасти, вмазывать шпаклевку, выбитую волнами, и красить облупившиеся дубовые доски обшивки. Постепенно вельбот принимает свой прежний вид: выпуклые борта его блестят свежей краской, тугие ванты наклоняют высокую стройную мачту и шесть букв «ВИТЯЗЬ», раскрашенные кармином, ярко горят на солнце.

На Колыме не удалось обнаружить Нанги. Возвращаясь после тайфуна в усадьбу совхоза, мы зашли на «Витязе» в Походск, уверенные, что отыщем там ее следы.

В этом маленьком поселке, расположенном на левом берегу Колымы неподалеку от Чукочьей протоки, жили колымчане — потомки сибирских землепроходцев, основавших в середине XVII века первые русские поселения на Колыме.

Трудная доля выпала русским людям, заброшенным на Крайний Северо-Восток Сибири. В конце XVII века ледовитость полярных морей внезапно повысилась, драгоценный соболь был выбит колымскими звероловами, замерло полярное мореходство. Слишком невыгодными и опасными стали морские купеческие плавания на утлых кочах по студеному морю.

Колымчане, оставленные на произвол судьбы, добывали себе пропитание рыбной ловлей и охотой. Они считались казаками и были приписаны к Якутскому казачьему полку, но царское правительство мало заботилось о нуждах колымчан. Часто у колымских казаков не было ни муки, ни соли. В неурожайные для рыбы и зверя годы наступал голод.

Теперь, объединившись в промысловые колхозы, колымчане забыли нужду.

В Походске размещается хозяйственный центр одного из промысловых коллективных хозяйств. Летом походчане рыбачат на песчаных косах Колымы и в тундровых речках, зимой охотятся на песцов в Западной тундре. Вероятно, старожилы поселка могли сообщить что-нибудь о нарте беглеца.

Однако никто в промысловом поселке и его окрестностях не видел старика и его дочери. Вероятно, Чандара, избегая встречи с людьми, переправился через Колыму, минуя Походск.

Пинэтаун тосковал о маленькой пассажирке «Витязя». Часами он рассматривал карту Колымского совхоза, сличая извилистую линию на рисуночном письме Нанги

с линией морского берега. Он рвался в поход на побережье Восточной тундры.

Нам предстояло интересное путешествие.

Опасность эпидемий нависла над совхозом. После успешного отела в стадах Восточной тундры прибавилось четыре тысячи новорожденных оленей. Пришлось сформировать два новых табуна, и тесные летние пастбища между устьем Колымы и портом Амбарчик не вмещали всех оленей. Двигаться на восток было некуда: там паслись огромные табуны чукотского оленеводческого совхоза «Турваургин».

На узкой полосе приморской тундры не удалось положить противозидемических маршрутов с постоянным перемещением всех стад на свежие пастбища. Наступало знойное лето, появились комары, и вспышка эпидемии в стесненных стадах Восточной тундры казалась неизбежной. Жизнь требовала быстрых и решительных действий.

Мнения специалистов совхоза разделились. Одни предлагали слить стада в многотысячные табуны и, разделив поровну прибрежные летние пастбища, проложить короткие маршруты. Другие хотели передать вновь сформированные стада на выпас соседнему чукотскому оленеводческому колхозу.

Ветеринарный врач не соглашался. Ведь соседи сами испытывают острый недостаток в приморских летних пастбищах, а громоздкие многотысячные табуны быстро уничтожат на коротких тропах питательную растительность, и олени потеряют иммунитет. Мы искали выхода из тяжелого положения, но ничего не могли придумать.

Неожиданное выступление старого каюра совхоза Михаила Санникова удивило всех. Старик не привык выступать, говорил коротко и скупое, иногда отвлекаясь, раскуривал трубку, выпуская синие кольца дыма.

Всю жизнь он провел в Колымской тундре. Деда и прадеды его были колымские казаки. В 1909 году Михаил Санников сопровождал русского полярного путешественника Георгия Седова к устью Колымы.

Георгий Седов, в то время еще никому не известный штабс-капитан гидрографической службы, выполняя поручение Главного гидрографического управления, исследовал и впервые положил на карту фарватер Колымы. В устье Колымы он спустился на парусном баркасе из Средне-Колымска с командой колымских казаков.

Санников присоединился к этой команде в Нижне-Колымской крепости.

Во время съемки песчаных отмелей в устье Колымы Седов вместе с Санниковым посетил ближний морской остров дельты против берега Восточной тундры.

Вспоминая этот поход, старик уверял, что летом остров покрывается сочной травянистой растительностью и листвой карликовых ивнячков — любимым летним кормом северных оленей. Там совсем не было комаров, и Санников постоянно встречал диких оленей необыкновенной упитанности.

Каюр предлагал переправить на этот остров вплавь через широкую морскую протоку трехтысячное оленье стадо совхоза. На острове, окруженные со всех сторон водой, животные могли пастись все лето, освободив пастбища Восточной тундры для других стад.

Практическая ценность предложения Санникова была ясна каждому из нас. И все-таки нашлись противники: в благополучном исходе переправы сомневались ветеринарные врачи.

Не решаясь принимать на себя риск переправы, они говорили, что новорожденные олени перетонут среди плывущих оленей, что на тесном острове невозможно постоянно перемещать табун на свежие пастбища.

Я вспомнил недавний ураган на берегах Западной тундры: громадный табун оленей с новорожденными оленятами, настигнутый морем, благополучно выбрался вплавь на сушу.

А дикие северные олени на островах Полярного океана? Ведь они никогда не заболевают копыткой! На островах постоянно веют прохладные ветры, разгоняющие комаров, и олени быстро поправляются.

Нет, слишком осторожные товарищи неправы. Судьба плана зависела от успеха переправы на остров Седова.

Петр Степанович поддержал предложение старого каюра. Я поискал глазами Пинэтауна. Он устроился с молодыми пастухами у стенгазеты. Юноша ерзал на лавке и подавал мне красноречивые знаки: сложив ладони, показывал плывущий кораблик; по его мнению, переправа стада на морской остров не могла обойтись без участия вельбота...

Три дня прошло после совещания, но Петр Степанович не спешил с распоряжением.

В последний раз осматриваю блестящий корпус вельбота, подкрашиваю тут и там белилами. И вдруг вижу Пинэтауна, он съезжает по крутой осыпи к вельботу.

— Осторожно, свернешь шею!

— Помполит, помполит зовет, иди скорее в контору!

Наконец-то! Бросив кисть, карабкаюсь по осыпи.

В распахнутые окна конторы вливаются потоки света, ветерок с Колымы распугал первых комаров и гуляет по конторе, играя бумажками на столах. Петр Степанович, приглаживая непослушные волосы на круглой, лобастой голове, протягивает конверт.

— Получай, капитан, предписание... Берите вельбот, спускайтесь по Колыме. У Скалистого мыса встретите оленье стадо Ромула и переправите табун на остров Седова. Якутск разрешил переправу.

Так вот в чем дело: Петр Степанович ждал ответа из Якутска.

— А способ и риск переправы? На вельботе трехтысячный табун не перевезешь через пролив.

Помполит не отвечает. Полной грудью он вдыхает пьянящий воздух Колымы, разлившейся перед нами широким плесом.

— Перелезешь с оленями на остров — вот тебе и научный опыт, лаборатория в гуще жизни... А ты, Пинэтаун, свою Джульетту разыщешь.

Пинэтаун подпрыгивает на стуле, услышав о походе к берегам Восточной тундры.

Читаю краткое предписание. Способ переправы оленьего табуна на морской остров должны определить на месте с бригадиром стада Ромулом. Предписание разрешает попутно исследовать острова в дельте Колымы, которые мы видели с вершины Чукочьего мыса во время недавнего плавания к устью реки Белых Гусей.

На совещании меня поразил рассказ Михаила Санникова: в устье Колымы я не ожидал встретить сподвижников знаменитого полярного путешественника. Георгий Седов, промеряя фарватер Колымы, не успел высадиться на дальние острова Колымской дельты. Он спешил окончить описание фарватера и подходов к устью Колымы — подготовить путь первым морским пароходам.

Не посчастливится ли нам теперь выполнить желание Седова? Я уверен, что там мы отыщем великолепные приморские пастбища для оленеводческого совхоза.

Предписанием поручалось также обеспечить на вельботе продовольственное снабжение островитян — пастухов из порта Амбарчик, где была расположена ближайшая фактория.

Последнее поручение особенно волнует Пинэтауна. Порт Амбарчик расположен неподалеку от устья Колымы, на берегу Восточной тундры, и юноша надеется обнаружить в приморской тундре следы Нанги.

Известие о необыкновенной переправе быстро облетело тундру. Многие сомневались в успешном окончании задуманного предприятия. Поднимая якорь и снова прощаясь с друзьями, мы не предполагали, что второе плавание «Витязя» приведет нас к удивительным открытиям.

Глава 2. ПОИСКИ

Очертания Скалистого мыса с каждой минутой становятся яснее. Уже простым глазом можно различить трещины утеса, нагромождения глыб у его подножия и узкий пляж гальки на берегу маленькой бухты под защитой скал. За крутым выступом Скалистого мыса начинается Морская протока и берег Восточной тундры, где мы должны встретить оленье стадо.

Ветерок слегка надувает грот-парус, и «Витязь» идет малым ходом вдоль высокого берега. Редкий лиственничный лес окончился. Холмистая тундра обрывается к воде голыми скалами. Слева широкий плес Колымы играет ослепительной рябью, а вдали желтеют длинные языки песчаных отмелей.

Пинэтаун лежит на баке, раскинув руки, и смотрит в голубую пропасть неба. Такая небесная лазурь бывает лишь в горах Средней Азии. Окраска неба зависит от сухости и чистоты воздуха. В устье Колымы осадков выпадает не более, чем в сухих районах Средней Азии, а северный воздух необыкновенно чист и прозрачен.

— Пинэтаун, смотри, Восточная тундра!

Юноша замечтался; он вскакивает и вглядывается в пустынные берега. Оленье стадо еще не вышло на побережье — не видно дымов стойбища.

Вельбот входит в крошечную бухту. Скалы хорошо защищают ее от морских ветров и волнений. Здесь глубоко, и наше суденышко выскальзывает форштевнем прямо на гальку берега. Лучшей стоянки для «Витязя»

не сыщешь у этих берегов. Пинэтаун закрепляет железные лапы якоря среди базальтовых глыб у подножия Скалистого мыса.

Поднимаемся на вершину утеса, и перед нами открывается Морская протока; пугает ширина ее. Остров Седова синеватой тенью едва виднеется на горизонте, и переправа трехтысячного стада полудиких оленей с ново-рожденными оленятами кажется немыслимой.

Холмистую Восточную тундру покрывают густые заросли карликовых ивнячков. Они подступают к самому краю обрыва. Глянцевитые их листочки похожи на листья лавра, а макушки срезаны, словно бритвой, на одном уровне. Этот уровень соответствует высоте снежного покрова. Свирепые зимние пурги замораживают и срезают побеги кустарников над снегом.

На юге видны пологие уступы близких сопок, сглаженных древними ледниками. По склонам этих сопok олени стада совхоза обычно спускаются к берегам океана.

В бинокль хорошо просматривается весь берег Морской протоки. Скалистый его обрыв внезапно прерывается низменностью речной долины. Там, среди полярной тундры, блестит речка. Она вливается в Голубую лагуну, закрытую узкой песчаной стрелкой.

За лагуной, на высоком скалистом берегу, чернеет гряда бревен или сруб полуразвалившейся заимки. Протягиваю бинокль Пинэтауну. Он отрицательно качает головой: зрение у молодого чукчи орлиное, и он хорошо видит покосившийся сруб без бинокля.

— Может быть, у этой одинокой заимки останавливался Чандара? Следы хитрого старика нужно искать вдали от поселков.

— Пойдем смотреть заимку... — нетерпеливо предлагает Пинэтаун.

Шагаем по краю каменного обрыва, с любопытством оглядывая морское побережье. Вдали темнеют скалы Чаячьего мыса — там Колыма вливается в море. Спускаемся в долину, переходим через мелководную речку и снова поднимаемся на высокий берег.

Ого, это не заимка, а скорее полуразвалившаяся деревянная башня. Широкое основание еще сохранилось. Тяжелые бревна необыкновенной толщины образовали четырехстенный сруб. Верхние этажи башни обрушились,

и почерневшие, отполированные временем балки громоздятся на земле. Некоторые бревна обгорели и обуглились от случайного пожара.

— Не маяк ли это Дмитрия Лаптева?

Осторожно разбирая кучу бревен, находим доску, вырубленную из целого ствола лиственницы. На черной ее поверхности глубоко врезались буквы славянской вязи:

Снимаю кожаный шлем. Лицо Пинэтауна серьезно: он понимает торжественность этой минуты. Скромные пионеры Северного морского пути не вырезали своих имен на памятнике русской славы.

Но историю деревянной башни я знал. По указанию Петра Первого, превращавшего Россию в великую морскую державу, русские люди готовились овладеть Северным морским путем. В 1740 году один из героев Великой северной экспедиции, флотский офицер Дмитрий Лаптев, положил берег Восточной тундры на морскую карту. Близ Чаячьего мыса, у входа в устье Колымы, Лаптев воздвиг деревянную башню маяка — морского знака, отмечавшего фарватер.

Чуть поодаль, у нескольких обуглившихся бревен, сложенных для костра, валяется ржавая железная коробка. Пинэтаун поднимает ее. Лак на коробке давно облупился, английские буквы рекламы с портретом принца Альберта стерлись.

Заржавевшая банка из-под дрянных американских сигарет...

Разные находки лежат перед нами — как непохожи были люди, оставившие их! Одни пришли на это побережье, совершая великий географический подвиг. Они бескорыстно служили родине, закрепляя дальние ее рубежи. Другие проникли в чужую страну, как воры, в бессовестной погоне за наживой.

Банка от американских сигарет могла принадлежать только контрабандисту из Норд-Компании. Шхуны американских пиратов из Сиэтла заходили на побережье Восточно-Сибирского моря к устью Колымы. Контрабандисты меняли залежавшийся товар на драгоценную пушнину, обирая доверчивых жителей тундры. В двадцатых годах представители Камчатского ревкома, прибывшие на побережье Чукотки, конфисковали несколько контрабандистских шхун и вышибли американских пиратов с наших берегов.

Дмитрий Лаптев ставил приметную башню, отмечая глубокий фарватер устья Колымы. Теперь Морская протока у разрушенного маяка обмелела. Широкие отмели и мелководья образовались за двести лет у подножия береговых скал, а фарватер переместился западнее, к острову Седова.

Свежих следов пребывания человека у развалин не видно. Сухая каменная тундра вокруг изрыта круглыми отверстиями норок. Кучки зернистого помета отмечают жилые норки.

— Что за зверьки поселились так далеко в полярной тундре?

— Евразки, — отвечает Пинэтаун.

Он вытаскивает из замшевого мешочка на поясе катушку черных суровых ниток, скручивает петлю и кладет нехитрую ловушку на отверстие норки. Конец нитки он привязывает к веточке полярной ивы.

Поставив шесть петель, затаиваемся в кустах. Через минуту в одной из петель забился зверек. Спустя немного времени попадают зверьки и в остальные петли.

Зверьки напоминают пушистых белок с короткими хвостами и обрубленными ушами. Рыжеватый нежный мех покрывает гибкое тело. Светлые крапинки величиной с горошину покрывают спинку и бока. Это колымские суслики, во множестве населяющие горные прибрежные тундры низовьев Колымы и Чукотку. Во всем мире суслики обитают в степях, и только здесь, на берегах Восточно-Сибирского моря, живут в тундре, далеко за Полярным кругом.

Поедая сочные листья и стебли тундровых злаков, эти зверьки успевают накопить в короткое, но светлое полярное лето большой запас жира. Во время девятимесячной зимней спячки жир постепенно усваивается организмом,

и подземные обитатели каменистых тундр легко переживают суровую зиму.

Евражки слишком доверчивы, и продолжать легкую охоту не хочется. Сняв шкурки для зоологической коллекции, отправляемся дальше — осматривать берег.

Идем вдоль скалистого берега Морской протоки. Неожиданно Пинэтаун останавливается и указывает вниз. В камнях у воды лежит среди трех базальтовых глыб, как в люльке, бочонок. Увидеть его можно только сверху. Несомненно, бочонок выброшен большой волной во время недавнего тайфуна. Отхлынув, волна оставила его среди камней.

Цепляясь за выступы скал, спускаемся по каменному обрыву и вытаскиваем бочонок на берег. Он сделан из толстых дубовых досок. Выпуклые бока его стягивают медные обручи. Медь позеленела, однако не утратила прочности. Морская вода, по-видимому, не успела проникнуть внутрь.

Невольно вспоминаю жюльверновскую бутылку с документами капитана Гранта, потерпевшего кораблекрушение.

Что принесло море в дубовом ларце? Сбивая медные обручи, я не предполагал, что спустя неделю мы с Пинэтауном и в самом деле найдем необыкновенные документы.

Вышибаем днище. Бочонок доверху заполнен корнишонами — мелкими маринованными огурчиками. Морская вода не испортила этот редкий на Севере деликатес. Корнишоны сохранили свой острый и приятный вкус. Позднее Пинэтаун перетащил дар моря в трюм «Витязя». В течение всего плавания у нас была великолепная противцинготная закуска.

Следы старика пока не обнаружились. Решаем вернуться к Скалистому мысу и разбить бивуак. После ночлега нужно промерить русло Морской протоки и осмотреть до появления табуна остров Седова.

На обратном пути подходим к груде камней, расколотых полярными морозами. Плиты песчаника образуют причудливое возвышение. Оранжевые пятна налипших лишайников прикрывают шероховатую их поверхность, а подушки ягельников закрывают щели между плитами. Эта груда обломков напоминает развалины египетской пирамиды.

Вдруг тонкий свист слышится из камней. Пинэтаун взмахивает ружьем, и мы прячемся за выступами песчанника.

Свист повторяется, и неподалеку на серый камень выскакивает толстый пушистый зверек величиной с небольшую собаку. Он напоминает увеличенного во много раз колымского суслика. Присев на задние лапы, гигантский грызун вытягивается и озирается кругом с большой осторожностью. Серебристый мех его отливают чернью, словно у полярного волка. Шапочка угольно-черного меха покрывает затылок и темя животного.

— Тарбаган... — шепчет Пинэтаун.

Так вот он каков, черношапочный сурок, обитатель горных, первобытных тундр!

Географическое расположение этих редких грызунов удивительно. Обитают тарбаганы отдельными, далеко разбросанными колониями в горной прибрежной тундре Крайнего Северо-Востока СССР и в глубине тайги на безлесных плоскогорьях.

После отступления четвертичных ледников и быстрого движения тайги на север тарбаганы отошли на полярное побережье Якутии и на уцелевшие островки высокогорной тундры среди моря тайги.

Любоваться диким зверьком больше нельзя. Тарбаган почуял недоброе, насторожился, повернул голову в профиль. Хорошо виден блестящий коричневый глаз. Дробь не может пробить толстый слой жира, покрывающий тело полярного сурка. Раненный, он быстро скрывается в камнях, и отыскать его невозможно.

Осторожно подтягиваю дробовик, старательно прицеливаюсь в круглый коричневый глаз и стреляю. Тарбаган падает к подножию камня. В коллекции прибавляется еще одна редкая шкурка. Обеспечен и отличный ужин.

Давно пора подумать о ночлеге.

Вернувшись к вельботу, ставим палатку в тундре на пушистый ковер ягельников, нагретых солнцем. Пинэтаун молчаливо разводит большой костер из плавников и принимается готовить ужин. Юноша приуныл: на берегу Восточной тундры мы не обнаружили следов Нанги.

Дым костра синеватыми кольцами высоко поднимается в тихом вечернем воздухе. Полночное солнце не скрывается за горизонтом, освещая тундру малиновым светом. На костре варится в котелке суп из нежного мя-

са тарбагана. А на щепочках, воткнутых в землю вокруг костра, Пинэтаун обжаривает шашлык.

— Не унывай, Пинэтаун, отыщем мы твою Нангу.

Фиолетовые острова Колымской дельты скрывают море, виднеется лишь морской залив у Чаячьего мыса, освещенный меркнувшим солнцем. Песчаная стрелка Голубой лагуны далеко выдается в Морскую протоку, и мне думается, что переправу оленей на остров Седова нужно начать с конца песчаной стрелки.

Глава 3. ПЕРЕПРАВА

На рассвете нас будит хруст и шорох. Кажется, что морские волны снова заливают тундру. Выскакиваю из палатки и оказываюсь среди оленей. Слово испуганные лани, бросаются они в разные стороны. За самками, не отставая, бегут пушистые оленята, почти все темно-коричневые и лишь немногие — пестрые или вовсе белые.

Громадный табун спускается по склонам пологих холмов. После ночного перехода олени с жадностью поедают листву карликовой ивы. Оленята виднеются повсюду. Они послушно следуют за важенками или, расставив длинные тонкие ножки и подняв короткий хвостик, жадно сосут молоко, с силой ударяя мордочкой по вымени терпеливой матери. Иные из них, подбрасывая задние ножки, бешено несутся по ярко-зеленой осоке. Другие, опустив безрогие головки, взъерошившись и упираясь крошечными копытцами, пьются, а затем на скакивают друг на друга, пытаясь бодаться.

Караван пастухов переходит речку, направляясь к нашему лагерю. Впереди верхом на олене едет Ромул — бригадир пастушеской бригады. Он ведет за собой длинный поезд груженных нарт. За нартами вереницей следуют вьючные олени. Каждую связку ведет верховой пастух с карабином за плечами. Шесты от яранг и палаток, привязанные к седлам, оставляют извилистый след в тундре.

Вскоре вокруг палатки вырастает шумный табор. Оленеводы раскидывают просторные шатры яранг и палаток. Женщины несут к кострам воду. Малыши в легких торбасах из оленьей замши толпой окружают Пинэтауна. Он показывает им цветные детские журналы — подарок пионеров центральной усадьбы совхоза. На берегу

бухты молодые пастухи с интересом рассматривают оснастку парусного вельбота.

Рассказы о приключениях «Витязя» во время тайфуна ходили по всей тундре, и пастухи спешили посмотреть легендарный кораблик.

Поднимаемся с Ромулом на вершину Скалистого мыса. Отсюда хорошо виден исходный рубеж предстоящей переправы — песчаная стрелка Голубой лагуны.

Опершись на посох, Ромул хмуро оглядывает широкую Морскую протоку и синеватый берег далекого острова Седова. Скуластое, темное от загара лицо молодого бригадир с миндалинами черных монгольских глаз кажется пасмурным и недовольным.

Он не одобрял задуманной переправы. Прошлой осенью Ромул принял в корале¹ у границы леса две тысячи оленей. Весенний приплод увеличил стадо на добрую тысячу голов. И рисковать миллионным состоянием совхоза бригадир не желал. Но вместе с тем он хорошо понимал, что у стада оставалась только одна дорога — на остров, через Морскую протоку.

Пути отступления были отрезаны: в глубине тундры начался сильный лёт комаров. Там оленей подстерегает копытка. Почти весь морской берег от устья Колымы до порта Амбарчик занимают соседние стада оленеводческого совхоза, а клочок свободных пастбищ у Скалистого мыса может прокормить трехтысячный табун лишь в течение пяти дней.

— Как пойдут олени в море? — раздраженно спрашивает бригадир, раскуривая длинную трубку с блестящим медным запальником.

— Сам не знаю, Ромул. Видишь песчаный мыс у лагуны?

Бригадир угрюмо молчит. Наконец вытаскивает трубку и выколачивает пепел:

— Пробовать надо...

Ромул решил не откладывать переправу.

Утро наступает прекрасное. Стоит полный штиль, и волны не помешают плывущим оленям.

Пастухи собирают стадо к берегу Голубой лагуны и, постепенно тесня его, вступают на песчаную стрелку. Животные сбиваются в плотную кучу и медленно кружат на отмени.

¹ К о р а л ь — огороженный загон для скота.

Люди наступают цепью, и табун подвигается все ближе и ближе к песчаному мысу. Двенадцать тысяч копыт уминают песок. Шорох песка, сухое потрескивание суставов, тревожное хрюканье важенок сливается в глухой шум, похожий на рокот морского прибоя.

Впервые вижу кружение многотысячного табуна. Стихийная сила скрыта в мерном движении живой массы.

Крайние, наиболее дикие олени бегут по кругу, пытаясь прорваться сквозь цепь пастухов. Пронзительными криками отгоняем их обратно. Упусти мы хоть одного оленя — нам не удержать всего стада. В эти мгновения могучий стадный инстинкт правит животными. За одним беглецом устремится косяк полудиких оленей; затем ринется все стадо, сметая любые преграды на своем пути.

Олени заполняют узкий мыс, как сельди мотню невода. Взявшись за руки, мы продолжаем теснить стадо. Но в воду табун не идет. Три часа пляшем на отмели, размахивая одеждой, почти силой сталкивая заупрямившихся оленей в воду. Много раз Ромул выплывает вперед на маленькой лодке, привязав ручных ездовых оленей арканом к корме. Привязанные верховые олени плывут за лодкой, в сторону острова, заманивая в воду полудиких своих товарищей.

Но и эта хитрость не помогает. Животные не видят далекий низкий берег острова Седова, и широкая протока кажется им безбрежным морем.

Первая попытка оканчивается неудачей. Выводим табун на пастбище. Проголодавшиеся олени с жадностью объедают листву карликовой ивы, быстро уменьшая скудный запас кормовой растительности у Скалистого мыса.

Стадо очутилось в ловушке...

Вечером в просторной яранге походного красного уголка собираются пастухи и все обитатели пастушеского лагеря. Всех тревожит судьба стада, попавшего в беду.

Ромул, опасаясь погубить в сутолоке новорожденных оленят, советует не повторять бесполезных попыток переправы с узкой песчаной стрелки. Пастухи единогласно решают искать новый способ переправы оленей через Морскую протоку.

Времени терять нельзя. Не дожидаясь утра, мы с Пинэтауном и Ромулом отправляемся к вельботу, снимаем якорь и на веслах уходим промерять Морскую протоку.

Неяркое полуночное солнце золотым блюдом катится

по синим островам Колымской дельты. Морская протока кажется перламутровой, а береговые скалы — словно нарисованные углем.

На траверсе песчаной стрелки Ромул поворачивает вельбот к острову Седова. Пинэтаун мерит глубину длинным шестом. В пятнадцати метрах от песчаной стрелки он теряет дно.

Глубина Морской протоки удивляла еще Седова: в устье реки свободно могли входить океанские корабли. Трудно рассчитывать переправить олений табун через большие глубины Морской протоки...

Вельбот приближается к острову. С жадным любопытством рассматриваю незнакомый берег. Много лет назад здесь высадился Георгий Седов для съемки острова.

В два месяца он сумел на маленьком парусном баркасе изучить подходы к устью Колымы с моря, отыскать и промерить фарватер реки, положить на карту отмели и берега восточных островов Колымской дельты.

Глубина Морской протоки остается прежней, и «Витязь» свободно пристает к берегу острова.

На коричневой отмели отпечатались крупные следы дикого северного оленя. След выходит из воды Морской протоки и скрывается в зарослях карликовой ивы. Олень переплыл Морскую протоку не так давно. Острова он не мог видеть с материка, тонкий инстинкт управлял движением зверя.

Выходим на плоскую тундру острова. Пышное разнотравье покрывает землю. Среди густых трав пестреют неяркие цветы арктической тундры, блестят глянцевитые листочки карликовых ив. Осоки почти не видно. Куда ни глянешь — повсюду перистые листочки и желтые лепестки львиного зева. Это любимое лакомство северных оленей. Листочки, стебельки и корни бобовых растений переполнены питательными азотистыми и минеральными соединениями.

Долго бродили по острову, рассматривая густые травы. Ромул хорошо знает растения Севера, но нигде в континентальной тундре ему не приходилось еще встречать такого изобилия бобовых.

— Ну и богатства!..

На острове — клад для совхоза: огромные запасы азотистых и минеральных веществ в нежных зеленых тканях. Тут, на великолепных островных пастбищах,

олени не заболеют копыткой. Переправа стада на остров приобретала исключительно важное значение.

Ромул преображается. Черные глаза загораются, оживляя хмурое лицо.

— Эгей! Жирные олени будут. Знамя у Кемлилина отниму!

— Не даст Кемлилин знамя: четвертый год держит!— смеется Пинэтаун.

Неподалеку от места стоянки «Витязь» находим устье узкой виски¹. Русло ее не шире четырех метров, но дна не удастся нащупать длинным шестом. Виска, изгибаясь, уходит в глубь острова. Вход в устье маскируют высокие тонкие стебли водяной осоки. Легкий ветерок приносит из глубины острова еле слышные звуки: тихий гогот гусей, крик уток, свист куликов, приглушенные крики чаек. Пинэтаун прислушивается к голосу тундры.

И вдруг, сложив губы словно для свиста, он заговорил на птичьем языке: послышался тонкий посвист куликов, оживленное крикание уток, пронзительные вопли чаек... Пинэтаун прекрасно подражает птичьим голосам.

Эх, уплыть бы на вельботе по Глухой виске к центру острова! Но делать этого нельзя. У Скалистого мыса нас ожидают пастухи, встревоженные судьбой оленьего стада.

Как заставить оленей плыть на остров?

Ромул соглашается вторично загнать табун на песчаную стрелку у Голубой лагуны и не отступать до тех пор, пока олени не будут оттеснены в воду.

Пора возвращаться.

Пинэтаун шестом отталкивает вельбот от берега, поднимает грот-парус, и «Витязь» с попутным ветерком быстро идет к Скалистому мысу, темнеющему вдаль. Вода с журчанием пенится у форштевня, и за кормой стелется длинный след, отмеченный тонкими кружевами пены. «Витязь» выходит на середину Морской протоки.

Тихо переговариваемся, обсуждая завтрашнюю переправу. Ромул курит трубку, оглядывая скалистые берега Восточной тундры, где поднимаются дымки стойбища.

Внезапно скорость вельбота падает. Попутный ветер дует с прежней силой, но вельбот плывет так медленно, словно разрезает килем вязкое тесто. Впереди с шумом бегут крутые гребни волн. Не успев подать команды, на-

¹ Виска — узкая глубокая протока.

валиваюсь на руль. Пинэтаун прыгает к мачте и отпускает фалы. Парус спускается, вельбот, описав круг, переваливается на своей волне, мягко ударяясь килем о песчаное дно. Уверенные в большой глубине Морской протоки, мы не заметили мели.

Беремся за весла и плывем вдоль мели, исследуя ее. Глубина мелководья посередине Морской протоки меняется от полутора до двух метров.

На карте Седова здесь значатся большие глубины. По-видимому, за тридцать четыре года фарватер Колымы изменился. Крупные реки живут своей, особой жизнью. Отмели рождаются, умирают и возникают вновь в короткие промежутки времени.

Мель приводит нас к Скалистому мысу. Лишь узкий канал глубокой воды отделяет ее от гальки берега.

Вдруг Ромул вскакивает как ужаленный. Его трубка с медным запальником летит за борт.

— Южак!.. — с усилием выдавливает бригадир, не скрывая необычайного волнения.

— Южный ветер! — кричит Пинэтаун, приплясывая на баке.

Так вот где спрятан ключ к переправе оленей на остров.

Сгоняя воду с прибрежных мелководий в море, южный ветер обнажает дно. Уровень воды в низовьях Колымы сразу падает на два-три метра. Подводная отмель у Скалистого мыса станет длинным песчаным островом. По этой дороге можно будет вывести стадо на середину Морской протоки. Олени переплывут оставшуюся узкую ее часть, ориентируясь на близкий берег острова Седова.

Остается терпеливо ждать южного ветра. Но ждать долго мы не можем: у Скалистого мыса оленям хватит драгоценного корма всего на трое суток.

Вельбот встречают на берегу пастухи. Судьба стада волнует их — они не спали всю ночь, ожидая разведку. Известие о подводной отмели мигом облетает пастушеский лагерь. Все обитатели стойбища собираются у Скалистого мыса; каждому не терпится разглядеть спасительную отмель в темной пучине Морской протоки.

Но радость была преждевременной...

Вот уже пятье сутки ждем южного ветра. Дни стоят безветренные, жаркие, душные. Олени объели всю листовую карликовой ивы вокруг Скалистого мыса, оставив

лишь голые, обломанные веточки; смяли зелень, выбили глубокие тропинки во всех направлениях. Тундра почернела, словно после пожара. Пастухи во главе с бригадиром не спят сутками, перегоняя табун на уцелевшие клочки свежих пастбищ.

Глаза у них покраснели от бессонницы, лица осунулись.

Каждый день жду тревожных событий. И опасения мои подтверждаются. Утром Пинэтаун принес из стада мертвого молодого оленя. Еще накануне дежурный пастух видел его живым и здоровым.

— Копытка пришла, — печально промолвил юноша.

Мы вскрыли труп павшего животного. Зеленоватый гной покрывал околосердечную сумку и легкие, переполнял кишечник.

Осторожно сняв скальпелем пораженную ткань, я перенес волокно на предметное стеклышко и окрасил препарат фуксином. В светящемся поле микроскопа плавали мерцающие клетки с голубоватой зернистой протоплазмой.

Сомнений не было: микробы копытки! Олень погиб от молниеносного заражения крови.

Нужно немедленно переводить оленей на свежие пастбища, но гнать табун некуда. Стихли песни, смех и шутки в пастушеском лагере. Даже малыши примолкли, точно птицы перед бурей.

Южный ветер подул неожиданно в полдень. Слабые его порывы ласкают лицо, рябят широкие плесы Колымы, освежая душный воздух нагретой тундры.

Поднявшись на вершину скалы, не узнаю Морской протоки. Коричневые отмели появляются по обоим ее берегам. Песчаная стрелка у Голубой лагуны соединилась с берегом. Посередине широкой протоки, словно хребет подводного чудовища, чернеет длинная узкая отмель, она уходит к острову Седова.

Открывалась дорога к спасительной переправе.

Лагерь ожил. Пастухи с арканами в руках бегут в тундру сгонять оленей к переправе. Женщины, старики и дети поспешно одеваются, собираясь идти загонщиками.

Пастухи быстро собирают трехтысячный табун и спускают оленей на галечный берег, к подножию Скалистого мыса. Там стоит, опираясь на весло, Ромул. Он похудел за эти трудные дни.

Высокие стены базальтовых утесов служат естественной преградой. Повернуть обратно олени не могут, и мы легко заставляем их переплыть на отмель через узкий канал глубокой воды. Воздух на реке чист и прохладен. Олени охотно идут по отмели, уводящей их от зноя и духоты континентальной тундры.

Взявшись за руки, следуем позади стада. Странная процессия медленно движется посередине широкой протоки. Река переливается серебром, на горизонте мираж поднимает голубоватыми столбиками дальние острова Колымской дельты. С каждой минутой чудесная песчаная дорога приближает нас к острову.

Наконец песчаная отмель оканчивается. Стадо, заполнив последний клочок суши, останавливается. Мы наступаем сомкнутой цепью. Олени взволновались и, сбившись в плотную кучу, медленно закружились. Брызги мокрого ила летят в лицо. С трудом вытаскивая ноги из грязи, тесним табун все ближе и ближе к воде. Животные входят в воду, но плыть к острову не решаются.

Бригадир, привязав к лодке арканом верховых оленей, выплывает вперед. Наваливаясь на весла, он гонит лодку к острову Седова. Крайние олени табуна стоят по брюхо в воде; нерешительно вытянув морды в сторону плывущих учагов, они колеблются. Затем, осторожно ступая, идут вглубь.

Долгожданная минута наступает!

Продолжаем теснить стадо. Заметив движение табуна, Ромул с необычайной силой наваливается на весла. Табун движется. Олени, погружаясь в воду, плывут к острову плотной кучей.

И вдруг — несчастная случайность! — аркан лопается у кормы лодки. Ремень, с треском ударившись о воду, поднимает веер серебряных брызг. Испуганные верховые олени поворачивают навстречу плывущему стаду. Передние олени дрогнули и также повернули обратно.

Паника мгновенно охватывает трехтысячный табун. Передние животные, сталкиваясь с напieraющими задними, плывут по кругу. Табун закружился в воде. Волны, окутанные пеной, бурлят в кипящем котле гигантского водоворота. Стесненные, обезумевшие олени лезут друг на друга, бьют копытами по спинам более слабых. Рокот воды, тревожное хрюканье важенков, глухие удары копыт сливаются в грозный шум.

Бледные, грязные люди в молчаливом отчаянии толпятся на берегу отмели. Словно во сне вижу землистое лицо Пинэтауна, окаменевшие лица пастухов...

Табун кружится в воде быстрее и быстрее. В брызгах и пене исчезают головки оленят. Их было около тысячи, но сейчас не видно ни одного. Мертвая петля водоворота стягивает табун все туже и туже. Многое мы сделали для успешной переправы оленей на остров, и все рушилось теперь на наших глазах.

Бригадир стоит в лодке и, бешено размахивая веслом, кричит. Голоса его никто не слышит.

Но вот все мы, как по команде, ринулись в кипящий водоворот пены и клином врезаемся в плывущий табун. Не обращая внимания на удары копыт, захлебываясь и глотая воду, толкаем и бьем обезумевших оленей по мокрым мордам. Крайние животные, сталкиваясь с полуголыми рассвирепевшими людьми, поворачивают обратно. За ними устремляются важенки. Табун разворачивается, словно стальная пружина.

Выскакивая на отмель, олени бегут по илистой дороге к Скалистому мысу. Наше стремительное наступление спасло табун. Ни один олень не погиб в этом водовороте. Даже маленькие оленята, все, как один, перенесли суровое испытание и остались живы.

Северные олени — изумительные пловцы. Они легко переплывают большие сибирские реки. Плыть им помогает особое строение шерсти. Каждый волосок густого оленьего меха наполнен воздухом. Плыущему северному оленю пушистая меховая шуба служит великолепным «спасательным поясом». Человек с матрацем из оленьей шерсти не утонет.

Мокрые, в изорванной одежде, усталые от пережитых волнений, пастухи выбирают на песчаную отмель. Теперь мы верим в успех задуманной переправы. Несчастная случайность с арканом не повторится!

Два часа спустя переправа с песчаной отмели на остров была закончена.

Трехтысячный табун вплавь пошел через протоку вслед за верховыми оленями, вновь привязанными арканами к лодке бригадира.

Живая плотина перехватила реку, хлопья пены несутся вниз по течению Колымы. Впереди плывут самцы. Откинув головы с ветвистыми рогами, они направляют дви-

жение табуна. За ними плывут важеньки. Красивые их рога, покрытые летней короткой шерстью, образовали на реке колеблющийся лес. Рядом с важеньками виднеются черные головки оленят с бархатными рожками.

Передние олени, достигнув берега, отряхиваются и устремляются в глубь острова, к яркой, сочной зелени девственных пастбищ.

Глава 4. ЗАИМКА БЕЛЯЕВА

После успешной переправы оленей на остров Седова в нашем распоряжении остается свободное время, и я решаю воспользоваться им — исследовать дальние острова Колымской дельты.

Пинэтаун с большой неохотой пускается в это путешествие. Он рвется на поиски Нанги в порт Амбарчик. Однако плыть на фабрику за продуктами еще рано: пастухи привезли с собой изрядный запас продовольствия.

На дальние острова меня влечет не простое любопытство. Воображение рисует картину мощного островного хозяйства в дельте Колымы. Освоение дельты может коренным образом решить проблему летних пастбищ оленеводческого совхоза...

Южный ветер пошевеливает алый вымпел на мачте «Витязя». Свежесть золотого утра предсказывает ясную погоду. Вчера после удачной переправы оленей мы перевезли на остров Седова обитателей стойбища, яранги и палатки.

Решаю пересечь остров на вельботе, выйти в широкую внутреннюю протоку и забраться в самое сердце Колымской дельты. Колыма изливается в море тремя протоками: Морской — восточной, Чукочьей — западной и Походской — внутренней. Сюда мы хотим пробраться по Глухой виске, пересекающей остров Седова.

Раздвигая веслами тонкие стебли водяной осоки, проникаем на вельботе в Глухую виску. «Витязь» с трудом помещается в узкой протоке, но глубина ее остается необычайной: длинным шестом Пинэтаун по-прежнему не достает дна. Глубокая вода кажется темной, словно чернила. Торфяные берега в зарослях высокой водяной осоки отвесно обрываются в воду.

Лавировать парусами не удается. Протока изгибается крутыми петлями, и попутный ветер часто становится

встречным. Приходится садиться на весла. Порой и весла упираются в берега. Берем шесты и, отталкиваясь от торфяных бугров, гоним вельбот дальше.

На карте Седова протока обозначается голубым пунктиром. Положив перед собой компас, веду абрис, рисуя все изгибы Глухой виски. Узкое ее русло постоянно разветвляется, и боковые протоки уходят куда-то в глубь острова. Придерживаясь западных рукавов — так быстрее пересечем остров и выйдем к дальним, неисследованным островам Колымской дельты.

Но вот протока становится прямее. Вельбот быстро идет под парусами. Издали, вероятно, кажется, что «Витязь» скользит по зеленому океану тундры. Раздутые паруса пугают птиц. Гуси и утки взлетают с воды и улетают прочь. Птицы окрепли после линьки и уже поднялись на крыло.

С любопытством осматриваем берега виски. Плоская, как стол, равнина тянется к дальним горизонтам. Высокий берег Восточной тундры теряется в туманном отдалении. Колымы не видно, кругом блестят озера, извитые плесы висок. Не верится, что находимся в дельте, на острове. Кажется, что континентальная тундра окружает нас.

На Западе, там, где зеленая равнина сливается с бледным небом, одинокой пирамидой выступают скалы; их каменный купол находится в центре дальних островов. Этот купол мы видели с Чукочьего мыса во время плавания к устью реки Белых Гусей, и вот теперь «Витязь» приближается к нему.

Глухая виска, образовав крутую излучину, впадает в широкую протоку. Утренний туман клубится над рекой, открывая вдаль низкий берег таинственного Дальнего острова и мрачную скалу каменного купола. Сторожевой башней поднимается эта скала над пустынными островами.

С большим волнением осматриваю в бинокль скалистый остров. Исследователи еще не ступали на эти берега. Неизведанная земля манит нас к себе с необычайной силой.

Походская протока, где мы плывем, в старину называлась Русской. Этой протокой триста лет назад прошли на Колыму первые русские мореходы с устья Алазеи и много лет ходили караваны кочей, освоившие мор-

ской ход между Леной и Колымой. В 1649 году Михаил Стадухин с вольницей взбунтовавшихся казаков, бежавших на Колыму из Якутска, громил в Русской протоке, у Дальнего острова, купеческие караваны...

Пристать к Дальнему острову не удастся: берег заваливают выбеленные водой бревна плавника. Они громоздятся кучами, словно рассыпанные гигантские спички. Протока подмывает тяжелые бревна, покрытые скользкой тиной, и они нависают над водой, образуя темные ниши и пещеры.

Пинэтаун влезает на мачту и осматривается. Завалы плавника покрывают низкий остров сплошь на многие километры.

Колыма ежегодно выносит в море тысячи кубометров древесины. Особенно много плавника величественная река несет в половодье, в годы больших разливов. Морские течения разносят плавник по всему побережью, отлагая его местами в огромном количестве. Дальний остров, очевидно, является одним из таких мест.

Наши надежды не оправдались — выпас оленьих стад на Дальнем острове невозможен: олени не смогли бы пробиться через непроходимые завалы плавника.

Высокий северный мыс Каменного острова разрывает кольцо мертвого плавника там, где внутренняя протока вливается в море. Решаю обогнуть мыс и осмотреть северо-западную часть Дальнего острова, заслоненную скалами.

Подтянув шкоты, с попутным ветром быстро плывем к выходу в море. Остров, погребенный под плавником, остается позади. «Витязь» выносится на простор морского залива. Дельта Колымы оканчивается. Перед нами лениво плещут свободные волны океана. Совсем близко чернеют скалы Каменного острова.

На вершине мыса, высоко над водой, виднеется знак. Гидрографической вышки в этих пустынных водах, вдали от морских путей, быть не может. В бинокль различаю высокий покосившийся столб с массивной перекладиной наверху и косо укрепленной ниже балкой.

Крест!

«Витязь» быстро приближается к черному мысу с крестом и вскоре пристает к узкой галечной отмели у подножия отвесных скал. Наше внезапное появление встревожило обитателей птичьего базара. Тысячи птиц с

оглушительными криками поднимаются в воздух. Чайки взлетают ввысь, затем стремительно падают, почти касаясь крыльями парусов.

Высокие стены утесов в белых пятнах птичьего помета служат единственным приютом морским чайкам. На всех выступах, в трещинах и расщелинах скал гнездятся птицы. Одни еще сидят на яйцах, другие кормят рыбой птенцов или дерутся из-за добычи, выхватывая друг у друга куски рыб и жадно проглатывая их. Часто появляются хищные коричневые поморники. Пользуясь суматохой, они налетают на гнезда, оставленные матерями, и схватывают беззащитных птенцов.

Причаливаем.

Пинэтаун остается на вельботе. Захватив бинокль, лезу на вершину крутого мыса. Путь к вершине труден. Приходится карабкаться по гладким плитам базальта, отдыхать в глубоких трещинах и на узких карнизах. Наконец выбираюсь к подножию громадного деревянного креста. Квадратные балки, почерневшие от времени, потрескались. На высоте человеческого роста, у косой перекладины, темнеет выжженная, полустертая надпись:

...августа 25 дня, 1740 года...

Вот так находка... Это неизвестный памятный знак русского мореплавателя Дмитрия Лаптева.

Пестрые подушки лишайников украшают куполообразную тундру острова. Повсюду виднеются массивные плиты песчаника.

Глухой гул поднимается снизу. Наклоняюсь над краем скалы.

У подножия утеса кипят волны, плескаясь брызгами. В воде мимо мокрых камней проносятся с удивительной быстротой клочья пены. Погода остается тихой, и ярость волн необъяснима. Сверху кажется, что Каменный остров плывет в океан, крутым утесом рассекая волны. Иллюзия движения столь явственна, что на миг закружилась голова...

Сильный стрекоучий звук заставляет обернуться. В двух шагах, на плоском камне, сидит пушистый зверек грязновато-серого цвета, с большими ушами и длинным хвостом, похожий на крошечную, измазанную в грязи лисичку. Склонив голову набок, он острыми глазами смотрит на меня без тени страха. С минуту мы си-

дим друг против друга — большой человек и крошечный зверек — у подножия черного креста, высоко над морем.

Житель уединенного острова еще не знает опасностей континентальной тундры. Встаю. Малыш следует моему примеру и ковыляет к ближней груде камней. Он идет неторопливо, поминутно оглядываясь, будто приглашая следовать за собой.

Двигаюсь следом и за глыбой песчаника вижу смешную компанию. С десятков маленьких ушастых зверьков сладко дремлют на мягкой подстилке лишайников, нагретых солнцем.

Мой ушастый проводник принимается тормозить братьев и сестер. Он покусывает их за уши, толкает и переворачивает лапами. Но все его попытки оказываются тщетными. Малыши блаженно потягиваются, переворачиваются с боку на бок, но глаз открывать не хотят.

Хриплый, отрывистый лай мгновенно поднимает зверьков на ноги. Они вскакивают и без оглядки бегут к отверстию норы между двумя плитами песчаника. Появляется мать. Она пришла из тундры и теперь наблюдает за поспешным бегством своих детенышей. Линяющая шерсть грязно-серого цвета свисает на боках клочьями. Зимнюю белую шубу песец надевает после линьки, в октябре.

Настороженная мать не уходит до тех пор, пока опасный гость не скрывается с площадки Скалистого мыса. Видно, непуганый песец не видел людей на необитаемом острове.

Спустившись к вельботу, рассказываю Пинэтауну о странном волнении у подножия скал. Решаем посмотреть, в чем дело, и обогнуть крутой мыс Каменного острова.

Вельбот двигается вдоль скалистого берега. Чайки сопровождают нас с пронзительными воплями. Шум волн усиливается. Вельбот поравнялся с высоким каменным уступом. Пинэтаун готовит паруса к повороту. Но повернуть руль я не успеваю.

Вельбот закрутился в водовороте. Паруса оглушительно хлопают. Сильная струя течения подхватывает «Витязь» и стремительно бросает на мокрые скалы. Высокие черные утесы, окутанные у подножия пеной прибоя, летят навстречу. Спустив шкоты, бросаемся к веслам, пытаясь предотвратить несчастье.

Прыгая на гребнях волн, «Витязь» промчался мимо

гибельных утесов, слегка коснувшись килем подводных камней. Сумасшедшее течение, круто огибая мыс, несет вельбот, точно щепку, мимо отвесных западных берегов Каменного острова. Скорость течения все увеличивает-ся. Весла пришлось убрать.

Куда увлекало нас неистовое течение?

Вода несется с такой силой, словно низвергается впереди в бездонную пропасть. Окончательно приводят нас в изумление буквы, выведенные белой масляной краской на каменной стене острова. Читаем на скале:

ВАСИЛИЙ БЕЛЯЕВ, 1909 ГОД

Перебирая в памяти имена немногочисленных путешественников, посещавших устье Колымы, не могу вспомнить имени, отмеченного на скалах. Кто оставил свое имя на камне пустынного острова? Надпись на скале человек мог сделать только зимой, двигаясь по льду замерзшего моря.

Течение несет вельбот с прежней силой. Впереди появляется утес, причудливо обточенный водой и ветром. Из воды поднимается каменный пьедестал и мощная львиная голова сфинкса. Миновать утес «Витязь» не может. Струя течения разбивается о подножие каменного монумента. Схватив весла, мы снова принимаемся грести изо всех сил, до тех пор пока базальтовый утес не пронесится мимо левого борта.

Внезапно скорость движения «Витязя» упала. Перед нами открылась укромная бухта среди зазубренных скал. Струя течения сворачивает в море, и клочья пены теперь проносятся за кормой «Витязя». Вельбот медленно кружится в тихом омуте.

Налегаем на весла и, выравшись окончательно из цепких лап течения, входим в тихую заводь случайной бухты. Нас встречает дикий, пустой берег, усыпанный галькой. Иногда галечник прерывается завалами каменных глыб, сорвавшихся сверху. Бухта уходит в глубь острова, образуя скрытую гавань, защищенную от бурь.

Огибая каменные завалы, достигаем дальнего конца бухты. Это самый пустынный ее уголок.

И вдруг у подножия серых скал видим хижину. Рядом чернеет низкий амбар с плоской крышей. Одинокое зимовье ограждает высокий частокол из бревен плавника. У самой воды вверх дном лежит лодка и валяются

пустые бочки. Не вьется дымок из трубы. Дверь в хижину отворена, но людей на берегу нет.

Кто поселился в этом тайном убежище, вдали от людей, на уединенном острове Колымской дельты?

Вытащив карабин, стреляю в воздух. Грохот выстрела долго перекатывается в скалах. Никто не выходит из хижины: обитатели жилья словно вымерли или не хотят встречать незваных гостей. Передаю карабин Пинэтауну и гребу к берегу.

Вельбот пристает к галечной отмели. Захватив винтовки, мы с Пинэтауном спрыгиваем на сухую гальку. Перед нами лежит лодка необычного вида. Основу ее составляет днище, искусно выдолбленное из ствола тополя. Бортовые доски, иссохшиеся и потрескавшиеся, скреплены между собой и с выдолбленным днищем сыромятными ремнями.

— Смотри, шитик... — Пинэтаун оглядывает находку с удивлением.

Такие лодки употреблялись колымскими казаками лет двадцать—тридцать назад. В 1909 году Георгий Седов на парусном шитике провел всю съемку фарватера и морского бара — наносной мели — в устье Колымы.

Уж не посчастливилось ли нам найти никому не известную стоянку отважного русского капитана?!

Но почему же остров с каменным куполом не был положен на карту Седова? Может быть, осенние штормы помешали Седову выполнить съемку Дальнего острова?

Продолжаем осмотр стоянки. На галечной отмели, рядом с разбитым шитиком, лежат пустые, выбеленные временем бочки. Дубовые клепки их прогнили и там, где касаются гальки, покрыты зеленоватой плесенью. К жилью ведет утоптанная дорожка. Однако свежих следов человека на тропинке нет. С любопытством оглядываясь, приближаемся к зимовью.

Чьи-то заботливые руки сложили плавник в высокие кучи. Обитатели стоянки готовились к долгой полярной зимовке.

Ограда из заостренных бревен напоминает палисад маленькой крепости. Очевидно, полярные робинзоны защищали зимой свое жилище от нападения белых медведей.

Калитка, сбитая из корабельных досок, падает от легкого прикосновения: сгнившее дерево не держится на ржавых петлях. Проходим за ограду.

У стены амбара покоится длинная собачья нарта. Полозья ее по-старинному подбиты китовым усом. Дерево нарты побелело, а связывающие ремешки сгнили. Вешала для юколы на плоской крыше амбара развалились, а дверь, запертая деревянным засовом, растрескалась. Печать ветхости и запустения лежит на всех предметах.

Часть подворья занимает квадратный участок с кольями, вбитыми в землю, словно для подвязки виноградных лоз.

На кольях висят обрывки ремней. По-видимому, здесь держали ездовых собак на привязи. Хижина, сложенная из толстых почерневших бревен, напоминает избушку сказочной колдуньи — крутая крыша, квадратные окошечки с мутными стеклами и черная пасть открытой двери.

У порога валяется ржавая консервная банка с полустертыми английскими буквами, пустая зеленая бутылка из-под ямайского рома и сломанный матросский нож.

Снаружи, на стене хижины, на бревне шестого венца острым ножом вырезаны морской якорь и надпись:

ВАСИЛИЙ БЕЛЯЕВ, 1909 ГОД

Согнувшись в три погибели, переступаю порог избенки и осматриваюсь. Широкий луч света, проникая через квадратное окошечко, освещает в углу белый человеческий скелет, прислоненный к почерневшей стене.

Невольно отступив, зову Пинэтауна. Юноша с ужасом смотрит на печальную картину.

Человек умер, сидя на деревянных нарах. Груда истлевших лохмотьев прикрывает скелет.

На столе, рядом с нарами, валяется опрокинутая чернильница, нераспечатанная проржавевшая банка американских консервов, оловянная ложка и жестяная кружка, перевернутая вверх дном.

У изголовья нар, прислоненный дулом к скелету, стоит ржавый винчестер. Стреляные гильзы устилают пол хижины. Умирая, человек отстреливался. Следы пуль видны на притолоке и на пороге двери.

Посреди горницы, на возвышении, сложенном из камней, чернеет печка, искусно сделанная из железной бочки. Два грубо сколоченных стула и сундук из корабельных досок дополняют убогую обстановку мрачного жилища.

Продолжаем осмотр стоянки.

Пинэтаун поднимает тяжелую крышку сундука. В нем в беспорядке хранится зимняя одежда, испорченная сыростью: спальный мешок из шкурок пыжика, оленья куртка, расшитая бисером, меховые брюки и чукотские короткие торбаса.

Выбираемся из хижины, обследуем амбар. Отбросив деревянный засов, раскрываем дверь. Сладковатым запахом гнили пахнуло изнутри. В амбаре лежат истлевшие рыболовные снасти и гнилые веревки, дубовые бочки с тухлым сливочным маслом и синими окороками, ящики с позеленевшими морскими галетами и консервами, мешки гнилой муки, железные бочки с забродившим спиртом, заржавевшие ружья и винчестеры, дырявые цинковые ящики с патронами и отсыревшим порохом, различная посуда и мелкий хозяйственный инвентарь.

Обитатель зимовки, владея этим складом, мог долгие годы жить отшельником в полярной пустыне.

Солнце повисает над горизонтом. Пора отдыхать. Устраиваемся спать на берегу бухты, решив утром предать земле останки Василия Беяева.

Перламутровое море тихо вздыхает и шуршит галькой у наших ног. Медузы качаются в прозрачной зеленоватой воде у берега спящего залива. Закутавшись в спальный мешок, долго не могу уснуть, раздумывая о страшной судьбе человека-отшельника.

Глава 5. ИСПОВЕДЬ ПИРАТА

Утром, захватив с вельбота кирки и лопаты, начинаем рыть могилу. Земля, скованная вечной мерзлотой, не принимает железа. Наконец могила готова. Свяжав ремнями носилки из лопат, идем в хижину. Пинэтаун разгребает истлевшие лохмотья одежды, осторожно освобождая скелет. Утреннее солнце освещает сквозь окошко мрачное жилище. Осматриваю пыльные стены, надеясь найти еще надпись и разгадать историю полярного отшельника.

Возглас Пинэтауна заставляет круто обернуться. Скелет, загремев костями, валится на деревянные нары.

Пинэтаун протягивает клеенчатый сверток, туго стянутый кожаным шнурком. Рука его дрожит.

— В лохмотьях нашел, — глухо говорит юноша.

Быстро разрезаю ремешок, непослушными пальцами

разворачиваю клеенку. Перед нами лежит толстый синий пакет, запечатанный сургучом.

Крупными печатными буквами дрожащей рукой умирающий вывел на конверте адрес: «Капитану Седову, в собственные руки». Распечатав конверт, извлекаю письмо, измятый лист пергамента, сложенный вчетверо, и пачку рваных документов.

На пергаменте тушью нарисована карта побережья Восточно-Сибирского моря. В левом углу карты — рисунок морского компаса. Ниже — извилистая линия берега Восточной тундры с мелкими бухтами и заливами, мысами и опасными мелями. Крест отмечает на карте мыс Баранова.

Письмо, написанное по-английски неверным, корявым почерком, читаю по складам. Словно тяжелый занавес падает, открывая тайну одинокой заимки. Перечитываю письмо Пинэтауну, медленно переводя короткие английские фразы:

— «13 августа 1909 года.

Господин капитан!

Прежде чем отправиться в ад к чертям на сковороду, пишу Вам письмо вроде исповеди. Даром, что я моряк, а сдыхать приходится на берегу сухопутной крысой.

Треклятая жаба душит горло удавкой. Валяюсь на койке, точная колода. В ушах звенит, а в глазах зеленая вода, целые горы ее плещут вверх и вниз.

Нет, сэръ! Смерть маху не даст. И двух дней не протянет старый морской волк Джефф Питерс. Вы не ошибаетесь, господин капитан. Меня зовут Джефф Питерс. Я — американский матрос с парусно-моторной шхуны «Зуб кашалота».

23 июля 1903 года шхуна отчалила из Сиэтла в устье Колымы, доверху набитая контрабандным товаром. С той поры никто, кроме старого Питерса, не знает, куда она запропастилась. Шесть лет назад я спрятал концы в волч, назвавшись русским траппером¹ Василием Беляевым. Он умер от цинги в промысловой избе у мыса Баранова.

На борту шхуны находились Джим Мак-Кол — моторист из Серкл-Сити, Пит Картрайт — матрос из Бостона и мистер Снайерс — шкипер из Сиэтла.

¹ Траппер — бродячий охотник

Товары мы сбыли с дьявольским барышом. Чукчи голодали. За пачку патронов Снайерс брал по два песца, за винчестер — по две чернобурки. Весь трюм был забит тюками пушнины. Такого богатства я в глаза не видывал.

В трюме у нас под ногами лежал клад в несколько миллионов долларов, и палуба жгла нам пятки. Мы следили друг за другом, как волки, учуявшие поживу. Таков закон доллара, господин капитан. Нас еще в школе учили перегрызать горло ближнему за чертова золото.

Шкипер Снайерс, детина шести футов¹ росту, с противной рожей, исцарапанной оспой, был на хорошем счету у компании. Много темных делишек лежало на его совести. В бухте Баранова он приказал бросить якорь и собрал нас в шкиперскую каюту. Без обиняков Снайерс выложил тайный приказ компании.

Нам приказывали выгрузить на берег пушнину, спрятать ее в укромное место до следующей навигации, шхуну выбросить на камни и затопить.

Компания получала сто тысяч долларов страховых, а мы, после зимовки на берегу Чукотского моря, — двойной оклад и по тысяче долларов на нос.

— Станете, ленивые черти, свободными людьми и джентльмэнами! — прохрипел Снайерс, выколачивая трубку.

Тайник мы вырыли в ракушечных холмах на мысе Баранова. Тюки с пушниной запрятали в подземный трюм, выложив яму палубными досками. Крышу и люк завалили землей и накрыли дерном. Ракушечных холмов там чертова дюжина, и сам дьявол не разберет, куда мы упрятали три сотни тюков мягкого золота.

Зимовать мы надумали в промысловой избе у мыса Баранова. Снайерс приказал мне и Джиму отвести шхуну к устью Колымы и выбросить на камни против Чаячьего мыса.

Мы выполнили, господин капитан, приказ компании. Они хотели хапнуть побольше барыша, а мы выудить по тысяче золотых и держать язык за зубами. Русская зима накрыла нас саваном. Мы залегли в спячку и выползли из берлоги лишь в тихую погоду ставить капканы на песцов.

¹ Фут — мера длины, около 0,3 метра.

Снайерс убил Джима на охоте. Я нашел Джима, разгребая снег для капкана. Он всадил ему пулю между лопаток и прикончил прикладом. Старый плут задумал перестрелять нас, как куропаток, и заграбастать два миллиона долларов компании.

Я, Джефф Питерс, спровадил мистера Снайерса прямехонько в ад. Пит ушел на охоту, и я пристукнул Снайерса топором в хижине, когда он храпел, как свинья, опившись рому.

Я предложил Питу по-джентльменски разделить клад у мыса Баранова. Мы ударили по рукам и ползими мирно ставили капканы вокруг хижины, пожиная обильную жатву.

Лопни мои глаза, господин капитан, не я начал первым. У Пита был дурной характер. Его ум мутила одна и та же заунывная песня пурги.

Под рождество мы выпили лишнего. Пит спятил. Он выпалил первым, и пуля, царапнув мое ухо, насквозь пробила дверь из толстых досок. Я не дал маху и угодил Питу в глаз. Я закопал его в песке на берегу бухты и остался один. Теперь я был миллионером, свободным джентльменом сорока восьми штатов.

Совесть меня не грызла, господин капитан. Власть и закон в Америке давно загребли жулики. Я убил двух плутов, а дельцы каждый день душили миллионы честных людей и ходили в почете.

Пораскинув мозгами, я решил отсидеться в Сибири и вернуться на родину под чужим именем. Я выменял у колымских казаков упряжных собак, объехал побережье и бросил якорь в укромной бухте Каменного острова. Хижину сложил в марте 1904 года и десятью рейсами на собаках притащил сюда все продовольствие и снаряжение с мыса Баранова.

Летом, когда ушли льды, компания прислала Олафа Свенсена искать свой товар. У Чаячьего мыса этот парень Олаф нашел только обломки шхуны и вельбот, выкинутый волнами на берег.

Каждый год я отправлялся к мысу Баранова, открывал люк и проветривал подземный тайник. Летом 1908 года в бухте Баранова я наскочил на кочевников с оленями. Они жили в Синем хребте на Омолоне и удрали на морской берег от своих вождей, прижимавших их в стойбище.

Оборванный старик показал мне пулю из чистого золота. Я выменял ее за пачку патронов и увеличил свой капитал на пятьсот долларов. Свинца в горах не было, и золотыми пулями кочевники Синего хребта били лосей, а золото выменивали у ламутов. Я напоил старикашку ромом, подарил топор, и он нарисовал мне этот хребет, место стойбища Синих Орлов и путь на Омолон.

Я сплавил два ящика дрови в свинцовую болванку и весной 1909 года по насту погнал упряжку на Омолон. Синий хребет я видел издали, но дорога туда дьявольская. Собаки сожрали весь корм — пришлось лечь на обратный курс. К Синему хребту нужно идти на оленях. Там уйма оленьего мха. Он покрывает землю толстым одеялом.

В устье Омолона я увидел Вас, господин капитан. Вы, наверное, не обратили на меня внимания. Я все время держался в стороне, старался не попадаться Вам на глаза. Много говорили о Вас чукчи. По всему свету я гонялся за черными долларами, и вот где привелось встретить настоящего человека.

...Две недели валяюсь на койке, точно колода. Ноги опухли... Каждый день ожидаю Вашу лодку. Не миновать Вам, господин капитан, моей бухты при съемке острова... Собаки отгрызлись. Лезут в избу, голодные дьяволы, по мою душу. Стреляю в паршивые их морды...

Сил нет... Господин капитан... Бухта Баранова... крест на могиле... компас на правый конец... пеленг зюйд-вест 35°, копайте сверху... Карта в бочке... Золото не давайте проклятым янки. Дельцы губят души...

Питерс, матрос...»

Последние неразборчивые строчки письма Питерса расплзлись на весь лист. Видно, перо не слушалось пальцев умирающего.

Выбираемся из тьмы хижины и облегченно вздыхаем при виде солнца. Сквозь дымные облака просвечивает синева ясного неба. Воздух свеж и приятен. Лучи солнца струятся сквозь туман, ровным светом освещая бухту.

Георгий Седов не успел выполнить съемку Каменного острова. Исповедь американского пирата тридцать пять лет пролежала в хижине, и нам довелось первым прочесть этот документ.

Сохранился ли тайник американских контрабанди-

стов? Можно ли найти карту Синего хребта, нарисованную старым оленеводом?

Несколько месяцев назад я видел хребты Омолона с высоты тысячи метров.

Самолет летел из Якутска в устье Колымы через Омолон, и все пассажиры увидели в зеркальные иллюминаторы кабины мощный безлесный хребет. Он выступал среди моря снежной тайги, и усеченные вершины голубых сопок сливались на горизонте с фиолетовым небом.

На карте хребет не значился — белое поле неисследованных земель простиралось на весь планшет.

Еще тогда, разглядывая в иллюминатор неизвестные вершины, у меня мелькнула мысль освоить эти хребты. Первые их уступы были не так уж далеки от южных границ Колымского совхоза.

Снег закрывал землю, и мне не удалось оценить с воздуха пастбищные возможности Омолонской тайги и рассмотреть подступы к неизвестному хребту.

Теперь представляется возможность получить исключительно ценную карту этого хребта. Может быть, в горах Омолона скрываются пастбища, так необходимые нашему совхозу?

Что, если пробиться сквозь Омолонскую тайгу и выйти с оленьими стадами на безлесные плоскогорья Синего хребта? Летом в тайге высоко в горах дуют прохладные ветры, разгоняя комаров. В безлесных горных долинах раскинулись северные альпийские луга, а на раздолье девственных горных пастбищ легко проложить хорошие маршруты.

Но добыть карту старого кочевника нелегко. Спрятанная в подземном тайнике на мысе Баранова, в пятидесяти километрах от Каменного острова, она кажется недосягаемой.

— Стойбище Синих Орлов! Почему американец пишет так? — тревожно спрашивает Пинэтаун.

Письмо Питерса не отвечает на этот вопрос. Невольно вспоминаю синего орла, вытатуированного на груди Нанги и вышитого на кисете старика. На «рисуночном письме» девушка изобразила орла у вигвамов стойбища.

Неужели Нанга — дочь неизвестных оленеводов, бежавших сорок лет назад с плоскогорий Синего хребта на берега Восточной тундры? Где искать теперь их стойбище?

Пинэтаун в волнении мнет карту старого контрабандиста.

— Дай карту!

Поспешно развернув пергамент, оглядываю схему побережья Восточной тундры, разрисованную Питерсом.

— Поразительное сходство!

Очертания мыса Баранова на карте и большого выступа береговой линии на ребусе Нанги совпадают. Вигвамы стойбища Синих Орлов девушка нарисовала против этого выступа. Следовательно, искать Нангу нужно в тундре, у берегов бухты Баранова.

В путешествиях случаются удивительные вещи. На дальних островах Колымской дельты мы искали летние пастбища для оленей, а нашли верный след Нанги.

Питерс обозначил на карте побережья три бухты. Близ устья Колымы, за Чаячьим мысом, бухту Амбарчик. Когда Питерс рисовал свою карту, там была пустыня. Теперь выросли причалы крупного морского порта.

Далее на восток, на пути к мысу Баранова, Питерс отметил укромную бухточку в скалах. Она была обозначена на всех пастбищных картах совхоза. Там пролегли западная граница Чукотского национального округа и восточная граница Колымского оленеводческого совхоза. Поблизости от этой бухточки паслось последнее стадо совхоза.

У мыса Баранова на карте значилась большая лагуна. Крутой каменный нос глубоко врезался здесь в море, образуя полузалив-полулагуну, отгороженную длинной песчаной стрелкой.

Можно ли пробраться на вельботе к бухте Баранова?

Перед отплытием в устье Колымы помполит предупредил, что главная наша задача — организовать переправу оленей на остров. Это поручение мы выполнили. Теперь остается совершить короткий рейс в порт Амбарчик на факторию за продовольствием для пастухов.

Что, если, минуя Амбарчик, продолжить рейс к мысу Баранова и отыскать тайник американских пиратов?

Продовольствие для пастухов можно закупить в Амбарчике на обратном пути. В случае неожиданного шторма «Витязь» мог спастись от волнения в укромной бухте у восточной границы совхоза и, проскочив опасный берег Восточной тундры, достигнуть бухты Баранова без риска кораблекрушения.

— Поедем добывать карту Синего хребта?

Пинэтаун словно ждал этого вопроса и молча зашагал к вельботу.

С радостью покидаем негостеприимный берег. Зазубренные скалы плывут над угрюмой хижиной Питерса. Опустевшее гнездо американского пирата скрывается за кручей каменного завала.

Глава 6. В БУХТУ БАРАНОВА!

Из тумана выступают знакомые очертания львиной головы сфинкса. Вельбот приближается к воротам из скал. Бросаем весла и с удивлением смотрим на взбитые хлопья несущейся пены.

Что случилось с морским течением?

Вчера струя течения тащила вельбот к бухте. Теперь, повернув вспять, оно стремится в обратном направлении. Слабый северный ветер дует с моря, и я не нахожу объяснения удивительной перемене. Течение стало попутным. Куда теперь катится бешеный его поток?

Не хотим отступать перед опасностью и, ударив веслами, вгоняем вельбот в живую струю. Мимолетным видением проносится каменная голова утеса. Течение стремительно тащит вельбот вдоль отвесных скал острова. Мелькает знакомая надпись на скалах. Туман рассеивается, открывая синее море с гребешками пены и ясное небо без единого облачка.

Вдали показывается крутой мыс острова с черным крестом на вершине. Накануне у подножия этого мыса течение чуть не бросило вельбот на камни.

Кипучая струя, с шумом разбивая волны, набегающие с моря, изгибается крутой петлей, обходит Поворотный мыс и втягивает вельбот в горло широкой Походской протоки. Течение завладело «Витязем» и несет к Дальнему острову, загроможденному штабелями плавника.

Слишком поздно мы замечаем опасность. Бросившись к мачте, Пинэтаун поднимает паруса, но это лишь ускоряет стремительный бег «Витязя». Наваливаясь на румпель, не могу вырвать вельбот из сильной струи бегущей воды.

Впереди появляется длинный вал плавника. Вчера, когда мы плыли вдоль этого вала, южный ветер, согнав воду, обнажил перед нами тяжелые бревна, покрытые

скользкой тиной. Они торчали, словно тараны, но причинить вреда не могли: вчера течения здесь не было.

Теперь между этими стволами вельбот будет смят и разбит в щепы. Поспешно спустив паруса и положив мачту, хватаемся за шесты, ожидая столкновения с деревянным барьером.

Восточно-Сибирское море — самое мелководное из всех полярных морей, и движения воды здесь возникают нередко по воле ветра. Северный ветер пригонял морскую воду, и в широкой внутренней протоке Колымской дельты возникало сильное течение, загромождавшее Дальний остров плавником. Во время южного ветра вода уходила в море, течение у Каменного острова устремлялось обратно — к бухте с хужиной Питерса.

Вельбот мчится вдоль затопленных штабелей плавника. Проворно работая шестами, отталкиваемся от скользких, мокрых бревен. Над головой проносятся стропила, покрытые зеленой тиной. Порой они свисают так низко, что мы бросаемся на дно вельбота. Иногда вельбот, ударяясь килем о затопленные стволы, выскакивает из воды, точно дельфин в море.

Руки покрываются ссадинами и синяками. Лоб у Пинэтауна рассечен, и струйка алой крови сбегает по лицу. Одежда намокает. Шесты обламываются. Пускаем в дело прочные доски выдвижных скамеек «Витязя», но, к счастью, вал плавника внезапно оканчивается. Течение замедляется. Мгновенно ставим мачту и, взвив паруса, мчимся на освобожденном «Витязе» быстрее птицы. Вскоре появляется устье Глухой виски, где на песчаной отмели чернеют головы вчерашнего обеденного бивуака.

«Витязь» входит в протоку и с косым ветром устремляется к лагерю пастухов, который мы оставили два дня назад.

Через час на берегу виски появляются олени. Их пугают паруса «Витязя», летящие над тундрой. Причалив вельбот, выскакиваем на торфяные бугры.

Повсюду на плоской равнине острова рассыпались группы оленей. С большим интересом оглядываю в бинокль распушенный трехтысячный табун. В континентальной тундре, где нет естественных преград, такой роспуск стада означал бы тысячные потери.

На острове Седова олени, окруженные широкими

водными преградами, не разбегутся. Комаров здесь почти нет, и животные мирно пасутся на тучных пастбищах, выбирая самые питательные растения. Пастухи не тревожат табун постоянными сборами, отвлекающими табун от спокойного выпаса. Надобность в движении скученного стада по маршруту отпала.

Долго стоим с Пинэтауном, любуясь спокойно разгуливающими оленями. На острове рождалась совершенная система вольного островного выпаса, избавлявшая табун от губительной эпидемии.

У Морской протоки вельбот встречают пастухи. С большим оживлением островитяне рассказывают свои новости. Вольный выпас табуна освободил пастухов. Они устроили большую охоту на гусей и организовали в узких, но глубоких внутренних протоках острова рыболовный промысел, надолго обеспечив бригаду продовольствием.

Пастухи были уверены, что осенью переправят на берег Восточной тундры оленей необычайной упитанности и получают переходящее красное знамя.

Теперь мы с Пинэтауном можем спокойно пуститься в опасный рейс в бухту Баранова на поиски Нанги и карты оленьих пастбищ Омолона.

На седьмой день после возвращения с Дальнего острова, рано утром, нас поднимают протяжные пароходные гудки. Выскакиваем из палаток. Посередине Морской протоки, почти не двигаясь, дымит морской буксирный пароход. На стальном тросе он сдерживает караван груженных барж. С мостика машут флагом, и заунывные гудки несутся над притихшей рекой, отзываясь в береговых скалах Восточной тундры.

— Людей зовет! — кричит Ромул, указывая на мелькающий флаг.

Буксир идет из Амбарчика. Что случилось у них?

Сбегаем к вельботу, пастухи втаскивают якорь и налегают на весла. Причаливаем к борту парохода.

— В чем дело, товарищи?!

— Привет парусникам... — Краснощекий бородач в капитанской фуражке и морском кителе помахивает с мостика конвертом. — Письмо вам от начальника порта.

Пинэтаун принимает чалку. Взираюсь на палубу, поднимаюсь по трапу на мостик. В чистом стекле рубки вижу свое отражение. Ну и ухарь: лётный шлем сдвинут на затылок, загорелое, обветренное лицо в курчавой

бороде, истертая штормовка раздувается пузырем, широкие, как у крючника, штаны заправлены в болотные сапоги с отвернутыми голенищами.

— Капитан Бриг... Рад познакомиться. Должен огорчить вас, неприятное известие—эпидемия в стаде совхоза.

Беру письмо, не терпится распечатать конверт, но задерживать караван больше нельзя, баржи сносит на скрытую под водой отмель.

— Благодарю, капитан...

— Бриг, — подсказывает, добродушно улыбаясь, бородач.

Краснощекий, он похож больше на Деда Мороза. Крепко жму сильную руку моряка. Распростившись с любезным капитаном, сбегая по трапу и прыгаю в отваливающийся вельбот. Поднимаю паруса. «Витязь» быстро идет к берегу.

Письмо написал Костя — ветеринарный врач совхоза. Он сообщал, что в пограничном стаде Восточной тундры началась эпидемия копытки. Костя звал тотчас приехать в Амбарчик.

Неспокойно стало у меня на душе. Наши подписи красуются на бланках новых маршрутов, и мы с Костей головой отвечаем за оленей. Что произошло в прибрежной тундре у восточной границы совхоза? Почему там вспыхнула эпидемия?

Не нахожу себе места и, посоветовавшись с Ромулом, решаю не упускать попутного ветра, плыть в Амбарчик немедленно. А дальше, смотря по обстоятельствам, может быть, и в бухту Баранова.

Пастухи с тревогой провожают нас в плавание. Ромул хорошо знает берег Восточной тундры от устья Колымы до границы оленеводческого совхоза. В моем дневнике он с поразительной точностью рисует береговую линию.

— Хорошенько стереги ветер — совсем крутой берег, как стены... — напутствует он.

В распоряжении у меня и карта Питерса. Ее составляли опытные контрабандисты: отмечены все бухты, приметные мысы, опасные мели и рифы. В плавание уходим вдвоем с Пинэтауном.

Прощаясь, Ромул крепко жмет руку. Мы расстаемся с бригадиром друзьями.

Остров Седова и пастушеский лагерь на берегу остаются далеко за кормой. Долго еще алеет красный флаг

над палаткой Ромула и виднеются черноватые фигурки людей у воды. Наконец и они скрываются в дымке.

Позади, у Дальнего мыса, маячит заимка Шалаурова. Столбики дыма поднимаются над крышами домиков. Это самый северный поселок на Колыме. Там живут рыбаки Колымского рыбзавода.

Зимой они бурили ледяную грудь замерзшей Колымы и опускали под лед ставные сети. Уже началась летняя путина: валом идет колымская сельдь — пикша, муксун и нельма. В устье Колымы, где плывет сейчас «Витязь», нередко ловится омуль. Рыба эта так жирна, что жарится без масла, в собственном жиру.

В бинокль рассматриваю уплывающий поселок. Увидим ли мы его опять? На якоре там стоит, чуть дымя, пароход рыбзавода; он ожидает погрузки рефрижераторных барж, пришвартованных у берега.

Рассказываю Пинэтауну о заимке Шалаурова. Юноша очень любит рассказы об истории своего края.

Полуразрушенные хибары этой старинной заимки приютились рядом с новенькими домиками рыбаков. В 1761 году на этом месте зимовал с командой своего бота русский промышленник Николай Шалауров, искавший морской путь в Индию. Вместе с Иваном Баховым он построил на Лене небольшое судно, оснастил парусами, прошел морем к устью Колымы и здесь зазимовал. Летом Шалауров миновал Чаячий мыс и поплыл на восток. У мыса Шелагского, за Чаунской губой, путь парусному боту преградили тяжелые льды. Пришлось вернуться на Колыму. После вторичной зимовки Шалауров снова пустился в плавание. Но льды по-прежнему закрывали море.

Вернувшись в Москву с докладом о своих плаваниях, Николай Шалауров решил опять пробиваться сквозь льды. Три года спустя, благополучно достигнув устья Колымы, он снова миновал Чаячий мыс и... пропал. С тех пор о нем не было достоверных известий...

— Чаячий мыс, смотри...

Действительно, «Витязь», минуя темный скалистый мыс, вышел в море и поравнялся с группой мрачных скал. Словно столбы разрушенных ворот, поднимаются они из глубин океана. Ленивые волны, разбиваясь у подножия, обдают их брызгами и пеной.

Триста лет служили эти скалы маяком отважным

русским мореходам. Что готовит нам студеное море за этими скалами?

Широкий пролив отделяет утесы от Чаячьего мыса. На карте Питерса одинокие скалы отмечены полустертой английской надписью. Перевожу ее Пинэтауну: «Зуб кашалота» брошен на камни 25 сентября 1903 года...» Питерс вогнал шхуну в узкую щель между утесами, и волны доконали ее.

Чаячий мыс остается позади, вельбот очутился в море. Океанские волны плавно поднимают вельбот перед неприступной стеной бесконечного берега. Только теперь понимаю, что риск нашего морского путешествия слишком велик.

Пинэтаун следит за кучевыми облаками, плывущими на горизонте, с тревогой оглядываясь на пену прибоя у подножия крутых береговых скал.

Что предвещают облака: шторм или ясную погоду?

Впереди, за высоким мысом, ширится голубой залив. Выходим на траверс мыса Столбового. Перед нами разворачивается широкая панорама порта Амбарчик. На рейде дымят морские пароходы. У причалов толпятся пароходы поменьше, баржи, катера и шхуны.

— Уф... вот он — порт Амбарчик...

Юноша с любопытством оглядывает просторную бухту. Он не был в порту и не видал еще океанских кораблей.

На берегу, там, где ютился когда-то одинокий амбарчик экспедиции Седова, высятся портовые склады и магазины, громоздятся пирамиды каменного угля и штабеля пиленого леса. На склонах холмистой тундры белеют домики полярного поселка. По улицам проползают тракторы — они тащат на буксире платформы с грузом. Суровый ландшафт соседней приморской тундры украшают ажурные вышки ветродвигателей и высокие мачты радиостанции полярной зимовки.

В порту караваны торговых судов, совершающих сквозные рейсы в Архангельск и Владивосток, выгружают продовольствие, технику, принимают тюки с драгоценной колымской пушниной. Продовольствие и машины тотчас уходят на баржах с речными пароходами вверх по Колыме в Зырянку и Середникан — на опорные базы Дальнего таежного строительства.

Сбылась вековая мечта: превратив Северный морской путь в дорогу торговых караванов, славные потом-

ки российских мореходов прорубили окно из полярной Сибири на Дальний Восток, проложили кратчайший путь из Европы в Индию.

Картина мирной портовой жизни на берегах Восточной тундры вернула нам бодрость. Решаю не заходить в порт и, не теряя времени, плыть дальше, к восточной границе совхоза, где вспыхнула эпидемия копытки. Бухточка в скалах отмечена на карте Питерса в шестидесяти километрах восточнее залива Амбарчик.

Час спустя за крутым Медвежьим мысом скрываются последние дымки пароходов. Подгоняемый морским ветром, вельбот быстро идет вдоль каменного берега Восточной тундры. Шумят волны, разбиваясь о скалы.

Ну и стены... в шторм здесь не выкарабкаться на берег. На высоких каменных столбах, нахохлившись, сидят оперившиеся птенцы полярных ястребов. Над ними пронесется поморники, хищно оглядывая скалы. Но поживиться здесь нечем: молодые ястребки окрепли и могут дать отпор летучим пиратам, а чайки с птенцами не гнездятся на этих скалах, открытых для прямого удара северных ветров.

Из воды то и дело показываются головы нерп. Тюлени без страха любопытной толпой сопровождают вельбот. Воды Колымы, вливаясь в море, отклоняются на восток могучей силой вращения Земли, опресняя морскую воду и обогревая побережье Восточной тундры. Морские льды тут быстро тают и разрушаются; косяки мелкой рыбы держатся все лето, привлекая нерп.

К полудню северный ветер усиливается. Чугунные удары волн, сотрясая береговые скалы, пугают нас. Направляю вельбот в море, подальше от губительных утесов. Начинается качка. Парусов не убавляем, и свежий ветер гонит «Витязя» с необыкновенной быстротой.

Далеко-далеко на северном горизонте клубятся белые как снег облака. Бухта, отмеченная на карте Питерса, скрывается в скалах где-то совсем близко. С надеждой оглядывая угрюмые утесы, ищем спасительное пристанище. Наконец Пинэтаун указывает вход в бухту. Острота его зрения поразительна. Постоянная охота, широкие просторы и обилие рассеянного света полярной тундры обострили зрение молодого пастуха.

Высокий берег прерывается узкой и глубокой речной долиной. Вход в бухту скрывает гряда коричневых скал,

обрушенных в море. Поворачиваю руль, Пинэтаун убирает грот-парус, и «Витязь» послушно проскальзывает в крошечную бухту среди высоких скал.

Волнения и ветра здесь почти нет, и мы пристаем к галечной отмели близ устья небольшого, но быстрого потока. Вдали грохочет прибой. На берегу шипит галька, перекатываясь в набегающей волне.

Хорошо ходить по твердой земле!

Мы совершили длинный скачок и почти достигли заветной цели. Мыс Баранова находится всего в тридцати километрах восточнее крошечной гавани, приютившей «Витязя». Это расстояние даже при малом ветре вельбот покроет за два часа.

Забираем рюкзаки, ружья и отправляемся искать оленье стадо. Пограничный табун пасется где-то близко в горной тундре.

Поднимаемся на голые каменистые вершины, разглядывая в бинокль глубокие зеленые долины, пересекающие плато. В одной из таких долин, почти у самого моря, находим табун и яранги пастушеского стана.

Наше появление обрадовало бригадира. Накануне Костя уехал на верховых оленях встречать меня в Амбарчик, и никто не ждал быстрого возвращения ветеринарного врача. Лекарства не помогали — каждый день приходилось забивать гибнущих оленей.

Удивляет необычная форма нагрянувшей эпидемии: она косит лишь молодых оленей. Опухоль появляется не у копыта, как обычно, а на суставах передних ног.

Почему микробы, минуя узел кровеносных сосудов у копыта, проникают в верхний сустав?

Пастухи окружают столик с микроскопом. Рассматривая микробов в пораженной ткани, бригадир вдруг спрашивает:

— Как будешь спасать табун, а?

Не знаю, что ответить. Оленей губит никому не известная форма копытки. Маршруты тут не помогут.

Ночью просыпаюсь в палатке от пронизывающего холода. Набросив ватник, выхожу наружу. Ночи еще светлые, и в синем небе едва мерцают самые крупные звезды. Притихший табун около пастушеского стана тонет в сизом тумане. Вероятно, холодный воздух скапливается на дне горной долины, как в ванне.

И тут приходит на ум интересная мысль. Вытаски-

ваю из рюкзака футляры с термометрами и тормошу Пинэтауна.

Юноша испуганно высовывается из спального мешка, не понимая, что случилось.

— Скорее одевайся, температуру мерить пойдем!

— Куда?

— На сопку..

— На сопку?! — удивляется Пинэтаун.

В походах я не расстаюсь с метеорологическими приборами, веду наблюдения за погодой и даже пишу дневник. Пинэтаун знает об этом и охотно помогает вести наблюдения. Но зачем понадобилось мерить температуру на сопке ночью, он не понимает.

Растолковываю сонному Пинэтауну, что надо делать. У нас два праш-термометра, и нужно измерить температуру воздуха на дне долины, на склоне сопки и на плоскогорье. Часа два не спим — носимся как одержимые с праш-термометрами.

В полдень повторяем опыт. Поднимаюсь на плато и принимаюсь крутить праш-термометр, привязанный на шнурке. На дне долины у стойбища Пинэтаун крутит второй термометр; вокруг на корточках расположились пастухи ночной смены. Покуривая, они с любопытством ожидают дальнейших событий.

Записав температуру воздуха, мы что есть духу бежим навстречу друг другу. Пинэтаун останавливается на подошве, я на склоне сопки. И снова крутятся термометры, сверкая никелированной оправой.

Результаты опыта поражают. Ночью на дне долины, где скапливается холодный воздух, термометр показал минус один градус, на подошве сопки, едва приподнятой над долиной, было теплее — плюс пять градусов, а на плато, откуда весь холодный воздух стекал в долину, было совсем тепло — плюс двенадцать градусов.

В полдень на дне долины воздух нагрелся до тридцати градусов; на плато, где гулял ветерок, температура почти не изменилась, и ртуть не поднималась выше восемнадцати.

Так вот в чем дело...

Ночью пастухи держали табун у стойбища в «холодном погребке» — на дне долины. Днем стадо паслось тут же, и животные перегревались на солнце. Более слабые, молодые олени, испытывая скачки температуры в тридцать

градусов, заболели ревматизмом и микробы копытки приживались в ослабевшей ткани воспаленных суставов.

Мы вывели табун из опасной зоны холодных приморских туманов. Ночью и в жаркое время дня пастухи держали оленей на плато, где суточная температура почти не изменялась. Эпидемия сразу же прекратилась.

Пинэтаун на лучшем верховом олене отвез в соседний табун письмо для Кости и тотчас вернулся. Уже неделю кочуем с табуном, поджидая ветеринара. Куда он запропастился?

Близится время осенних штормов. Нам нельзя больше терять ни минуты. Ничто пока не предвещает шторма, и можно рискнуть плыть на вельботе дальше, в бухту Баранова...

Глава 7. ЗАПАДНЯ

Маленькая гавань, где ждет нас «Витязь», совсем близко. Пинэтаун ушел вперед.

Склонившись над ботанической папкой, расправляю нежные лепестки собранных растений и осторожно укладываю их в гербарные листы.

Меня поражает необычайный состав растительности горной Восточной тундры. Среди тундровых лишайников постоянно встречаются растения северной тайги: глянцеви́тые листочки брусники, стебельки горных лесных хвощей, пушистые подушки альпийской лишайницы...

Раскатистый выстрел прерывает ботанические занятия. Вскликаю и оглядываюсь. На противоположном склоне сопки вижу Пинэтауна. Он целится из ружья в мохнатого черного медведя. Раненый зверь идет к нему на задних лапах.

Бросив ботаническую папку, хватаю карабин и мчусь на выручку. Гремит второй выстрел, и медведь, опустившись на осыпь, глухо ревет. Третьим выстрелом юноша укладывает медведя.

Стрелял он из простого охотничьего ружья, подкравшись к медведю вплотную. Случайная осечка могла привести к несчастью.

— Зачем стрелял слабым ружьем? — напускаю на приятеля.

Опасности путешествия скрепили нашу дружбу, и Пинэтаун стал мне особенно дорог.

— Вредный зверь — олень пришел в тундру лавить, — простодушно отвечает молодой пастух.

Перед нами на плитах песчаника лежит зверь редкой величины. Весом медведь не менее трехсот килограммов. Темная шуба из густого меха отливает блеском.

Дальний заход лесных зверей в тундру отмечают многие исследователи Крайнего Севера. Эти заходы не случайны и связаны с потеплением Арктики.

Сняв редкую по величине шкуру бурого медведя для зоологической коллекции, разделяваем медвежью тушу и по частям перетаскиваем на вельбот, заполняя все трюмы свежим мясом.

Охота отвлекла нас, и теперь нужно наверстывать упущенное время. Вытаскиваем якорь, поднимаем паруса. «Витязь» выходит в беспокойное море и быстро идет вдоль берега.

Море потемнело и стало свинцовым. Облака над горизонтом сходятся в плотную белую тучу. Закрывая полнеба, туча подбирается к солнцу. С севера веет ледяным холодом. Но стрелка барометра показывает ясную погоду. Шторма не предвидится.

Не имея опыта полярных плаваний, мы не видим признаков надвигающейся опасности, более грозной, чем самый свирепый океанский шторм.

Холод усиливается с каждой минутой, приходится надевать ватные куртки. В море показываются одинокие льдины. Грязновато-серыми глыбами качаются они в потемневшем беспокойном океане. Нужно спешить. Пинэтаун растягивает грот-парус до предела. И вельбот, круто свалившись на борт, мчится вперед.

Льдины, надвигаясь с севера густыми рядами, теснят вельбот все ближе и ближе к отвесной стене берега. У подножия этой стены бурлит прибой, и высадка на берег невозможна.

Впереди поднимается мыс Баранова. Глубоко вдаваясь в море, он образует широкий скалистый залив. Лагуна, где мы хотим высадиться, находится за мысом, но достигнуть ее мы не успеваем.

Северный ветер несет к подножию утесов торосистое ледяное поле. Надвигаясь, ледяной щит медленно закрывает путь перед носом «Витязя».

Край ледяного поля сталкивается с каменной грудью утесов. Изломанные льдины громоздятся друг на друга

и рушатся, образуя у подножия скал зазубренный ледяной хребет. Ветер приносит глухие, раскатистые звуки трескающегося льда. За кормой «Витязя» льдины уже закрывают обратный путь.

Мышеловка захлопнулась! «Витязь» очутился в закрытом заливе между неприступными скалами берега и льдинами, наступающими с моря.

Пинэтаун спускает паруса. Вельбот тяжело переваливается на волне в свободной еще ото льда части залива. Солнце скрывается за белыми тучами. Пасмурные облака ползут над белым океаном. Льды надвигаются неумолимо. Среди них плывут, покачиваясь, стамухи — высокие ледяные глыбы, похожие на айсберги.

Полынья с каждой минутой уменьшается. Льды постепенно прижимают вельбот к подножию береговых скал, где ждет нас морская могила. Мокрые стены береговых утесов совсем близко. В узких проходах среди льдин чернеют разводья. Льды глушат волнение, и вода, покрываясь пеной, бурлит в узких каналах.

Пинэтаун бледен, но спокоен. Сохранить «Витязь» невозможно, приходится думать о собственном спасении. Вгоняем вельбот между льдинами и, налегая на весла, углубляемся в ледяной лабиринт навстречу опасности, уходя от гибельных утесов берега.

Ветер приносит с моря туман, и береговые скалы окутывает белый саван. Вельбот пробирается меж высоких льдин, скрывающих его порой до кончика мачты.

Впереди, в тумане, слышится рев. Тревожные звуки раздаются громче и громче. Из тумана выдвигается край ледяного поля. На льду, тесно прижавшись друг к другу громадными тушами, лежат моржи. Поднимаясь на коротких лапах, моржи поворачивают клыкастые морды в нашу сторону и, принюхиваясь, хрипло стонут.

Многие из них не менее четырех метров длины. Белые клыки свешиваются из-под мясистых вздутых губ. По обеим сторонам морщинистой морды торчат длинные редкие щетины усов.

Разводья близ ледяного поля становятся шире. Моржи, переступая лапами, выползают на край льдины и бухаются в воду, поднимая высокие фонтаны брызг. Высовываясь из воды, они с любопытством разглядывают вельбот маленькими блестящими глазками.

Напор льдов усиливается. Моржи исчезают под водой.

Разводя сужаются, и грести становится невозможно. Нужно поставить вельбот позади большого ледяного поля и воспользоваться им как буфером при столкновении льда с береговыми утесами. Поспешно отталкиваясь шестью, мы обходим ледяное поле. Узкий канал каждую минуту может закрыться и раздавить вельбот.

Мелкие льдины ударяются о борта «Витязя». Невольно приходит на ум выразительная фраза из рапорта Дмитрия Лаптева о плавании у мыса Баранова: «Прояходя же густые льды, часто боком об оные стучались и в страхе были, что проломит от сих ударов». Эти слова навязчиво лезут в голову.

Мощное сжатие вздыбило ледяное поле. Разводя с треском захлопываются, дробя на тысячи кусков мелкие льдины. Тяжелые льды с оглушительным скрежетом лезут друг на друга, нагромождаясь торосами.

Взмахнув последний раз шестью, вгоняем вельбот в щель между ледяным полем и плоской льдиной, едва возвышающейся над водой. Льдина упирается в борт «Витязя». Дубовые доски обшивки прогибаются, шпангоуты трещат. Бросив шести, выпрыгиваем на высокий край ледяного поля.

«Витязь» медленно приподнимается, кренится и, выскользнув вдруг на льдину, валится на выпуклый борт. Высокий киль вельбота, окованный медью, глубоко врежется в голубоватый лед. Яйцевидная форма корпуса спасает вельбот от гибели.

Напор льда продолжается недолго. Ледяное поле вздрагивает, трескается надвое и застывает. Вид моря изменяется неузнаваемо. Еще недавно было лето, теперь наступила арктическая зима: сплошной торосистый лед закрывает воду, в тумане изломанные стены торосов поднимаются таинственными снежными хребтами, а «Витязь» кажется кораблем, затертым льдами.

Холодно. Изрубив одну из банок вельбота, разводим костер под кормой «Витязя» и кипятим чай. Огонь костра и согревающий напиток вернули нас к жизни. Теперь можно и пешком пробраться по ледяным полям к мысу Баранова.

— Пойдем на берег? — спрашиваю Пинэтауна.

— Нельзя бросать вельбот — пропадет корабль, — отвечает юноша.

Пинэтаун прав: случись малейшая подвижка льдов,

и разводья преградят обратный путь к вельботу. Оставлять «Витязь» на произвол судьбы нельзя.

Долгую, бесконечную ночь провели мы на ледяном поле у вельбота, ожидая нового сжатия. Северный ветер стих, льды не двигаются, и плотный туман окутывает море.

Утром туман рассеивается, и перед нами открывается величественное зрелище. Прозрачный воздух рябит, как в знойный летний день. Горизонт словно раздвигается. Изображения льдов высоко повисают над морем; изменяясь, они принимают вид то ледяных замков, то голубоватых глетчеров или огромных искрящихся гор. Темные разводья среди льда кажутся островами, а мыс Баранова — высокой скалистой вершиной.

Мы наблюдаем арктический мираж редкой красоты. Миражи появляются в полярных странах в безветренную ясную погоду при неодинаковой температуре и плотности слоев воздуха. Лучи света, преломляясь в неоднородных слоях атмосферы, высоко поднимают и причудливо изменяют изображения предметов.

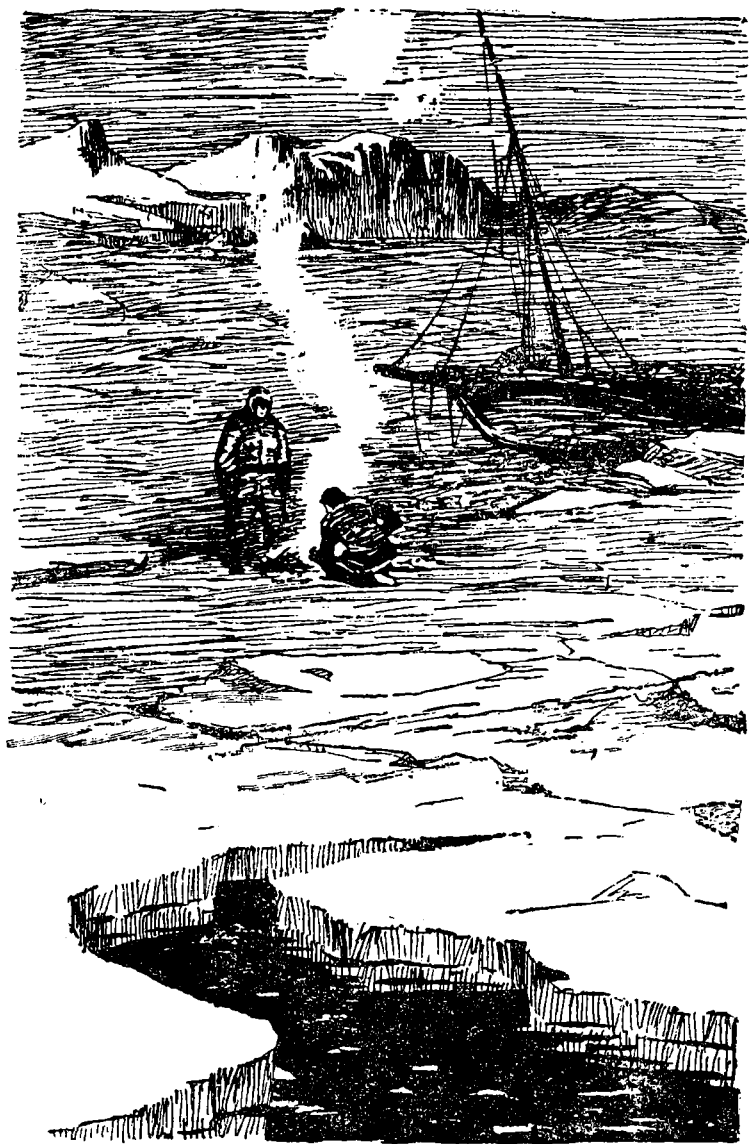
По-видимому, теплый воздух тундры надвигается с юга и теснит холодную атмосферу Ледовитого океана. Нагретый воздух проникает в слои холодной атмосферы, и над морем образуется «слоеный пирог» из воздушных масс неодинаковой температуры и плотности. Можно было ожидать южного ветра и очередной подвижки льдов.

Несколько часов играл перед нами мираж воздушными призраками. К полудню с берега действительно пошел южный ветер. Разница в температуре и плотности воздушных слоев сгладилась. Мираж исчез.

Между льдинами появляются широкие черные разводья. Путь к мысу Баранова очищается ото льда, но сдвинуть тяжелый вельбот с ледяного поля в воду вдвоем, без лебедки, невозможно. «Витязь» лежит на льдине, точно рыбацкий бот на отмели после отлива. Южный ветер усиливается, и льдину относит в океан. Берег постепенно скрывается в туманном отдалении.

Бесконечной вереницей сопровождают нас ледяные глыбы и айсберги. Разгрузив трюмы «Витязя» и действуя рычагами, мы все же не можем пошевелить вельбот, сделанный из тяжелых дубовых досок.

Если нам не посчастливится встретить судно, мы станем печными пленниками арктической пустыни. У крошки тяжелых льдов действуют постоянные полярные

«Дитязь» кажется кораблем, затертым льдами.

течения, и неуправляемая льдина с «Витязем» будет вовлечена в дрейф к центру полярного бассейна.

Ширина прибрежной полыньи, по которой плывет наша льдина, летом при южных ветрах значительно увеличивается. Далее начинаются тяжелые льды Арктики...

Происхождение прибрежной полыньи связано с отопляющим действием вод Колымы и нагретого летнего воздуха континентальной тундры. Издавна этой полыньей пользовались русские полярные мореходы в плаваниях восточнее устья Колымы. Впервые воспользовался ею в 1646 году русский промышленник из Мезени Исай Игнатий. Он сообщил в своей челобитной, что при выходе в море из устья Колымы «усмотрел место между льдинами и матерой землей, коим шли двое суток» до Чаунской губы. Этим путем ходили на восток Михаил Стадухин, казак Баранов, Семен Дежнев, Дмитрий Лаптев, Николай Шалауров.

Советские моряки хорошо изучили эту дорогу в сквозных рейсах с караванами торговых судов по Северному морскому пути...

Встретим ли мы корабль?

Два часа потратили мы на медвежью охоту и разделку убитого зверя, но сколько бед принесла эта непозволительная проволочка!

Нужно немедленно что-то предпринять. Но что толкового можно придумать в нашем положении?

Льдина метров двести длиной, и управлять ее движением нечего и думать.

Расстелив медвежью шкуру, мы устраиваемся с Пинэтауном у кормы «Витязя», уныло пережевывая сухие галеты. Берег тундры окончательно скрывается на горизонте. Льдина быстро дрейфует на север.

Невольно думаю о Нанге. Как решился Чандара плыть с девушкой на маленькой лодке вдоль опасных берегов Восточной тундры? Хрупкий челн могли опрокинуть волны или раздавить морские льды. Неужели Нанга погибла вместе с безумным стариком?

Пинэтаун, опустив голову, задумчиво перебирает ремешки на поясе; обветренное лицо его спокойно. Не хочу огорчать юношу невеселыми мыслями.

Неожиданно молодой пастух вскакивает и, хлопая себя кулаком по лбу с необычайным ожесточением, приговаривает:

— Тарбаганы, ленивые тарбаганы! Лед рубить, лед рубить надо!..

Мысль Пинэтауна оказывается удивительно простой. Вельбот лежит на льдине боком к воде. Поспешно вытащив топоры, принимаемся вырубать широкий ледяной скат. Долго приходится трудиться над ледяным спуском. Теперь киль вельбота держится лишь на двух ледяных выступках.

Последние упоры срублены!

Вельбот качнулся и, скрипя медью окованного кия, покатился с ледяной горы. Бухнувшись в море и зачерпнув воды, «Витязь» заплесал на волнах около льдины. Вычерпываем воду, грузим снаряжение, с радостью поднимаем паруса и галсами идем против ветра на юг, к невидимому берегу.

Вдали снова появляются темные скалы мыса Баранова и длинная полоса прибоя у высокого берега Восточной тундры. Вскоре вельбот минует песчаную стрелку и входит в просторную лагуну у перешейка мыса Баранова.

Граница совхоза осталась далеко на западе. Мы вступаем на берега Чукотского национального округа.

Глава 8. РАКУШЕЧИЙ ХОЛМ

Глухо, пустынно, безлюдно на берегу бухты Баранова. Песчаные дюны заросли вейником. Среди высоких стеблей отпечатались следы зайцев. Дюны отмечают древнюю береговую линию отступившего моря. Песчаная стрелка обмелевшей бухты свидетельствует о том, что море продолжает отступать и в наше время.

Признаки осушения повсеместны на берегах Северного Ледовитого океана. Полярное побережье Чукотки изрезывают бесчисленные лагуны, и многие из них уже отделились от моря песчаными косами.

Прибрежная тундра у мыса Баранова принадлежит крупному оленеводческому колхозу «Турваургин», но его стада редко выходят к далекому каменистому мысу, и надеяться на встречу с оленеводами не приходится.

Пинэтаун внимательно осматривает песчаный пляж. Он ищет лодку старика. Но лодки нигде нет. Лишь за береговыми дюнами приютилась ветхая хижина, сложенная из плавника. Плоская крыша ее провалилась. В песке валяются ржавые банки из-под американских консер-

вов, изломанные канадские капканы и позеленевшие патронные гильзы. Здесь когда-то зимовали американские контрабандисты.

В этой хижине Питерс убил шкипера Снайерса, застрелил матроса Картрайта и, по-видимому, год спустя встретил русского промышленника Василия Беляева, умиравшего от цинги.

Знал ли Василий Беляев о ремесле Питерса? Может быть, американский пират погубил промышленника, присвоив его имя?

Прежде всего нужно обнаружить тайник контрабандистов и раздобыть карту старого оленевода. Захватив с вельбота компас, бинокль и вооружившись ружьями, отправляемся искать крест на могиле.

Одинокий деревянный крест стоит на кровле утесов высоко над морем, на краю обрыва. Выгоревший на солнце, обмытый дождями, он не имеет надписи.

Чьи кости тлеют в безымянной могиле? На юго-западе, там, где тундра спускается к перешейку полуострова Баранова, у ручья выстроились зеленые курганы — тринадцать круглых холмов, похожих на булгуны.

«...крест на могиле... компас на правый конец... пеленг зюйд-вест 35°...» — писал Питерс в своей исповеди. На кресте, у конца большой перекладки, темнеет глубокая зарубка. Компасом на вельботе служит буссоль с подвижной картушкой градусного диска и прицельными рамками визиров. Ставлю буссоль на зарубку у правого конца крестовины, разворачиваю рамки визиров под курсом зюйд-вест 35° и, сдерживая волнение, прикидаю к прицелам.

Тонкая нить визира пересекает пятый, самый большой курган. Там зарыт контрабандный груз американской шхуны и спрятана карта Омолона, разрисованная старым кочевником. Не хотим откладывать раскопок. Пинэтаун уходит к вельботу за лопатами и кирками. Вскинув ружье, я отправляюсь на разведку.

Холмы тесной группой сошлись на древней сухой террасе тундрового ручья.

Вершина пятого кургана проваливается кратерообразным углублением. Такие же углубления виднеются на соседних курганах. Удивляет необычайная растительность на холмах.

Вейником и пыреем обросли холмы с подножия до

вершины. Травы разрослись так буйно и густо, точно под ними лежит пласт чернозема. Все тринадцать холмов ярко зеленеют на пестром ковре лишайниковой тундры.

Растительность обычных булгуньяхов мало отличается от растительности окружающей тундры. Только раскопки могли объяснить странное обилие растительности.

С вершины кургана хорошо видна горная тундра. Мягкие ее увалы соединяются далеко на юге с цепью высоких голых сопок. Сильный морской бинокль приближает сопки. На вершинах чернеют кекуры — причудливые столбы горных пород, уцелевших от разрушения. Глубокие долины синеют между сопками.

Может быть, там скрывается стойбище Нанги? Медленно вожу биноклем, пытаюсь разглядеть дымы стойбища.

Вдруг над курганом проносится куропатка; за нею, настигая ее, мчится большой пестрый сокол. Мелькнули распластанные крылья, длинный хвост, мощная белая грудь и тупая голова хищной птицы. Давно я охотился за колымским кречетом, желая добыть шкурку редкого хищника.

Куропатка падает в кусты полярной березки и припадает грудкой к тундровым лишайникам. Сокол парит над куртиной редких кустарников, где притаилась куропатка. Он видит каждое перышко птицы и готовит последний, смертельный удар. И вдруг куропатка взмывает навстречу соколу. Часто-часто махая крыльями, она свечой взлетает все выше и выше над тундрой. Смелый взлет робкой птицы сбивает хищника с толку — он упускает мгновение для удара. Кречет плавно поднимается по спирали, подстерегая добычу.

Куропатка не может взлететь выше. Отчаянно затрепетав крыльями, она внезапно складывает их в узкий треугольник и кидается вниз. С изумлением наблюдаю редкий вертикальный полет испуганной птицы. Сокол круто и свирепо пикирует. Куропатка неуловимым движением крыльев изменяет свой полет, устремившись под защиту человека.

Сокол несется с неба, вытянувшись стрелой. Но он не успевает сбить куропатки — вскинув ружье, я стреляю. Хищник, перевернувшись и распустив простреленные крылья, падает на землю.

Появляется Пинэтаун; он несет лопаты и кирки. Передаю ему бинокль. Юноша долго рассматривает

далекие сопки, но признаков стойбища не видит. Вероятно, яранги скрыты в глубине гор.

— Давай копать, Пинэтаун...

Расчистив вершину кургана, принимаемся разгребать дно маленького кратера. Лопаты глубоко проваливаются в рыхлую, песчаную почву, переполненную морскими раковинами. Чем глубже становится яма, тем больше попадает раковин; отвесные земляные стенки показывают строение почвы.

Курган представляет собой гигантскую кучу песка и пустых разбитых раковин, уплотненную временем. Песок, обогащенный перегнившими остатками моллюсков, хорошо прогреваемый солнцем, стал плодородной почвой. Среди бесплодной тундры луговые травы разрастаются на холмах, получая в избытке питательные вещества. Ракушечьи холмы нельзя считать булгунычами.

Выкапываем глубокую траншею, но деревянного люка не обнаруживаем.

Может быть, тайник случайно открыли пастухи оленеводческого колхоза? Это предположение кажется маловероятным: чукчи обязательно сообщили бы о своей находке в райисполком.

Лопата Пинэтауна неожиданно звякает, ударяясь о твердую преграду. Поспешно разгребая землю. На дне ямы, среди разбитых раковин, лежит каменный топор, искусно выделанный из черного камня. Осторожно поднимаю орудие древнего человека.

— Айваны! — испуганно шепчет Пинэтаун, не решаясь коснуться бесценной находки.

Юноша рассказывает, что среди чукчей живет предание о племени айванов — диких морских зверобоев, некогда населявших полярное побережье Чукотки.

«Айванат» — по-чукотски означает «живущий на подветренной стороне». Поселки айванов располагались на мысах, выступающих в море, или на прибрежных островах — на берегах, обращенных к морю. Древние морские зверобои селились в местах, откуда хорошо было видно приближение морского зверя.

У эвенков и юкагиров Нижне-Ленской, Индигирской и Алазейской тундр сохранялись сказания о первобытных обитателях полярного побережья Якутии, питавшихся дарами моря.

Предания говорят о непримиримой вражде к при-

шельцам из лесотундры, о постоянных схватках и кровавых столкновениях чукчей, юкагиров и эвенков с приморскими зверобоями. Неизвестные обитатели побережья жили в землянках, не знали металла, пользовались каменными топорами и ножами, луками, копьями и стрелами с костяными и кремневыми наконечниками.

Но самым удивительным в этих сказаниях было одно обстоятельство, казавшееся невероятным. Старики юкагиры и эвенки Индигирской тундры рассказывали о встречах с последними потомками первобытных обитателей побережья. Выходило, что редкие встречи происходили лет пятьдесят назад в наиболее глухих и малодоступных районах полярной Якутии.

Жестокий древний обычай прежнего времени повелевал убивать недругов чужого племени, и встречи с одинокими скитальцами кончались обычно безжалостным уничтожением последних потомков многочисленного некогда народа.

Достоверность этих рассказов подтверждалась любопытными фактами. Старики оленеводы показывали Пинэтауну шрамы давних ран, нанесенных кремневыми наконечниками стрел, а также необычный способ снятия шкур с оленей, убитых последними потомками айванов. Главный разрез они делали не по брюху животного, как обычно, а вдоль спинного хребта убитого оленя. Это имело определенный смысл: множество отверстий от личинок кожного овода располагалось при этом на краях шкуры, а не в центральной ее части. Из таких шкур легче было сшить примитивную, но теплую меховую одежду.

Рассказ Пинэтауна поразил меня. Можно ли верить, что последние потомки человека каменного века жили и встречались в полярной Сибири в начале XX века?!

В якутском музее я видел фотокопии «челобитных», «расспросных речей», «сказок» и «отписок» сибирских казаков-землепроходцев. Эти любопытные документы были найдены в старинных делах Якутской приказной избы и Московского Сибирского приказа.

Документы, писанные славянской скорописью, открыли блестящую страницу мировой истории. Уже в первой половине XVII века многочисленные и хорошо организованные русские торгово-промышленные экспедиции за два десятилетия исследовали и освоили весь северо-восток Азии от Енисея до Анадыря.

Скупым красочным языком челобитных грамот сибирские землепроходцы повествовали о величайших географических открытиях, о природе открытых земель, о быте и расселении сибирских племен триста лет назад.

Русские землепроходцы застали юкагиров, чукчей и коряков с кремневыми и костяными орудиями — они почти не знали железа. Коряки — обитатели побережья Берингова и Охотского морей — жили в землянках, вырытых в кучах насыпанной земли и раковин.

Прямое отношение к рассказу Пинэтауна имела находка, сделанная в якутском архиве.

В полуистлевшей «отписи» енисейский казак Елисей Буза сообщал, что, собирая в 1638 году ясак на реке Чюндоне, близ Алазеи, он захватил в плен трех юкагирских князев. Пленники сообщили, что на реке Нероге, впадающей в море, обитают натты. Они «колют спицами» моржей и живут в «земляных юртах», а старшины их «носят в носу» светло-синие бусы.

Позднее из «расспросных речей» колымского «князя» Порочи выяснилось, что Нерога — это река Чаун, впадающая в море восточнее мыса Баранова, и что натты часто выходят в верховья реки Чюндона (Большого Анюя) выменивать оленей у юкагиров, а «временами-де с ними и дерутца».

Название приморского народа, обитавшего в устье Чауна, — натты, — упоминавшееся в «отписках» сибирских казаков, было искаженным чукотским словом «айванат». Документы землепроходцев свидетельствовали, что триста лет назад одинокие поселки айванов еще существовали на берегах Полярного океана.

До революции огромные пространства безлюдных тундр между дельтой Лены и устьем Колымы были исследованы и населены менее, чем дебри Центральной Африки. Неудивительно, что в этих малодоступных, обширных и незаселенных районах тундры, обильных дичью, рыбой и морским зверем, остались до начала XX века последние потомки айванов — коренных обитателей полярного побережья Северной Азии.

Продолжаем раскопки ракушечьего кургана: слой за слоем снимаем почву. Пинэтаун раскапывает в углу ямы куски полусгнивших стволов плавника с проухами, словно выгрызенными костяным зубом. Скрепляющие

ремни сгнили и рассыпаются в мелкий порошок. Это обрушенные стропила примитивной землянки.

Новая находка открывает перед нами печальную страницу прошлого.

Почерневшие древки копий торчат из земли. Постепенно разгребая почву, Пинэтаун обнажает коричневые, изъеденные временем человеческие кости. Обугленные, заостренные концы деревянных копий, обожженные для прочности, пронзив грудные клетки, глубоко зарываются в песок. Черепов найти не удалось. По-видимому, враги, убив людей копьями, с первобытной жестокостью отрубили им головы и унесли с собой.

Ракушечий холм в давние времена служил жилищем обитателям побережья у мыса Баранова. Очевидно, эти люди питались мясом морских животных и моллюсками. Створками раковин и землей они обсыпали свои жилища. Тринадцать ракушечьих холмов служат теперь могильными курганами погибшим жителям первобытного прибрежного поселка.

Мы увлекаемся археологическими раскопками и забываем о тайнике контрабандистов.

На уровне подошвы ракушечьего кургана раскапываем угли очага, черепки разбитой вдребезги глиняной посуды, большие кремневые ножи полулунной формы, два гарпуна и множество четырехгранных костяных наконечников стрел.

Так вот где скрывается разгадка тайны Медвежьих островов!

В минувшие смутные времена Северо-Восточная Сибирь являлась ареной жестокой борьбы народов и племен Северной Азии.

Семьсот лет назад предки якутов, скотоводы Прибайкалья, под натиском монгольских племен, объединенных Чингис-ханом, двинулись в бассейн Лены. На своем пути они встретили тунгусов — лесных охотников и звероловов. Тунгусы, в жестоких битвах отстаивая свои охотничьи угодья, отступили на Север.

Отступая, они теснили древних лесных жителей Северной Азии — предков юкагиров. Многочисленные племена древних юкагиров занимались речным рыболовством на берегах крупных рек: Лены, Яны, Индигирки и Колымы.

Тунгусы, лучше организованные, имея вьючных и

верховых оленей, оттеснили юкагиров в глубь тайги и в полярные тундры.

Достигнув тундры, юкагиры, а в низовьях Лены и тунгусы встретили смелое сопротивление айванов — древних приморских зверобоев полярной Якутии.

Люди своеобразной и самобытной культуры камня и кости не могли устоять в неравной борьбе с многочисленными и лучше вооруженными пришельцами с юга. Жители прибрежных поселков были истреблены. Уцелели лишь разрозненные группы и отдельные семьи, ушедшие в глухие труднодоступные районы побережья или переправившиеся на ближние острова Полярного океана.

На Медвежьих островах айваны жили, судя по сохранности построек, описанных сержантом Андреевым, еще лет триста назад.

Пинэтаун, с любопытством выслушав историю переселения народов Сибири, говорит, что и чукотские предания повествуют о переселениях айванов на острова Полярного океана. Из уст в уста передавалось на Чукотке сказание о плавающей Земле Тикиген, населенной бежавшими с континента айванами. Эта земля при сильных ветрах перемещалась в море.

Рассказ Пинэтауна кажется фантастичным. Вспоминая открытия советских полярников, объясняющие происхождение чукотского сказания.

В 1937 году ледокол «Садко» после безуспешных поисков Земли Санникова высадил на острова Генриетты первых зимовщиков. Однажды в ясный, солнечный день полярники увидели на севере неизвестную землю с двумя куполообразными вершинами.

Это поразило зимовщиков. Земля Санникова словно перелетела на двадцать географических градусов. Землю полярники наблюдали в течение месяца, затем она исчезла.

Два года спустя полярный летчик Черевичный и штурман Аккуратов обнаружили блуждающую землю севернее острова Генриетты. Это был громадный столовый айсберг с возвышенностями в виде двух горных вершин. Издали он казался настоящим островом.

Блуждающие ледяные острова длиной до тридцати пяти километров были обнаружены летчиками нашей полярной авиации севернее островов Врангеля и Северной Земли, на Севере от Ново-Сибирских и Медвежьих островов.

Возраст некоторых ледяных островов исчисляется тысячелетиями. Они дрейфуют по замкнутым маршрутам. Рождаются эти гигантские айсберги ледниками Гренландии и арктических островов Северной Америки, нередко полями материкового льда, уцелевшими с ледниковой эпохи на мелкоморье Канадского архипелага.

В послеледниковое время материковые льды Канадского архипелага таяли, раскалывались на части. Во время сильных бурь ветры повышали уровень моря на мелководьях; обломки мощных полей, иногда прикрытые слоями почвы, всплывали и уносились в океан.

Дрейфующие ледяные острова, застревая на отмелях Полярного океана, у берегов Сибири, издали казались землей. Так возникла легенда о Земле Санникова. Такой ледяной остров видел сержант Андреев с промышленниками севернее Медвежьих островов.

Может быть, это была Земля Тикиген, застрявшая на мелкоморье? Неизвестно, как сложилась судьба обитателей плавающей земли после внезапного дрейфа в глубь Полярного океана, когда последнее пристанище айванов стало уплывать от берегов Чукотки.

Во всяком случае, в 1720 году, когда колымский зверолов Вилегин подстрелил в море на льду белого медведя, раненного стрелой с четырехгранным наконечником, эта земля была еще близко от Медвежьих островов.

Я увлекся этнографической лекцией и кремневым ножом рисую Пинэнтауну выразительные иллюстрации на земле, усыпанной раковинами. Юноша внимательно слушает и следит широко раскрытыми глазами за острием ножа.

Сидим на дне глубокой ямы первобытной землянки. Тайника американских пиратов в ракушечьем холме нет. По-видимому, Питерс, теряя сознание перед смертью, неверно указал магнитный пеленг кургана. Тайник скрывается в одном из тринадцати холмов, и я хочу заложить шурфы по очереди на вершине каждого кургана. Раскопки затягиваются.

Глава 9. РАЗОЧАРОВАНИЕ

Простая догадка осеняет, как молния. Схватив компас, выскакиваю из ямы и пускаюсь бежать к одинокой могиле с крестом.

— Годовой ход! Мы не учли годовых изменений магнитного склонения!

Положение магнитных полюсов меняется от года к году, точки полюсов совершают медленное движение по кривым замкнутым линиям. Соответственно меняется магнитное склонение — угол между магнитной стрелкой и географическим меридианом.

Наблюдениями установлено, что там, где магнитная стрелка отклоняется к востоку от географического полюса, угол склонения увеличивается ежегодно на одну шестую градуса, а за шесть лет — на 1° . С тех пор как Питерс брал по компасу пеленг с могильного креста на курган с тайником, прошло сорок лет, и его пеленг зюйд-вест 35° увеличился на $6^\circ 36'$ и соответствовал теперь, откидывая минуты, пеленгу зюйд-вест 41° . Мы раскопали не тот ракушечий холм, но зато нашли бесценные археологические реликвии.

Подбегаю к одинокому кресту, поспешно поднимаю узкие рамки визиров, ставлю буссоль на зарубку у конца крестовины и, прильнув к прицелам, разворачиваю их на пеленг 41° . Нить визира опирается в девятый курган с плоской, как стол, вершиной. Наверняка тайник Питерса скрывается в этом кургане.

Кратерообразного углубления на вершине девятого кургана не оказалось. С силой ударяю ногой о землю — глухой гул, словно от подземного колокола. Пинэтаун ударяет еще раз, и снова земля гудит под ногами.

— Пустота!

Стоим на крыше подземного склада. Расчистив площадку, Пинэтаун принимается копать мягкую землю. Устраиваюсь рядом на траве, заботливо перекладывая в рюкзак пушистым ягельником добытые сокровища — глиняные черепки, кости, каменные и костяные орудия айванов.

Треск ломающегося дерева заставляет вскочить. Пинэтаун проваливается сквозь землю. Бросаюсь к яме. На дне ее чернеет отверстие. Из-под земли тянет сыростью и гнилью. Гнилые доски трещат подо мной, не выдерживая новой тяжести.

Свалившись на груды каких-то мягких вещей, мы оба барахтаемся в темноте, шаря в карманах спички. Над головой ярко светит отверстие, пробитое в трухлявой крыше тайника.

Чиркнув наконец спичкой, освещаю просторное под-земелье. Сидим с Пинэтауном на холщовых мешках среди высоких штабелей пузатых тюков. Между штабелями чернеют узкие проходы. Пол, стены и потолок облицованы корабельными досками.

Спичка тухнет, электрический фонарик остался наверху в рюкзаке. Пинэтаун снова зажигает спичку. В узком проходе между тюками втиснута опрокинутая бочка. На «круглом столе» лежит пачка свечей в американской упаковке. Свечи не зажигаются, фитили трещат и гаснут — отсырели. Только переломив свечу, Пинэтауну удастся зажечь фитиль.

Рядом с бочкой стоит длинный ящик с крышкой на ржавых петлях. Откидываю крышку — петли закрипели, и в пламени свечи заиграл тусклый блеск металла. В ящике лежат приборы, снятые с пиратской шхуны: судовой компас, анероиды, хронометры, морские бинокли, медная подзорная труба, секстан и набор мелких штурманских инструментов. Узкое отделение ящика заполняют ржавые винчестеры, цинковые ящики с патронами и нераспечатанные пачки свечей.

Задыхаясь в гнилом воздухе подземелья, вскрываем тюки пушнины один за другим. Великолепные песцовые меха сгнили, шерсть клочьями вылезает из липких шкурок. В мешках оказываются шкурки серебристых лисиц. Но и они погибли от сырости.

«Мягкое золото» американских пиратов, скрытое долгие годы в сырой земле, полностью потеряло свою ценность. Как уродливо и бессмысленно кончилась жизнь собирателя сокровищ!

Карту Омолона Питерс спрятал в бочку. Прикладами ржавых винчестеров сбиваем медные обручи. Бочку доверху заполняют коричневые душистые бобы кофе. Дубовая бочка закрывается так плотно, что сырость не проникла внутрь и бобы не испортились. Пинэтаун высыпает кофе на крышку ящика. На дне бочки лежит жестяная коробка, герметически запаянная.

Осторожно разрезаю ножом тонкую жесть и вытаскиваю карту. Тяжелый желтоватый слиток металла выскальзывает из бумаги.

Золотой слиток! Питерс выменял его в 1908 году у кочевников Синего хребта, бежавших на морское побережье от своих старшин. Карта, нарисованная каран-

дашом на прокладке из галетного ящика, хорошо сохранилась.

Горные хребты обозначены гребешками, реки с притоками — тонкими извилистыми линиями, стойбища — шалашиками. Названия речек, хребтов и гор Питерс записал со слов старика русскими буквами.

Между Омолоном и Корокодоном старый кочевник нарисовал длинный хребет и густую паутину речек. С поразительной подробностью он изобразил рельеф и гидрографическую сеть горной страны величиной с Францию. На всех географических картах здесь расплывалось большое белое пятно.

Жители тайги и тундры великолепно знают топографию местности. Реки и мелкие речушки они изображают на бумаге не хуже городского жителя, рисующего план давно знакомых улиц.

В центре хребта ламут изобразил шалашиками большое стойбище. Крошечные вигвамы сходятся кольцом вокруг сидящего орла...

— Смотри, стойбище Синих Орлов, совсем как у Нанги! — удивляется Пинэтаун.

Юноша торопливо вытаскивает чашечку Нанги. В полумраке подземелья полированное дерево кажется черным, и линии «рисуночного письма» выступают словно на провяленной пластинке.

Рисунок орла в кольце вигвамов, сделанный старым оленеводом сорок лет назад, Нанга повторила на своем «рисуночном письме».

Сравнивая оба рисунка, замечаю вдруг поразительное совпадение изгибов Омолона на карте кочевника с линией берега на ребусе Нанги. Против устья Омолона, на левом берегу Колымы, старый оленевод нарисовал покосившийся темный крестик. На ребусе Нанги в этом месте красуются несколько квадратиков, вытянутых в линию.

— Заимка Колымская! Неужели Нанга нарисовала Омолон, а не берега Восточной тундры?!

— Совсем ум потеряли, — тихо говорит Пинэтаун, опускаясь на тук с пушinouй.

Юноша подавлен.

Только один поселок в низовьях Колымы имеет всего одну улицу новеньких домиков. Они были построены недавно против устья Омолона, на месте ветхих хибар старой заимки Колымской. Здесь размещается теперь

Карта хорошо сохранилась.

центральный посёлок оленеводческих колхозов Западной тундры.

Непростительная ошибка!

Ведь новые домики заимки Колымской я отлично видел с борта самолета в перелете из Якутска в устье Колымы и должен был правильно прочесть рисунок Нанги. Меня сбило с толку случайное сходство изгибов Омолона и береговой линии Восточной тундры.

Омолон Нанга изобразила одной чертой, правый берег Колымы не дорисовала. Поэтому линию Омолона на ее рисунке мы легко приняли за береговую кромку Восточной тундры, а заимку Колымскую — за Походск.

Неверно разгадав «рисуночное письмо», мы искали Нангу там, где ее никогда не было.

Теперь ясно: стойбище Синих Орлов, куда увез Нангу Чандара, находится в шестистах километрах южнее берегов Восточной тундры, в глубине континента, на диких плоскогорьях между Омолоном и Корокодоном. В 1908 году из этого стойбища бежал на берега Полярного океана от произвола старшин старый кочевник, нарисовавший Питерсу карту Синего хребта.

Нанга была жительницей неведомого стойбища. Кто эти неизвестные обитатели недоступных гор, поселившиеся вдалеке от людей, в центре белого пятна?

Орел, вытатуированный на груди девушки, дикий характер, никому не известный язык, на котором она говорила, удивительное сходство ее рисунков с «рисуночным письмом» североамериканских индейцев — все это оставалось загадкой.

Мы держим в руках лишь карту горной страны, где обитают сородичи Нанги. Неужели они еще томятся под властью родовых старшин?

— Проклятый старик мучит Нангу!

— Успокойся, Пинэтаун! Карта Синего хребта у нас. Мы точно знаем, где искать Нангу, и разыщем ее.

Но юноша грустно покачивает головой, вытаскивает из нагрудного кармана алую ленточку Нанги и, осторожно расправив ее на ладони, поглаживает огрубевшими от снастей пальцами. В глазах у него слезы, и он не скрывает их. Трудно проникнуть в дебри Омолонской тайги, к далеким плоскогорьям Синего хребта.

Жадно разглядываем карту, добытую из тайника. Там, где горные хребты сплетаются в мощное плоско-

горье, старый оленевод нарисовал границу леса. Деревья изображены колышками. Прихотливо изгибаясь, граница леса бесконечным частоколом окружает громадное поле безлесных плоскогорий.

В тусклом пламени свечи это поле расплзается на карте чудовищно увеличенной амебой. Площадь безлесных плоскогорий Синего хребта раз в десять превышает пространство летних пастбищ Колымского оленеводческого совхоза.

Тонкой штриховкой старик обозначил зимние кормовища оленей. Олени могут найти здесь ягельники и продвинуться сквозь тайгу к Синему хребту. Черными пятнами нарисованы островки мертвой тайги, гари, не проходимые для оленей. Их очень мало.

Штриховка ягельников на карте пересекает низовья Омолона и приближается к южным границам Колымского оленеводческого совхоза, словно открывая путь к Синему хребту.

Так вот где лежит пастбищное эльдорадо! Недаром потрудились мы, добывая карту старого кочевника: перед нами лежит рисунок огромного массива девственных оленьих пастбищ.

События беспокойного плавания сплелись в морской узел, и вот он распустился легко и свободно, словно в умелых матросских руках.

«Витязь» благополучно вернулся в порт Амбарчик. На внешнем рейде вились дымки пароходов. Корабли каравана, поднимая пары, собирались в дальнее плавание.

В Амбарчике мы закупили в фактории и погрузили на вельбот летний запас продовольствия для пастухов-островитян.

Светлой полярной ночью «Витязь» вошел в устье Колымы, миновал заимку Шалаурова и вскоре пристал к острову Седова, у спящего лагеря пастухов.

На следующий день с попутным ветром вельбот поднялся вверх по Колыме, доставив на центральную усадьбу совхоза драгоценный груз: рюкзак с редчайшими археологическими находками и карту омолонских пастбищ. Второе плавание «Витязя» окончилось.

Помполит радиogramмой известил директора совхоза, улётевшего в Якутск, о больших пастбищных возможностях Омолона и просил разрешить глубокую разведку Синего хребта.

Переходящее знамя тундровых совхозов получила бригада Ромула на острове Седова. Олени с острова были так жирны, что многие животные, переплывая Морскую протоку, уставали шевелить ногами — их прибывало к берегу, точно пробковые поплавки.

Стоит ли говорить, что в это лето мы навсегда избавились от копытки. Впервые за много лет оленеводческий совхоз выполнил план. После осеннего пересчета оленей в корале к нам пожаловали гости из оленеводческих колхозов перенять опыт. Вместе с оленеводами мы написали длинное благодарственное письмо Николаевскому...

Однажды меня вызвали к помполиту. Мы устроились у горячей печки в уютной конторе совхоза. Петр Степанович долго молчал. За окном вились снежинки — предвестники полярной стужи. В запотевшие окна мохнатыми сучьями стучались лиственницы. Хвоя облетела, и голая тайга ждала зимнего покрывала.

— Ну, путешественник, поедешь теперь домой, в институт? — Петр Степанович хитровато щурится из-под сросшихся нависших бровей.

Командировка моя окончилась, но мне не хотелось покидать совхоз и возвращаться в тихую городскую лабораторию. Я сказал об этом помполиту.

— Тогда читай! — рассмеялся он, протягивая зеленый телеграфный бланк.

Это была телеграмма наркома. Он спрашивал, согласен ли я остаться в совхозе.

— Мы просили разрешения задержать тебя на год и послать с оленями на Омолон... Я бы хотел... чтобы ты ехал туда... м-м... с охотой, — словно нарочно тянул помполит.

На Омолон, к Синему хребту! Меня охватывает радость и тревога. Сумею ли справиться с ответственным поручением? Нам предстоит пробиться с оленями сквозь тайгу, увидеть таинственных обитателей Синего хребта, найти Нангу, освоить девственные пастбища плоскогорий Омолона и Корокодона в самом сердце Северо-Восточной Сибири!

Ч А С Т Ь Т Р Е Т Ь Я

В ГОРАХ ОМОЛОНА

Глава 1. ПИСЬМО

Письмо поразило, как удар грома, как выстрел в спину. Толпимся вокруг человека, закутанного в меха.

Протянув конверт, он разматывает обмерзший шарф, сбрасывает меховой капюшон, открывая лицо в глубоких морщинах, смуглое от полярного загара.

Узнаю каюра оленеводческого совхоза Михаила Санникова.

Две недели он пробирался по нашим следам и, вконец умаяв собачью упряжку, настиг олений караван на пороге необозримого снежного царства Омолонской тайги.

Распростертые белые лапы лиственниц свисают над головой. Шероховатые и прямые стволы сходятся густыми рядами, преграждая путь; ветви, переплетаясь, поддерживают причудливые снежные шапки и пушистые гирлянды. В уснувшей девственной чаще они светятся таинственным матовым светом, и душу давит смутное ощущение скрытой, притаившейся опасности.

Обсыпанные снегом люди сошлись у конца просеки, упиравшейся в палисад еще не сокрушенной тайги. Узким коридором просека уходит вниз по снежному склону.

В дальней перспективе, словно в глубине сцены, открывается светлая панорама замерзшего лесного озера. Глубокий снег на пустынных берегах взрывают северные олени. Рассыпавшись, олений табун кольцом окружает небольшое озеро.

Просеку среди лиственниц мы прорубили, взбираясь на седловину таежного увала. Руки еще сжимают отяжелевшие, точно налитые свинцом топоры. Далеко позади, на противоположном берегу озера, среди деревьев лесистого увала, пройденного накануне, просвечивает узкая щель такой же просеки.

Бесконечным коридором она рассекает тайгу и уходит далеко на север, к южной границе Колымского оленеводческого совхоза.

Вот уже месяц врубаемся с двухтысячным оленьим табуном в глубь первобытной тайги. Стадо пришлось разделить на части.

Тридцать суток идем на лыжах впереди головного табуна и рубим, рубим узкую просеку оленьей тропы, проклиная тайгу, беспокойную кочевую жизнь и час, когда решили пуститься с полудикими оленями в трущобы Омолона.

На склоне увала, где Михаил догнал наш передовой отряд, мы потеряли мужество. Лиственницы сцепились мохнатыми ветвями, не пропуская человека. Высокие завалы бурелома преградили путь. Корни поверженных деревьев тянулись из-под снега, точно щупальца гигантских осьминогов.

Ромул опустился на мертвый ствол. Его короткая кух-

лянка, подбитая пушистым мехом росوماхи с карминовыми хвостиками крашеного меха на рукавах, имела щеголеватый вид. Но почерневшее лицо и потухший взгляд выражали полное безразличие.

— Нельзя кочевать дальше... лес и лес будет. Пропадут олени...

Ромул был, в сущности, прав. В невообразимой чаше под снегом не оказалось ягельников, и голодные олени, разгребая снег, с жадностью поедали увядшую осоку вокруг замерзшего озера.

Пинэтаун устало прислонился к молодой лиственнице, топор не слушался ослабевших рук юноши. Костя улегся на широкие охотничьи лыжи, вытирая вспотевший лоб малахаем. Хотелось упасть в мягкий холодный снег и никогда больше не подниматься.

Неужели штурм Омолонской тайги — моя ошибка, и табун уперся в тупик?

Беспокойная мысль мучает сознание, затуманенное усталостью, ранит душу, будит глубоко спрятанное сомнение в успехе задуманного дела.

В этот миг и появился на просеке каюр, прибывший из совхоза. Он медленно поднимался на полугорье вместе с молодыми пастухами из стойбища, отряхивая рукавицей заснеженную одежду.

Письмо директора, написанное на бланке четким подчерком, словно обжигает руки. Глухим от волнения голосом вслух читаю короткое распоряжение:

— «Олений табун повернуть в совхоз и вывести из Омолонской тайги на старые урочища у Стадухинской протоки».

Тяжелое молчание повисает над просекой.

Вздых, похожий на стон, нарушает мертвую тишину окоченевшей тайги. Пинэтаун, выпрямившись, шагает ко мне:

— Зачем комсомольскую бригаду попусту собирали, мучились, дорогу рубили?!

Обида, злость, горечь звенят в голосе юноши. В совхозе Пинэтауна выбрали комсоргом похода на Омолон. Он быстро сплотил молодежную пастушескую бригаду и теперь не хочет отступать — бежать от стен осажденной крепости.

— Приказ голов не вешать и смотреть вперед! — усмехается Костя.

Он усаживается на широкие охотничьи лыжи, вытаскивает кисет, свертывает чудовищную козью ножку, наполняет ее махоркой и закуривает.

Голова у Кости слегка клонится к левому плечу от давнего вывиха шеи. Лет пять он работает ветеринарным врачом в Колымском оленеводческом совхозе, свободно говорит по-якутски и по-чукотски, великолепно освоил практику северного оленеводства и неправильные распоряжения встречает спокойной, но язвительной шуткой.

Ромул молчаливо слушает письмо директора. Ни один мускул не шевельнулся на скуластом бронзовом лице молодого бригадира, лишь чуть хмурятся густые черные брови. Но я догадываюсь, что происходит в его душе.

Два месяца назад Ромул скрепя сердце согласился на дальний перегон табуна в глубь Омолонской тайги. Ему не хотелось принимать лишней ответственности. Директор совхоза был в Якутске, и мы с помполитом уговорили бригадира двинуть табун к неизведанным пастбищам Синего хребта.

Помполит, вероятно, улетел в долгий полярный отпуск, а директор совхоза, вернувшись из Якутска, послал распоряжение, отменяющее поход на Омолон.

Воспользуется ли Ромул правом отступления, которое так легко даровали ему?

— Что же, Ромул, будем поворачивать табун?

Не отвечая, Ромул хмуро оглядывает мрачные лица пастухов. Каюр успел рассказать в пастушеском стойбище о распоряжении директора совхоза, но молодые пастухи пришли с топорами сменить уставших людей на рубке оленьей тропы.

Костя, склонив голову, насмешливо посматривает на бригадира умными серыми глазами.

«Что, если Ромул откажется гнать табун дальше?» Шатаясь, подхожу к высокой лиственнице. Мощный ствол ее поддерживает крону распланных ветвей. Бросив осточертевший топор, цепляюсь за высохшие, обломанные сучья.

— Не надо, упадешь, слабые сейчас руки! — сердито кричит Ромул.

По ветвям поднимаюсь, точно по лестнице. Срываясь с мохнатых лап, пушистые хлопья снега бесшумно падают вниз. Облако снежной пыли окутывает лиственницу. Внезапно передо мной открывается взъерошенный

белый океан тайги. Вцепившись в промерзший ствол, жадно оглядываю горизонт.

Совсем близко из снежного моря волнистой грядой выступают безлесные вершины сглаженных сопок. Ближняя; самая высокая сопка круто вздымается к небу. Правильная конусообразная форма вершины придает ей сходство с потухшим вулканом.

Пологими уступами наш лесистый увал поднимается к плечу этой сопки. Вдали, у подножия увала, лежит белый щит незнакомого озера. Раздвигая тайгу, озеро вытягивается длинным языком к безлесным сопкам. Там смутно просвечивает длинная цепь таких же озер, разъединенных лесистыми перемычками.

— Сопки, друзья, чистые сопки!

От радости чуть не валюсь на голову Ромул. Он взбирается быстрее рыси по ветвям лиственницы. За ним, не отставая, карабкаются Пинэтаун и Костя. Внизу лиственницу окружили пастухи, и я вижу их взволнованные лица.

С ветвей вершины долго разглядываем белые сопки и ожерелье неизвестных озер среди тайги.

— Смотри, Костя, не древняя ли это старица Омолона?

— А, что? Старица?.. — Костя так пристально разглядывает панораму Омолонских озер, что едва понимает меня. — Ты прав — эти озера получились из пересохшей старицы.

— Совсем Омолон близко, — уверенно говорит Ромул.

Двигаясь по озерам, олени могли легко выйти к берегам Омолона. Перед нами распахивалась дверь в неведомый мир Омолонской тайги, но перешагнуть через порог мешала канцелярская бумажка.

— Пойдем на сопку, смотреть будем... — Бригадир махнул в сторону белой вершины.

Хотел ли он выиграть время на размышления или осмотреть с птичьего полета подходы к Омолону? Этого я так и не узнал.

Спускаемся с дерева. Ромул прекращает рубку оленьей тропы и отправляет пастухов в стойбище вместе с Михаилом (каюру давно пора отдохнуть после дальней дороги).

Подвязав широкие ламутские лыжи, мы вчетвером углубляемся в тайгу.

Ромул идет впереди, прокладывая извилистую лыжню среди лиственниц. Увал, по склону которого поднимаемся, должен привести нас к вершине высокой сопки. Снег осыпается с ветвей, и белые фигуры людей скоро сливаются с ландшафтом зимней тайги. На широких охотничьих лыжах мы идем след в след, уминая лыжню.

— Хо! — тихо вскрикивает Ромул и останавливается. Девственную белизну снега взрыхлили глубокие лунки крупных оленьих следов. По величине отпечатки не уступают следам лося и вдвое крупнее следов наших тундровых оленей. Огибая завал бурелома, следы гигантского оленя уходят наверх, к перевалу. Рассматриваем тропу с любопытством.

— Ламут ехал... Почему в гости не пришел? — удивляется бригадир.

— Может, дикий олень след оставил? — спрашивает Костя.

В тайге ему не приходилось бывать, и он с удивлением разглядывает отпечатки копыт лесного великана.

— Видишь, таях... — Ромул указывает на отверстия в снегу рядом с лунками оленьих следов.

Это ямки от посоха. В Колымской тайге посохи употребляют ламуты при верховой езде на оленях. Опираясь коротким шестом, наездник удерживает равновесие на плоском седле без стремени. Чукчи, якуты, юкагиры предпочитают зимой пользоваться нартами.

Ромул ощупывает снег в глубоких лунках.

— Мягкий... недавно проехал. Топоры услышал — в тайгу повернул.

Поведение ламута кажется странным. Он слышал стук топоров на рубке просеки и, несомненно, уловил острый запах дыма нашего стойбища (запах дыма далеко разносится в зимнем лесу и служит верным признаком близкого жилья).

Нарушив неписанный закон тайги, незнакомец не вышел к людям и скрылся в пустынных чащах Омолона.

Глава 2. НАХОДКА

Бригадир прокладывает лыжню по следу верхового оленя. Ямок от посоха в снегу уже нет: наездник больше не пользуется таяхом. Кажется, что тропим след громадного дикого оленя.

Ромул идет впереди.

Ламутские верховые олени, выведенные лесными охотниками многовековым отбором, гораздо крупнее тундровых учагов и славятся своим ростом. Но верховой олень, оставивший печать на снежной целине, отличается необыкновенной величиной.

Следы круто уходят влево и скрываются за валом бу-релома. Пинэтаун сбрасывает на руку карабин и спускает затвор с предохранителя. Ромул останавливается и внимательно осматривает притихшую тайгу.

Неспокойно на душе и у меня. В заснеженной чаще завала чудятся всевидящие зоркие глаза лесного наездника.

«Кто он? Куда несет олень одинокого путника?»

Ромул, пошарив за пазухой, неторопливо вытаскивает кисет и обгорелую трубку.

— На сопки ламут поехал... — негромко говорит он, закуривая. В холодном воздухе синий дымок из трубки свивается в мелкие кольца.

Долго тропим след верхового оленя и наконец выходим на плоскую вершину таежного увала. Лиственничная тайга редее. Прямые, как мачты, стволы образуют просветленный бор. В этих светлых лесных чертогах грудь дышит легко и свободно.

Ромул поспешно опускается на колени и быстро разгребает снег. Нетерпеливо всматриваемся в снежную яму — снег неглубокий.

Вот так диво: пышный ковер великолепных ягельников устилает землю.

Коричневые скулы Ромула блестят мелкими каплями пота. Пинэтаун срывает пухлую подушку ягельников. Беловатые их стебельки разветвляются, точно крошечные олени рога, образуя пушистые головки.

— Альпийская лишайница!

Живое серебро Оломонской тайги! Не здесь ли начинаются бесконечные поля нетронутых оленьих пастбищ, которые мы искали, прорубаясь сквозь чащу?

Дорогой ценой далась эта победа — сколько препятствий осталось позади, сколько усилий пришлось положить, сколько бессонных ночей прошло наедине с тревожными думами!..

Обсыпанные снегом, молчаливо стоим на пороге ягельного эльдорадо. Ковер девственных пастбищ расстилается всего в нескольких километрах от замерзшего

озера, где томятся три тысячи голодных оленей. Бурная радость рвется наружу.

Но Ромул невозмутимо прокладывает ровную лыжную дальше, среди молчаливых лиственниц. Через час лиственничный бор уступает место редколесью — вступаем на склоны сопки. Редколесье незаметно переходит в криво-лесье — стволы деревьев вокруг скручены штопором, а мохнатые ветви повернуты в одну сторону, точно флаги по ветру.

Оканчивается и криволесье, тайга остается внизу. Причудливые снежные фигуры разбредаются у границы леса: плотные шапки снега накрыли карликовые деревья, и ветер прихотливо обточил снежные кулиги.

Выше, на крутом безлесном склоне, тускло отсвечивает снег, утрамбованный ветрами. На обледелом панцире копыта верхового оленя не оставили отпечатков. Лесной наездник вышел на сопку, скрывая свой след.

Ромул вяжет лыжи чаутом и оставляет у последней снежной кулиги. Даже торбаса, подшитые мохнатыми оленьими щетками, скользят по фирновому снегу. Приходится вырубать топором ступеньки. Вытянувшись в цепочку, словно альпинисты, штурмуем конус вершины.

На лысой макушке обледелой сопки ветер сдул снег и обнажил фантастическое нагромождение плит, разри-сованных пестрыми наскальными лишайниками. В трещинах между глыбами лежат пружинистые подушки черных, словно обугленных лишайников.

Пинэтаун взбирается на массивную плиту песчаника. Она косо лежит на гряде треснувших глыб, образуя последнюю грань вершины.

— Синий хребет... Синий хребет!

Голос юноши дрожит, срывается. Пинэтаун опускается на холодный камень, смахивая рукавицей непрошенные слезы.

Карабкаемся на вершину. Далеко-далеко на горизонте сквозь фиолетовую синь неба едва просвечивают острые пики и громады столовых гор, словно вырезанные из голубого мрамора.

Хребет простирается во всю ширь южного горизонта, тремя уступами спускаясь на запад, к серебристым куполам Юкагирского плоскогорья.

Скинув шапки, в торжественном молчании вглядываемся в расплывчатые контуры таинственного хребта.

Разве можно описать волнение, охватывающее человека при виде никому не известной земли? Множество мыслей геснится в голове, радостно бьется сердце, и кажется, что орлиные крылья несут тебя к неведомым вершинам.

Вытаскиваю из полевой сумки буссоль, снятую с «Витязя», поднимаю прицельные рамки и беру засечки причудливых пиков. Рука дрожит, — пожалуй, впервые исследователь пеленгует эти безымянные вершины.

— Вступить и умереть!.. — вдруг решительно говорит Костя.

Он хорошо выражает общее настроение. Как хотелось нам достигнуть этой дальней цели!

Блестящими от слез глазами Пинэтаун смотрит на заветные вершины. Где-то в этих горах томится в неволе маленькая Нанга. Ждет ли она избавления или потеряла последнюю надежду? Может быть, и там льются сейчас невидимые слезы?

Стараясь не мешать юноше, рассматриваем величественный кругозор Омолонской тайги. С птичьего полета ясно видна неглубокая ложбина древней исчезнувшей протоки Омолона. Цепь замерзших озер лежит в этой ложбине. Изгибаясь громадной дугой, потяжина с озерами упирается в далекий мыс. Точно нос корабля, он врежется в замерзшее русло Омолона.

— Сохатиный Нос! — Ромул указывает на заснеженные скалы.

Действительно, очертания каменного мыса напоминают силуэт головы лося. Туловище образуют две сопки с волнистыми сглаженными вершинами. Кажется, что гигантский каменный зверь улегся среди тайги и, вытянув чудовищную морду, жадно сосет воду из Омолона.

Отправляясь в поход на Омолон, мы слышали о Сохатином Носе. Колымчане уверяли, что у подножия этого мыса приютилась последняя, самая дальняя фактория Чукотторга. На всякий случай я получил в совхозе телеграфное указание с Чукотки о снабжении из этой фактории и надеялся пополнить у Сохатиного Носа запас продовольствия для пастухов. Ведь дальше на пути к Синему хребту не было ни единой живой души.

Далеко внизу, вокруг замерзших озер, теснятся высокоствольные мачтовые лиственницы.

— Лиственничный бор! Смотри, Костя, вот где раздолье оленям! На Колыме не сыщешь таких зимовок.

— Место для зимовки отменное, — соглашается Костя. — По озерам маршрут проложим, олени в ягельных борах жирок к отелу нагуляют, стойбища будем у озер ставить. Вода близко, и рыбачить в прорубях можно.

Лесистая местность, расстилающаяся перед нами, как будто создана для зимнего выпаса оленьих стад. Но Ромул молчит, он словно не слышит наших слов и разглядывает дальние вершины.

— Послушай, Ромул, — не вытерпел я, — давай поставим здесь табун на зимовку, а директору напишем, что поздно поворачивать оленей обратно.

— Почему поздно? — хмуро ворчит Ромул. — На Стадухинскую протоку дорога знакомая...

— У твоей Стадухинской протоки жрать оленям нечего! — зло режет Костя.

Молодой ветеринар вспыхив, он в упор разглядывает пасмурное, но спокойное лицо бригадира.

Ромул отлично знает, что ягельники у границы леса в Западной тундре совхозные стада топчут много лет кряду и пастбища там плохие. К весне олени худеют, и важенки приносят слабых оленят. Они замерзают в свирепые весенние пурги у границы леса, а в знойную комариную пору погибают от губительных эпидемий.

— Ты представитель дирекции, — вдруг обращается ко мне Ромул. — Пиши распоряжение: ставить табуны на зимовку у Сохатиного Носа!

Ромул сбивает меня с толку: имею ли я право отменять распоряжение директора совхоза? Старое предписание помполита разрешало мне принимать необходимые решения на месте, советуясь с бригадиром, на подотчете которого находились олени, и с ветеринарным врачом перегона. Но теперь мы получили прямое распоряжение директора — вернуть табуны.

— Дьявольщина! Да напиши ему... бумага все терпит! — загремел Костя.

— Ладно, Ромул, напишу распоряжение.

— Ну пиши, — невозмутимо говорит бригадир, закуривая свою обгорелую трубочку.

Чертыхаясь, я вытаскиваю записную книжку и огрызок химического карандаша. Написать распоряжение не успеваю...

Сверху слышится сдавленный крик Пинэтауна. Юноша скрывается за глыбой песчаника.

— Человек! Человек сложил! — пронзительно кричит он.

Молнией взлетаем на вершину. Пинэтаун, опустившись на колени, рассматривает странное сооружение из дикого камня.

Тур?!

Каменные башенки туров мне приходилось видеть на Кавказе, в студенческих альпийских походах. Достигнув трудной вершины, альпинисты выкладывают тур из камней и прячут внутри консервную банку с запиской о восхождении. Каменные туры на вершинах складывают также и топографы при съемке горной местности. Но здесь, в глуши Омогонской тайги, топографы еще не бывали, альпинисты и подавно.

Пинэтаун принимается разбирать башню, и вдруг из камней высовывается зеленое горлышко, закупоренное пробкой. Поспешно разгребая камни, вытаскиваем мутную от пыли бутылку. Сквозь зеленое бутылочное стекло просвечивает свиток бумаги:

— Везет вам на клады, — усмехается Костя. Он вспоминает письмо американского пирата, которое мы нашли летом на уединенном острове Колымской дельты.

Разбиваю бутылку, нетерпеливо разворачиваю бумажку и читаю:

*Мария Контемирская вступила на сопку
Поднебесную 10 октября 19... года.*

Liberté, Egalité, Fraternité!

Надпись выведена бисерным женским почерком. Год разобрать трудно — цифры, выведенные карандашом, стерлись на сгибе шероховатой оберточной бумаги.

— «Свобода, Равенство, Братство»... — перевожу я.

Удивленно переглядываемся, не понимая, откуда в дебри Омолона, на сопку, не обозначенную на картах, явилась женщина. Женщина, написавшая боевой лозунг Великой французской революции.

Судя по сохранности письма, записку написали в этом году.

— Сегодня 7 декабря, — размышляю вслух. — Следовательно, Мария Контемирская вступила на вершину два месяца назад.

— Контемирская какая-то!.. Да что она, с неба на сопку свалилась? — удивляется Костя.

— Непонятная история... Экспедиций здесь не бывало.

Вытряхнув из жестяной коробочки запасные спички, я осторожно вкладываю внутрь бумажку, прячу жестянку в камни и принимаюсь выкладывать разрушенный тур.

— Из фактории, однако, пришла, — спокойно говорит Ромул, махнув кисетом в сторону далекого Сохатиного Носа.

Глава 3. МАРИЯ

Распоряжение Ромулу пишу вечером после совета с пастухами. Мы все собрались в большой брезентовой палатке походного красного уголка. Пастухи часто приходили сюда отдохнуть после трудных смен на рубке оленьей тропы.

В палатке было уютно на ковре из оленьих шкур и тепло от раскаленной печи. Вместо поддувала ребята приладили железную трубку с отверстиями; вдвигая или выдвигая ее, они управляли накалом походного «центрального отопления».

Молодые пастухи горячо поддерживали решение о зимовке у Сохатиного Носа; поворачивать табуны обратно на Колыму никто не хотел.

Движение оленьих стад к Синему хребту приостанавливалось. После размещения оленей на зимовку у озер Ожерелья (так окрестил Пинэтаун цепочку озер в ложбине исчезнувшей протоки Омолона) я решаю выехать с каюром на усадьбу совхоза и получить у директора согласие на штурм Синего хребта.

Как много неприятностей причинило мне вскоре это самовольное решение!

Ночью, после совета с пастухами, при свете луны и северного сияния, комсомольцы во главе с Пинэтауном прорубают просеку к озерам Ожерелья. Пинэтаун неутомим — почти сутки он усердно рубит лес, отказываясь отдыхать. Ему кажется, что каждый взмах топора приближает счастливую минуту встречи с Нангой.

Зимняя тайга, облитая лунным светом, переливается алмазными блестками, синеватые тени чернят светящийся снег, а снежная пыль, которую мы взметаем, клубится серебристым облаком. Долго прорубаем коридор среди спящей тайги.

И вот, свалив последние деревья, раздвигаем сверкающие снежные заросли тальника и выходим на лунное поле замерзшего озера.

Высоко-высоко над застывшей тайгой вонзаются в темную пропасть неба иглы северного сияния. Потухая и вновь загораясь холодным, наплывающим светом, они сходятся к зениту, в недостижимой высоте.

Пинэтаун уходит вместе с настухами отдыхать в стойбище. Мы с Костей остаемся на лунном озере и долго любуемся мерцанием иглистых лучей. Пять лет провел Костя в Заполярье и пять лет не устает любоваться живыми огнями Севера.

Золотой шар луны опускается на вершину сопки Поднебесной. Фирновые снега вершины тускло отсвечивают серебром. Далекий лесистый берег озера тонет во мраке. И вдруг чудится, что из этого мрака летят на озеро горсти рубиновых звезд.

— Искры, искры из трубы! — кричит Костя.

— Жилье? На берегу пустынного озера?

Искры летят низко над снегом, и Костя полагает, что вылетают они из трубы палатки. Не там ли поставил свой шатер лесной наездник, ускользнувший днем на сопки?

— Пойдем в гости? — спрашивает Костя, снимая с плеча карабин.

Противоположный берег озера не далее километра, рискованная ночная прогулка кажется заманчивой, и мы идем по твердому насту к мелькающим вдали огонькам.

Искры то гаснут, то снова вспыхивают во мраке. Наст, сглаженный ветрами, не скрипит. В торбасах наши фигуры, закутанные в меха, ночными призраками скользят по лунному озеру.

Луна прошла вершину сопки и осветила снежный лес на том берегу. Искры гаснут, и теперь мы шагаем к звездному ромбу Ориона, вдыхая чистый морозный воздух. Блистающее созвездие поднимается над лесом, там, где еще недавно мелькали искры.

— Смотри, прорубь.

— И пешня... Рыбаки?

— Видишь, сетку под лед пустили.

Действительно, пешня, лежавшая поперек проруби, обвязана концом обледелой веревки. В тридцати шагах темнеет вторая прорубь. Рядом лежит колода, захлестну-

тая мертвой петлей подпуска. Сеть висит под толщей льда в воде между двумя прорубями.

— Недавно вынимали, вода не застыла, — шепчет Костя, оглядываясь на ближний берег.

Сноп искр вырывается из прибрежных тальников, освещая узкий проход, вырубленный среди лозняка. Стараясь не шуметь, идем утоптанной тропинкой сквозь полосу тальника. Очутились перед палаткой, слабо освещенной изнутри. Деревья снежными ветвями укрывают полотняный шатер. Искры летят из верхнего колена трубы, повернутого к озеру.

Молчаливо стоим на берегу, не решаясь спугнуть обитателя походного жилища. Наконец откидываю полог и мягко шагаю внутрь.

Что это, видение лунной ночи?

Красноватый блик света выхватывает из полумрака нежное девичье лицо с волной золотистых волос, спадающих пышным узлом на худенькие плечи. Груда раскаленных угольев светится в отворенную дверку печурки, освещая бледное личико.

Девушка оперлась подбородком на колени и задумчиво смотрит в горящие угли большими, светлыми глазами. Длинные ресницы ее вздрагивают; полуоткрытые, мягко очерченные губы шевелятся.

Погрузившись в собственные мысли, она не замечает непрошеного гостя.

— Здравствуйте...

Девушка вскрикивает и оборачивается. Рука ее выхватывает из темноты короткий винчестер.

— Кто вы?.. Что вам надо? — Тонкими пальцами она крепко сжимает стальную магазин, совсем близко вижу черное отверстие дула.

Делается не по себе: девчонка с испугу еще спустит курок и выпалит.

— Не бойтесь, мы не хотим вам зла. — Костя противится в палатку и разглядывает девушку во все глаза, так, будто она упала с луны.

— Бояться нужно вам — винчестер заряжен!.. — сухо предупреждает хозяйка палатки, настороженно поглядывая на Костин карабин. — Положите карабин! — приказывает она.

— Ого... — ухмыляется Костя, кладя карабин. — Славно гостей встречают.

— Кто вы? — повторяет свой вопрос девушка, обращаясь ко мне.

Представляюсь, коротко рассказываю о перегоне домашних оленей на Омолон и предполагаемой зимовке на озерах Ожерелья.

— Озера Ожерелья? — удивляется незнакомка. — Наши озера называются Горностаевыми.

Золотые волосы девушки свиваются кольцами и светятся нежным сиянием. Она осторожно кладет винчестер на колени и, тряхнув головой, быстрым движением поправляет пушистые пряди.

— А вы кто? — тихо спрашиваю девушку.

— Из фактории, Мария...

— Контемирская?

— Да. Откуда вы знаете?

— «Свобода, Равенство, Братство», — насмешливо декламирует Костя.

Девушка хмурится. Глаза ее сузились и блеснули, точно лезвия бритвы.

— Простите, Мария, Костя не может без шуток.

Лицо девушки оживает. Она откладывает винчестер, удивленно поднимает на меня ясные, умные глаза и, потупившись, опускает длинные ресницы. Мимолетное, почти неуловимое выражение признательности мелькает на ее лице. Тонкие пальцы быстро перебирают и скручивают поясok узорчатой шерстяной кофты.

— Раздевайтесь... — спохватывается Мария. — Я приняла вас за беглецов.

Костя насмешливо фыркает. Я успеваю дернуть его за кухлянку, и он придерживает язык.

Девушка поспешно встает, зажигает свечу на крошечном столике и, подбросив в печурку дров, ставит греть блестящий никелированный чайник.

Снимаем меховые кухлянки и усаживаемся на мохнатой медвежьей шкуре около столика. Высокая фигура юной хозяйки с чуть угловатыми плечами отбрасывает причудливую тень на полотнище палатки. Лыжные брюки и красная шерстяная кофточка, перехваченная пояском, облегают гибкую, тонкую талию.

Мария расставляет кружки, распаковывает пачку сахара, насыпает грудку печенья на эмалированную тарелку и открывает банку сгущенного молока.

— Хотите строганины?

— Очень! — откровенно признается Костя.

На Колыме это было любимое наше кушанье. В тайге пришлось полтора месяца питаться олениной, и мы давно мечтаем о свежей рыбе. Девушка выскальзывает из палатки.

— Чудо как хороша! — тихо говорю Косте.

— Уж больно тоненькая и нос поднимает...

Мария несет большого чира. Костя вежливо просит позволения очистить мерзлую рыбину. Ловко удалив якутским ножом чешую, он принимается строгать рыбу длинными стружками. Тонкими пальцами девушка подбирает розоватые стружки в миску, затем ставит строганину на стол, вытаскивает из берестяного ящичка соль и горчицу.

— Эх, горячего только не хватает! — сокрушается Костя.

Мария достает из своего волшебного ящичка объемистую фляжку. Костя осторожно принимает посудину, вытаскивает пробку и разливает в кружки рубиновую жидкость.

— Красное вино?

— Не-ет! — грозит пальчиком девушка. — Дедушкина наливка из черной смородины.

— Черной смородины?

— У нас ее много на островах Омолона. Крупная, как виноград.

Чайник кипит на печке, и Мария всыпает крутую заварку. Поудобнее располагаемся у походного столика и поднимаем кружки.

— За милую хозяйку!

— За дружбу!.. — смутившись, отвечает Мария.

Три кружки соединяются над столом. В этот миг никто еще не знал, что крепкая, верная дружба надолго соединит нас.

Снаружи палатки явственно слышится скрип полозьев.

— Нарты?

— Дедушка приехал! — радостно смеется Мария.

Около палатки рычат ездовые собаки.

— Тише, тише, Пан! — гудит густой голосище. — Назад... Да что вы, сдурели?

Собаки рвутся к палатке, почуяв чужих людей, наконец утихают, приезжий кидает им корм, отряхивает снег

с одежды. Но вот полог распахивается, и в палатку с трудом втискивается высокий старик в мохнатой меховой куртке.

Он замирает на пороге, удивленно разглядывает нашу мирную компанию, освещенную ярко горящей свечой. Высокий лоб в глубоких морщинах, орлиный нос; грива седых волос, белая борода опускается на широкую грудь. Спокойствием и грозной силой веет от богатырской фигуры седого великана.

— Что за люди?.. — Патриарх неторопливо снимает меховую куртку. Из-под нависших мохнатых бровей дед окидывает наши лица умным, старческим взглядом и вдруг ласково улыбается.

— Дедушка, это гости из оленеводческого совхоза. Оленей с Колымы на Омолон перегоняют, зимовать на Горностаевых озерах будут. — Мария отбирает у дедушки куртку, шапку, рукавицы.

— Добре, добре, хлопцы! Давненько гостей не видали, загрустила моя внученька, — гудел, как из пустой бочки, старик. — Михась Контемирский... — протянул он большую руку.

Я крепко трясую тяжелую ладонь и чувствую необычайную силу этой железной руки. Она сжимает мою ладонь сильнее и сильнее. Напрягая последние силы, я не поддаюсь сокрушающей хватке. В оленеводческом совхозе мы постоянно соревновались в рукопожатиях, но пересилить крепкого старика не могу. Не переборол тяжелой его руки и Костя.

— Добро, не перевелись еще молодцы! Крепкая рука — сердце верное... — добродушно усмехается Михась Контемирский, усаживаясь к столу.

Мария опускается у ног дедушки, на медвежью шкуру. Широкой ладонью он гладит золотые пряди, поглядывая на внучку с каким-то грустным участием.

Незаметно летит время. Пьем крепкий чай. Девушка обстоятельно расспрашивает о событиях на фронте. Последние сводки Информбюро нам привез каюр из совхоза, и мы с Костей по очереди рассказываем новости.

Мария слушает фронтовые известия с необычайным волнением. Рассказываю о польской добровольческой дивизии имени Костюшко, прорвавшей оборону гитлеровцев на границе Белоруссии. Ясные глаза девушки туманятся, и она кинется щекой к дедушкиной руке.

— Не горюй, внученька, скоро и наша Польша получит свободу.

— Скажите, Мария, Польша — ваша родина?

— Да, это моя родина, хоть и родилась я в Сибири. У меня две родины. Польшу научил меня любить дедушка, и я люблю ее больше жизни.

Глаза Марии говорят о пылком и чистом сердце, о доброй и ласковой душе. «Как попала юная полячка на Омолон? Кто ее дед?» Спросить об этом не решаюсь.

— Дедушка, вы работаете на фактории? — спрашивает Костя.

— Нет, мы с внученькой охотники, — усмехается старик. — Ловушки на горностаю ставим, рыбу на озерах ловим.

— На фактории работает мой отчим, — вдруг говорит Мария.

— Посоветуйте, дедушка, где лучше разбить нам пастушеский лагерь? — торопливо меняю я разговор, опасаясь нескромных вопросов Кости.

— В пуще, на берегу озера, ягельники ковром лежат, — ответил старик. — Ставьте у нашей палатки. Завтра мы ее снимем, на факторию поедem пушнину сдавать.

— Поедемте с нами, — вдруг предлагает Мария. — Дорогу на факторию узнаете.

Мы с Костей охотно соглашаемся. На фактории нужно договориться о снабжении пастухов продовольствием во время зимовки оленьих стад на Горностаевых озерах.

Пора уходить — около трех часов ночи. Выбираемся на вольный воздух, прощаемся с новыми друзьями и отправляемся в обратный путь, к стойбищу пастухов. Оглядываясь, еще долго видим одинокую фигурку на лунном поле замерзшего озера.

— Вот тебе и мадонна Омолонская! — смеется Костя.

— Хорошая девушка!

— Не знаю... — отвечает Костя. — Глаза-то у нее на мокром месте.

— Ни черта ты не понял!..

Всю дорогу идем молча. По-прежнему светит луна, отбрасывая голубые тени на серебряный снег. В стойбище нас давно ждут. Ромул не спит — собирается искать пропавших специалистов. Рассказ о палатке на берегу озера и о людях с фактории успокаивает бригадира. Решаем перегнать утром олений табун на Горностаевые озера.

Засыпая в теплом спальном мешке, я словно в тумане вижу пышные пряди золотых волос, чистые глаза и нежное лицо Марии. На беду или на счастье встретилась мне эта девушка на Омолоне?

Глава 4. НА ФАКТОРИИ

Омолон делает излучину, огибая высокий мыс Сохатиного Носа. Замерзшее русло громадной таежной реки теряется в бесчисленных островах. Рощи гигантских чозений и тополей, окутанные пушистой изморозью, склоняются над белыми аллеями проток, словно куртины уснувшего зимнего парка.

В узких протоках деревья соединяются ветвями, образуя голубоватые снежные своды. Река с лабиринтом проток так широка, что белые роши дальних островов сливаются на горизонте с фиолетовым небом.

Ледяной грудью Омолон упирается в красноватые утесы Сохатиного Носа, подернутые инеем. На страшных кручах в трещинах гладких плит цепляются распластанными корнями седые от снега лиственницы.

У подножия гранитной стены скользит по насту длинная собачья нарта. На фоне вздымающихся скал нарта, люди и собаки кажутся игрушечными.

— Осторожно... Мария!

Боюсь за девушку: одна из лиственниц, склонившись, готова упасть с кручи и раздавить нарту.

— Не бойтесь, дерево висит здесь два года! — обернувшись, кричит Мария.

Милое лицо ее румянит крепкий мороз, ресницы стали мохнатыми от инея, словно вокруг синих глаз повисли пушистые снежинки. Она ловко управляет собачьей упряжкой, тяжелым остолом¹ притормаживая сани на крутых поворотах.

Невольно люблюсь Марией, кажется, что знаю ее давным-давно. В меховом капоре, в пестрой оленьей дошке, подбитой песцовым мехом, в торбасах, расшитых бисером, высокая и тоненькая, она похожа на Снегурочку.

Утром мы благополучно вывели оленьи табуны по узкому коридору просеки на Горностаевые озера. Ромул разбил пастушеский лагерь около палатки Контемир-

¹ Остол — шест для управления нартами в движении.

ских, и берега пустынного озера ожили. Среди мачтовых лиственниц задымили палатки и зимние яранги. Вереницы груженных нарт образовали улицы, а на белом поле озера зачернели новые проруби для рыболовных сетей.

Бригадир распорядился слить стада в один табун, и зимовка на Омолоне началась. На берегу озера, в лиственничных борах, олени нашли уйму ягельников и почти не отходили от палаток.

Два часа назад мы с Пинэтауном помогли Контемирским снять и уложить палатку, погрузить мороженую рыбу в нарты. На факторию пришлось ехать без товарищей: Костя и Пинэтаун оставались в лагере готовить отчет о перегоне. Вернувшись из фактории, я предполагал тотчас выехать с Михаилом Санниковым в дальний путь к устью Колымы, на центральную усадьбу оленеводческого совхоза.

У Михаила отличная упряжка из дюжины колымских лаек, рослых и пушистых, широколобых и широкогрудых, выносливых, как волки. Я взял упряжку Михаила съездить на факторию и предложил Марии проложить санный путь налегке для груженой нарты дедушки Михася.

Теперь наша упряжка далеко опередила его нарту. Мария хорошо знает дорогу к фактории, а правит не хуже каюра. Проскочив клонившуюся лиственницу, мчимся быстрее ветра по замерзшему Омолону, и снежная пыль клубится по следу нарт. Отдохнувшие собаки свирепо тянут постромки, чуя близкое жилье.

— Фактория вон там, в протоке.

Большой и низкий остров жмется к стене Сохатиного Носа. Между утесами и непролазной чащей тальника открывается узкое устье пустынной протоки.

Мы проскальзываем в таинственный снежный коридор. Лозняк на острове уступает место длинноствольным чозениям с темной морщинистой корой. Среди чозений, точно заблудившиеся великаны, стоят одинокие белокрые тополя неохватной толщины. В северной тайге эти могучие деревья кажутся случайными пришельцами с Дальнего Юга.

Снег становится рыхлым. Следы лосей пересекают белую целину узкой протоки. Собаки, взъерошив загривки, ловят черными носами запах зверя; самые шустрые бросаются в сторону, пытаясь свернуть упряжку к чаще.

— Булат, вперед!

Передовик наваливается на постромки, и упряжка пронесется мимо заманчивого следа. Булат хорошо слушается Марию. Он часто оглядывается, словно желая опять услышать ее звонкий голос, или грозным рычанием подгоняет непослушных собак, обнажая белые волчьи клыки.

В чаще ивняков на острове снег утрамбован заячьими лапами. Непуганые пестрые рябчики сидят на ветвях. Повернув хохлатые головки с блестящими бусинами глаз, они с любопытством оглядывают бегущих собак и людей на нартах.

Невольно тянусь за ружьем. В тундре рябчиков нет — хочу поохотиться на таежную дичь.

— Не стоит... их здесь много, — улыбается Мария. — Сейчас будет фактория.

Впереди, над сизыми макушками чозений, в тихом морозном воздухе, поднимается дым жилья.

Отвесная стена Сохатиного Носа внезапно кончается. Мягкие заснеженные увалы межгорного понижения, прикрытые дремучей тайгой, спускаются к Омолону. У подножия скал, среди мачтовых лиственниц, ютится домик фактории.

Поставленный на высокий бревенчатый фундамент, с крытым крыльцом и приземистыми амбарами для товаров, он похож на старинную сибирскую заимку.

Собаки с лаем и визгом бегут к фактории. Затормозив у крыльца, привязываем собак к нарте.

— Лесной форт, — подшучиваю я, оглядывая приподнятый на фундаменте сруб, сложенный из толстых бревен.

— Факторию строили давно, в гражданскую войну... — отвечает девушка. — Пошли, я познакомлю вас с отчимом. — Грустная улыбка мелькает на лице девушки.

Отряхнув друг у друга снег и скинув меховые кухлянки, поднимаемся на крыльцо. Мария открывает дверь, обитую мохнатой лосиной шкурой.

Длинный прилавок разделяет помещение магазина. Полки за прилавком гнутся под тяжестью товаров: вижу капканы и ружья, свинец и порох; телогрейки, сапоги и валенки; яркий ситец и палаточный брезент; чайники, кастрюли и котелки; штабеля плиточного чая, пачки душистого черкасского табака и полный ассортимент продуктов.

Такого изобилия не было на колымских факториях — ведь шла война, и завоз на Север был ограничен. Вероятно, в этой уединенной фактории скопились старые многолетние запасы.

На прилавке громоздятся в беспорядке горы пушистых беличьих шкурок. Меха не успели убрать. Кажется, что охотники лишь недавно вытряхнули из походных мешков всю свою добычу.

У старомодной конторки, спиной к двери, на высоком самодельном табурете восседает грузный человек в полинявшей гимнастерке без пояса. Он громко щелкает костяшками счетов. Бледный свет, проникая сквозь обмерзшие стекла, освещает литую шею, мясистый затылок, взъерошенные серебристые волосы и широкую спину с опущенными плечами.

Человек в гимнастерке не оборачивается на скрип двери и шум легких шагов Марии. Неучтивость хозяина кажется странной, ведь он слышал лай собак нашей упряжки.

— Приехали... на мою шею! — вдруг бурчит незнакомец, не оборачиваясь.

Мария вспыхивает, брови крыльями сходятся на переносье, глаза загораются. Стальной блеск этих ясных и чистых глаз я видел в палатке после злой Костиной шутки. Нарушая тишину магазина, я громко кашляю.

Человек у конторки вздрагивает, оборачивается и проворно сгребает с лакированного пюпитра свои бумажки. Бледно-голубые глазки подозрительно ощупывают меня, полное лицо краснеет, а широкий лоб блестит капельками пота.

— Извините... Думал, родственнички пожаловали.

Он поспешно встает, протягивая пухлую красноватую ладонь:

— Котельников.

Знакомимся.

— Неплохой урожай, — киваю на груды беличьих шкурок.

Заведующий факторией тревожно косится на прилавок.

— Пушнину считаю — инвентаризация, — словно оправдываясь, говорит он, сокрушенно разводя руками.

— Зачем вы говорите неправду? — тихо говорит Мария. — Эту пушнину вам сдал Чандара.

— Чандара? Мария, вы знаете Чандару?!

— Он сдает нам пушнину...

— По-твоему, я не должен принимать белку! — покраснев, кричит Котельников, не стесняясь гостя.

— Вы должны принимать пушнину у охотников. Откуда вы знаете, как Чандара получает эти горы мехов?

— Буду я еще разбирать, как он ее получает! Фактории нужны белка и план.

Теперь я понимаю смущение Котельникова. Кочевники Синего хребта нигде не числятся — не приписаны к национальным советам, и Котельников не имеет права принимать пушнину от Чандары.

Но может ли заведующий факторией в суровое военное время считаться с правилами? Ведь на «мягкое золото» мы покупаем боевые самолеты для фронта!

— Послушайте, Котельников, когда у вас был Чандара? Мне очень важно это знать.

— Чандара уехал вчера.

— Верхом?

— Да, у него были ламутские учаги.

Так вот чей след мы видели на склоне увала! Догадался ли Чандара, чьи топоры стучали в тайге?

Может быть, и Нанга была тут, совсем близко?

— Чандара всегда приезжает один, неизвестно откуда, он не пускает своих охотников на факторию, — нахмурившись, отвечает Мария. Волнуясь, она скручивает свой шерстяной пояс, и мне чудится теперь что-то бесконечно милое и детское в быстром движении ее худеньких пальцев.

Коротко рассказываю о появлении Чандары в Западной тундре, о похищении Нанги, о таинственных стойбищах Синего хребта и наших планах освоения далеких горных пастбищ.

Странное выражение появилось на лице Котельникова, когда он услышал о походе к Синему хребту.

Телеграмму Чукотторга о снабжении пастухов совхоза из Омолонской фактории он принимает, едва скрывая раздражение. Я перехватываю быстрый взгляд, сверкнувший ненавистью.

Склады уединенной фактории ломятся от товаров, и мне непонятна эта беспричинная злость. Однако Котельников соглашается снабжать продовольствием пастушескую бригаду Ромула. Вероятно, он не хочет осложнять отношений с представителями оленеводческого совхоза.

Радуюсь успешному завершению переговоров: теперь участники похода получают великолепную продовольственную базу на зимних пастбищах Омолона.

Приглушенный лай собак доносится с улицы. Переговаривая друг друга, кидаемся с Марией к двери и сбегает по ступенькам крыльца.

Великан в меховой куртке, опрокинув нарту, ухватив потяг, едва сдерживает ездовых собак. Натягивая постромки, они рвутся в драку к нашей упряжке.

— Пан, назад! — гремит густой голосяще.

— Булат, ко мне! — звонко откликается Мария.

Нелегко утихомирить освиrepевших псов. Дедушка Михась, улыбаясь, поглядывает на пылающее лицо Марии.

Она обнимает за шею грозного Булата, и передовик мирно трется острыми волчьими ушами о ее колени.

Негостеприимно встречает своего родственника Котельников. Насупившись, он даже не здоровается с дедушкой Михасем, когда мы втроем входим в магазин.

— Ну, купец, принимай пушнину... — Михась вытряхивает из брезентового мешка на прилавок груды мягких горностаевых шкур.

— Мария, где вы добыли столько горностая? — спрашиваю я шепотом.

— На Горностаевых озерах. Мы с дедушкой промышляли там весь месяц, — тихо отвечает она.

Котельников долго и придирчиво оценивает пушнину. Отборные шкурки были сняты чисто, и Михась насмешливо разглядывает злое, вспотевшее лицо своего родственника.

Почему Котельников плохо относится к своим близким? Удобно ли спросить об этом Марию? Дело с продовольствием уладилось. Пора возвращаться в пастушеский лагерь, но мне не хотелось так быстро покидать факторию.

— Оставайтесь у нас, а завтра утром поедете, — как бы угадывая мои мысли, просто говорит Мария.

Решаю переночевать на фактории, и мы отправляемся кормить собак. Раздавая юколу, я спрашиваю Марию, почему она не любит своего отчима.

— Он много горя принес маме и... душу променяет на деньги.

— А где ваша мама?

— Мама умерла...

Слезы на глазах, побледневшее личико, нахмуренные брови заставляют меня пожалеть о вопросе.

— Простите, Мария, я не знал о вашем горе.

— Это было давно... — Девушка встряхивает волной золотистых волос и вдруг тихонько касается моего плеча.

Теперь мне понятна грустная задумчивость Марии. В глуши тайги она росла без материнской ласки. Дедушка Михась вряд ли мог заменить ей мать.

Мы выскочили в лыжных костюмах кормить собак, и вскоре крепкий мороз загоняет нас обратно в факторию. Котельников уже принял горностаевые шкурки и записывает в большую конторскую книгу колонки цифр. Он погрузился в свое занятие и не замечает нас.

Дедушку Мария находит в маленькой кухоньке у чисто выбеленной печки. Заполнив крошечную комнатушку, Михась стряпает обед.

— Ой! Дедушка, опять? Опять готовишь?

Мария принимается отбирать у старика кастрюльки, сковороды и консервные банки. Михась осторожно отводит заботливые девичьи руки.

— Поговори с гостем, внученька, поговори, замолчала-сь ты у меня в тайге. Иди покажи свои книги и камни.

Неуловимые искорки вспыхивают и гаснут у нее в глазах. Она ласково принимает к дедушке и целует широкую жилистую руку.

Маленькая комнатка Марии оказывается очень уютной. Она не шире двух метров, в одно окошечко. Койка с белоснежной подушкой накрыта пушистым зеленым одеялом. Бревенчатую стенку над ней закрывает шкура белого оленя. На шкуре висят одностволка и патронташ, набитый гильзами. У окошка помещается самодельный письменный столик из выстроганных досок, а в углу — высокая этажерка, уставленная книгами.

Перегородку напротив койки украшает цветная карта мира. Вместо ковра на полу распластана мохнатая шкура бурого медведя. Меня удивляет блестящая черная ее шерсть и полоса снежно-белого меха на шее.

Короткий зимний день окончился, спускаются сумерки, и Мария зажигает на столе керосиновую лампу с матовым абажуром из оберточного пергамента.

— Неужели на Омолоне водятся черные медведи?

— Эту шкуру подарил дедушке Чандара...

Никогда не приходилось мне слышать о черномастных бурых медведях с ошейниками белого меха. Может быть, в горах Синего хребта сохранились такие медведи? Уж не сибирские ли это родственники черного гималайского медведя?

— Мария, подумай, ведь только гималайский медведь имеет черный мех и белый воротник...

Усаживаюсь рядом с девушкой за письменный столик. Ее пушистые волосы почти касаются моего лица, обветренного морозами. Как хорошо сидеть рядом с Марией в теплом жилье у горящей лампы, далеко-далеко от людских поселений, в сердце Омолонской тайги!

На столе замечаю чернильницу, вырезанную из белой древесины тополя. В деревянный бокал, в щеточку серебристого волоса выдры, вставлено длинное орлиное перо. У лампы лежат тетрадки и учебник физики.

— Вы занимаетесь физикой... на Омолоне?

— Не только физикой, — улыбается девушка, кивая на этажерку.

Средняя полка забита учебниками. Они не застаиваются на полке, об этом говорят истертые их корешки.

В тени абажура стоит фотография в лакированной рамке. Невольно протягиваю руку и беру фотографию. На полинявшей от времени, рыжеватой бумаге красуется живописная группа. В середине этой группы, свободно опершись на саблю, сидит на венском стуле широкоплечий бородач в кожаной куртке, с удивительно знакомым лицом.

Длинные, как у священника, черные волосы падают ему на плечи, богатырскую грудь закрывает пушистая борода. Орлиный нос с горбинкой, густые брови и продолговатые, темные глаза украшают открытое и смелое лицо воина.

На коленях у него небрежно лежит маузер в деревянной кобуре. Кожаная куртка на груди расстегнута и открывает на гимнастерке орден Красного Знамени.

Вокруг лихого командира тесной группой сошлись боевые его соратники — в кожанках и гимнастерках, в фуражках и папахах, косо перевязанных лентами. Около бородатого великана сидит, скрестив ноги, юноша в запыленных сапогах и вылинявшей гимнастерке.

Локти лежат на коротком кавалерийском карабине. Фуражка, сбитая набекрень, открывает чуб светлых выю-

шихся волос. Из-под чуба с фотографии смотрят знакомые ясные глаза, опущенные длинными ресницами; чуть нахмуренные брови разлетаются крыльями, мягко очерченные губы полуоткрыты...

Мария?!

У ног партизана расположилась с кавалерийским карабином Мария, переодетая в мужское платье.

В нижнем углу фотографии разбираю полустертую надпись: «Свобода, Равенство, Братство, 1921 год»...

Но ведь в гражданскую войну Марии еще не было на свете...

— Мария, кто это?

— Михась Контемирский — мой отец, он погиб в двадцать втором году...

— Где? — невольно срывается у меня.

— Двадцатого марта, под Якутском.

— А это... ваш дедушка?

— Нет, — печально улыбается Мария. — Друг дедушки, командир партизанской бригады Каландаршвили. Отец был его ординарцем.

— Каландаршвили? Ну конечно, Каландаршвили! Можно ли забыть лицо этого удивительного человека...

Год назад по дороге на Север в историко-революционном отделе Иркутского музея я долго рассматривал необычные фотографии легендарного партизанского комбрига.

— Мария, как подружился дедушка с Каландаршвили?

— Дедушку сослали в Сибирь из Одессы, а Каландаршвили — из Тифлиса. Они подружились в Иркутске, в 1907 году.

— Дедушка сражался на баррикадах? — тихо спрашиваю я.

— Да... почти. Он помогал восставшему «Потемкину».

Походная жизнь полна неожиданностей: в сердце Омолонской тайги я встретил дочь польского партизана, внуку ветерана революции.

Как сложно переплелись затем наши судьбы!

— А орден, орден Боевого Красного Знамени?

— Орден Каландаршвили получил в сражении под Читой. Там в двадцать первом году он разгромил японских самураев. В этом бою ранили отца.

Мария хмурится, она опускает голову и о чем-то за-

думывается. Так хочется успокоить ее, прогнать грустные воспоминания. Я осторожно беру маленькую холодную ручку, и она тонет в моих ладонях.

— Так нельзя... — улыбается девушка, осторожно высвобождая руку.

— Покажите свои камни.

— Камни?

Она живо опускается на колени, вытаскивает из ящика тяжелый полотняный мешочек и высыпает на стол груду гладких разноцветных камней. Обточенные водой, они играют всеми оттенками голубых и зеленых красок.

Что это: малахит или яшма? Иногда белые жилки кварца разбегаются по камню.

— Это галька. В лагунах Омолона вода у нас чистая, как слеза, а голубые камни на дне красят воду в изумрудный цвет.

Вдруг среди малахитовой гальки тускло блеснул самородок причудливой формы. Вытянутый изогнутым хоботком, он похож на мертвую золотую улитку без раковины.

— Самородное золото? Где вы его нашли, Мария?

— Дедушка говорит, что это слиток сплавленных самородков.

— Слиток? Золото плавится при очень высокой температуре — в тайге его не сплавить.

— Самородок мне подарил Чандара, когда впервые явился на факторию. Дедушке он подарил шкуру черного медведя...

— Опять Синий хребет!

Долго рассматриваем с Марией золотую улитку. Неужели в Синем хребте скрываются никому не известные россыпи золота?

Глава 5. СТОЛКНОВЕНИЕ

Дружба с Марией явилась сама собой. Незримыми узами соединила нас глубокая близость мыслей и устремлений. Еще недавно совсем чужие, мы стали близкими, как два друга, испытанные в одной беде.

Может быть, нашей быстрой дружбе помогло и одиночество. Ведь у девушки на далекой таежной фактории не было ни подруг, ни товарищей, и она жила одна.

Прощаясь, Мария в последнюю минуту сказала, что

Больше всего на свете нужно ценить дружбу, уметь делить и горе и радость, быть как одна душа. Я долго держал теплую руку в ладонях, и она не отнимала ее.

А теперь грустно и пусто вокруг. В лунном тумане стынет белая равнина Западной тундры. Холодно мерцают звезды во мраке полярной ночи, и полнеба охватывает светящееся туманное кольцо. Луна в центре огромного небесного венца, и кажется, что смотришь в жерло космической пушки, направленной на близкую планету.

Люди у бивуачного костра затерялись пылинками на дне сияющего стального колодца. Михаил указывает трубкой на венец в небе.

— Большая пурга будет. — В морозном воздухе голос каюра звучит странно и глухо.

В дальнем пути с Омолона нам везло — погода стояла ясная, морозная, в мягких снегах тайги собаки легко тянули тяжелую нарту по старому следу Михаила. Сегодня, в серые сумерки короткого полярного дня, мы оставили позади границу леса и теперь устроили последний привал на снежном панцире Западной тундры, у заструга, обточенного ветрами.

Вязанку дров Михаил прихватил у границы леса. Костер в зимней тундре не греет, спина под меховой кухлянкой мерзнет, коченеют ноги в двойных торбасах, и дрожь пробирает все тело. Отогреваю у огня пальцы и снова пишу дневник.

«...Булат по тебе скучает. Я часто говорю с ним, имя твоё услышит и тихо-тихо скулит. Михаил у костра курит, чай в котелке бурлит, а вокруг равнина в лунном тумане спит».

Не замечая, пишу в рифму.

— Чего пишешь и пишешь? — спрашивает каюр, неторопливо выбивая трубочку, точенную из кости.

— Так себе, нечего делать.

— Чай пить надо. Ветер, однако, грянет.

Прячу дневник. Михаил снимает с огня чумазый котелок, разливает в походные кружки дымящийся на морозе чай. Глотаем обжигающий напиток, и тепло разливается по жилам. Хлеб в рюкзаке замерз, хоть руби топором, и мы с волчьим аппетитом уписываем с чаем вареную оленину. Сочная оленина быстро возвращает потерянные силы.

Свертываем лагерь и снова пускаемся в путь. В зим-

ней тундре нам повсюду дорога. Свирепые северные ветры утрамбовывают снег в гладкий панцирь, сдувают сугробы, оставляя лишь голые лезвия застрогов.

В Западной тундре заструги вытянуты с юга на север, вдоль потока господствующих ветров. Наши полозья пересекают снежные гребни под углом около 30° (таково направление на близкую усадьбу оленеводческого совхоза). Теперь и в пургу каюр не собьется с пути, пересекая под избранным углом эти ветровые стрелы.

Собаки, повизгивая, мчатся галопом. Булат скачет, прижав уши, вытянув волчий хвост, натягивая потяг в струну. Сейчас, в призрачном свете луны, упряжка колымских псов смахивает на волчью стаю, тропящую след добычи.

По гладкому насту сани скользят почти с быстротой пассажирского поезда. Ветер обжигает лицо. Вцепившись в обмерзший ремешок, затягиваю капюшон кухлянки и вдруг сквозь песцовую опушку вижу мерцающие алмазные блески. Они вспыхивают и гаснут у горизонта снежной равнины.

— Неужели огни поселка?

Тревожно замирает сердце. Правильно ли я поступил, не выполнив распоряжения, оставив олений табун далеко на юге, в пустынных дебрях Омолонской тайги? Как примет директор наше самовольное решение?

Огни на горизонте разгораются ярче и ярче — это светят окнами домики центральной усадьбы совхоза на дальнем, высоко берегу Колымы. В поселке работает моторная электростанция, и электрические огни совхоза служат путникам тундры в полярную ночь надежным путеводным маяком.

Невольно вспоминаю дебри Омолона. Увижу ли я когда-нибудь электрические огни на диких плоскогорьях Синего хребта?

Колючий ветерок принимается дуть с севера. В лунном мареве дымит поземка, выются, изгибаются живые снежные струи, скрывая полозья. Нарта словно плывет в серебряном океане.

Наконец собаки сбегают на речной лед, устремляются в лабиринт протоков и, почуяв запах жилья, махом пролетают широкое снежное поле замерзшей Колымы. Обыпанные снегом скалы остаются левее, собаки с визгом выносят нарту на высокий правый берег.

Мы очутились на широкой улице поселка, укатанной полозьями многих нарт. Бревенчатые дома гостеприимно светят окнами. Уже полночь, но спать в полярном поселке не ложились. Ярко горят широкие окна главного общежития совхоза. Там ждет меня уют и тепло комнаты, устланной коврами оленьих шкур.

— Домой поедешь?

— К черту дом, гони к директору!

Хочу разом покончить с неприятным делом и отсыпаться, отсыпаться за долгий путь.

— Однако, крепко ругать будет!.. — сокрушенно качает головой каюр и, свернув в проулок, гонит упряжку на дальний край поселка.

Бревенчатый домик директора на отлете, среди листовенничного редколесья; там тоже еще не спят. Подкатываем к утепленному тамбуру.

Ох, как трудно переступить порог!

Сбрасываю кухлянку в сених, отряхиваю снег с путевых торбасов, толкаю дверь, обитую оленьими шкурами.

У чайного стола — Катя, жена директора. Она разливает в стаканы чай из шумящего самовара. Гладко причесанные русые волосы украшают миловидное лицо в редких крапинках веснушек, слегка вздернутый нос не портит лица, придает ему трогательную простоту.

— Ой, Вадим приехал!.. Иди же сюда, Алексей!..

В комнату стремительно входит невысокий стройный человек в белой сорочке, в галифе и хромовых сапогах. Покручивая ус, пристально смотрит в лицо блестящими темными глазами. Черные, слегка выющиеся волосы спадают на смуглый лоб, исчерченный тонкими морщинами. Подтянутый, собранный, он удивительно похож на Чапаева.

Это директор оленеводческого совхоза. Характер у него вспыльчивый, необузданный. Устало прислоняюсь к притолоке. Вид у меня, вероятно, растерянный.

— Что-о? Табун распустил?!

Голос директора звенит, срывается, на худощавом лице перекатываются желваки, у жесткой линии губ топорщатся закрученные усы.

— Табун цел, на зимовку поставил, на Омолоне...

Недобрая усмешка обнажает белые, как кварц, зубы.

— На Омолоне? А мой приказ — белкам под хвост?!

— Поздно, Алексей Иванович, было поворачивать... Решили зимовать в тайге.

— В трущобу табун завел, оленей бросил, сюда при-скакал?

— Ромул тоже решил ставить табун на Омолоне. Вот карту, материалы привез...

— К дьяволу материалы! Совхоз не институт, табун не опытный кролик — полтора миллиона сто́ит!

— Но помполит разрешил поход к Синему хребту.

— Помполит на материк смылся — оставил мне вашу кашу расхлебывать. Кой черт понес в тайгу, мало вам неприятностей в тундре!..

Директор взбеленился. Смуглой ладонью рубит воздух, словно шашкой. Михаил присаживается у порога и невозмутимо закуривает свою трубочку.

— Однако, хороший олений корм нашли в тайге, что твое одеяло, — указывает он трубкой на широкую кровать, накрытую пушистым заячьим одеялом.

— И ты, старый, туда же! Он Джека Лондона читался, готов весь совхоз на луну угнать, а тебе что на Омолоне нужно?

— Довольно, Алеша, ругаться. Люди умаялись с дороги, едва стоят... Садитесь...

— Не суйся, не бабье дело! Подавай чай... А ну, садитесь.

Сбросив лыжную куртку, усаживаюсь за стол. Моя рубашка, потемневшая от копоты, выглядит не совсем парадно.

— Эх, хлопцы разнесчастные! Как цыгане, кочуете и кочуете с оленями. Присмотреть некому. Приносите белье, я вам постираю завтра.

С благодарностью киваю Кате. Не раз выручала она из беды специалистов совхоза, умеряя слишком крутой нрав мужа. В северном поселке почти не было незамужних женщин. Многие из молодых обитателей совхоза вздыхали, поглядывая на Катю. Но она держалась с нашим братом строго — крепко любила своего Алексея. Может быть, поэтому мы чуть ли не боготворили ее.

Катю Алексей Иванович встретил на «материке» три года назад. Молоденькая скромная работница с «Трехгорки» полюбила черноусого северянина с крутым, огненным характером. Они поженились и вместе приехали в оленеводческий совхоз. Заботливые женские руки быстро

навели порядок в бревенчатом жилье директора. С той поры, рассказывали старожилы, мягче, отходчивее стал директор.

— Ну, романтик, расписывай «похождения в дебрях».

Не жалея красок, долго рассказываю о походе сквозь тайгу, о найденных полях зимних пастбищ в мачтовых борах Омолона, о продовольственных запасах одинокой фактории у Сохатиного Носа, о Котельникове и Контемирском, вскользь упоминаю о Марии.

— Хороша девка, знатно собаками правит! — вдруг прищелкивает языком Михаил, прочищая свою трубку. — Однако, женит Вадима...

Неожиданная реплика каюра смущает меня. Сбиваюсь и умолкаю.

— Влюбился, что ли, на Омолоне? — посмеивается Катя.

Проклинаю в душе свою неловкость. Почему смутился — не знаю. Ведь с Марией нас соединяет лишь дружба, и девушка ни о чем, кроме дружбы, не говорила.

Алексей Иванович хитровато шурится и прячет усмешку в черный ус.

— Пинэтаун к своей Нанге на Синий хребет рвется, ты невесту на Омолоне завел. Да разве повернут они табун...

Неуместная шутка задевает меня. Мы прорубались сквозь тайгу, мучились, прокладывая путь оленям, нас влекла на Омолон неукротимая жажда деятельности, горячее стремление освоить новые девственные земли, двинуть крупное оленеводство на юг, на пустующие таежные пастбища. Неужели он до сих пор не понимает этого?

— Хоть вы и директор, а Марию и Нангу к делу не путайте...

— Не учите! — взъерошился директор. — Табуном рисковать не позволю! Весной тундровых оленей не удержишь в тайге, уйдут к морю, растает табун, как сахар в стакане, а мне отвечать? Вернешь оленей в Западную тундру, и точка!

— Нет, повертывать табун с Омолона не стану.

— Что-о? Пока не ты, а я директор совхоза.

— А партийная организация, райком зачем? Жаль, нет помполита...

— Партийная организация, райком под суд за меня не пойдут.

— Будет, будет браниться.

Катя наливает опустевшие стаканы, подсовывает блю-
дочки с темно-вишневым вареньем из голубики — нашего
«полярного винограда».

— Ладно, хватит! Не прошибешь тебя разговорами.
Пей чай. Завтра поедем в райком.

Алексей Иванович хмуро покручивает ус. Разговор не
клеится. Молчаливо потягиваем крепкий, ароматный чай,
наслаждаясь домашним вареньем. Все усилия Кати при-
мирить нас разбиваются о невидимую преграду. Проща-
юсь с директором холодно. Катя провожает к порогу.

— Не забудьте, приносите завтра постирать и... не
грустите.

Серые Катины глаза вспыхивают смешинками. Креп-
ко сжимаю заботливую, дружескую руку.

Глава 6. КАБАЛЬНАЯ ГРАМОТА

Пурга разгулялась не на шутку. Северный ветер воет
в печной трубе, играет в проводах струнами полярной
арфы. Снег ударяет в замерзшие окна так, словно в стек-
ла бросают горсти сухого песка. На улице темно, и космы
слепающего снега кружатся под свист ветра, заматавая су-
гробами домики поселка.

Начался месяц пурги. В тундре прервалось сообще-
ние — слишком сильные и продолжительны бураны в этом
году; даже опытные каюры не решаются пуститься в путь.

Все собрались на усадьбе и отдыхают после беско-
нечных скитаний по тундре.

В комнате, устланной оленьими шкурами, тепло и
уютно. На бревенчатой стенке прибиты ветвистые оленьи
рога, висит оленья шкура, отсвечивает воронеными ство-
лами мой зауер.

Яркий свет электрической лампы льется из-под аба-
жура, освещая письменный стол с бумагами. Сильные
порывы ураганного ветра замыкают иногда провода, свет
на мгновение гаснет, и чугунная печка светится в темноте
огненно-красным сиянием.

Давно перевалило за полночь. Поселок спит, укутан-
ный сугробами: Поет пурга, как будто скрипка плачет за
белыми обмерзшими окнами.

Тоскливо на душе... Неужели всегда новое пробивает
дорогу в такой непримиримой борьбе?

Два месяца торчу на центральной усадьбе, а толку нет. Боясь лишней ответственности, Алексей Иванович не согласен пускать табун к Синему хребту. В райкоме он назвал омонский поход авантюрой. Я не остался в долгу и обвинил его в трусости. Мы сцепились на совещании, как драчливые олени, и теперь почти не разговаривали.

Ведь это огромное дело — подарить отчизне в трудную минуту громадный узел девственных пастбищ, крупнейшее оленеводческое хозяйство в сердце Колымской тайги, совсем близко от золотых приисков Дальнего таежного строительства.

Не желая осваивать Синий хребет, директор собственной рукой лишал хозяйство перспектив: в тундре, в кольце многотысячных стад оленеводческих колхозов, совхозу расти некуда.

Райком не решил нашего спора. Посоветовали запросить Якутск. Телеграмма ушла два месяца назад, но Якутск молчал. И вот час назад радист передал по телефону из районного центра неожиданный телеграфный ответ: «Колымский совхоз передан Дальнему строительству решайте сами на месте»...

Какой крутой поворот в нашей жизни! Не изменит ли передача совхоза внезапно и судьбу омонского похода?

Управление строительства помещалось далеко на юге, в Магадане, пожалуй, не ближе Якутска. Но золотые прииски строились в сердце Колымской тайги, на подступах к пустынным плоскогорьям Синего хребта.

Почему Якутск не дал прямого указания штурмовать Омонскую тайгу? Неужели там не понимают, что наши противоположные взгляды не примиришь на месте?

Вероятно, и директор не спит, получив эту хитроумную телеграмму. Решаю отправиться к нему для последнего объяснения.

Буря достиг особенной силы. Бревенчатый дом сотрясают тяжелые удары ветра. И вдруг в минутное затишье слышу за окном приглушенный лай ездовых собак и скрип полозьев. Прислушиваюсь... Снова ничего не слышу сквозь вой снежного урагана.

Почудилось? Разве найдутся люди, готовые пуститься в путь сквозь гибельную пургу?

Чу, опять...

Брякает гиря у входа. В коридоре шорох. Тихие шаги,

ближе и ближе. Кто-то невидимый шарит по стене. Отворяется дверь.

Сгорбленная белая фигура в обледенелых мехах перебирается через порог. Лица не видно: малахай закутан обледенелым шарфом. Снежный гость, точно слепой, протягивает руку и оседает на оленью шкуру.

Подхватываю ночного пришельца, отдираю примерзший шарф, сбрасываю малахай.

— Пинэтаун?!

Красное от мороза лицо неподвижно. Пурга затянула ледяной коркой кухлянку, меховые штаны, камусы...

Хватаю с полки флягу со спиртом. Пинэтаун судорожно глотает обжигающую жидкость. Открывает глаза, жмурится в тепле раскаленной печки.

— Ух, доехал!.. Совсем замерз! — невнятно бормочет юноша заплетающимся языком.

— Ноги поморозил?

— Ко... не знаю.

Стягиваю торбаса с меховым чулком. Ноги оковенели, но, кажется, целы: спасли чулки из пушистого волчьего меха и стельки из сухой травы.

— Откуда ты, что с оленями?

— Ромул в Западной тундре...

— Табун повернули?!

— Нет, олени на Омолоне с Костей.

Ничего не понимаю. Уж не во сне ли вижу Пинэтауна? В последнее время часто мучат кошмарные сны. Трогаю холодные льдинки, примерзшие к меху, — не сплю. Рядом живой Пинэтаун. Он блаженно улыбается теплу и тихо спрашивает:

— Почему долго не ехал? Совсем запутались: не знаем, куда кочевать: вперед к Синему хребту, обратно ли в Западную тундру? Ромул думал, думал, к директору поехал, тебя искать...

— Да где же он?

— В первой бригаде у Прокопия спит — олени не идут, страсть пурга крутит. Я собак у Прокопия брал, к тебе поехал.

Ну и дела! Бригада Прокопия стоит на зимнем стойбище у границы леса, в пятидесяти километрах от усадьбы совхоза. Не представляю, как пробился юноша один сквозь снежный смерч чудовищной пурги, бушующей в открытой Западной тундре?

Пинэтаун вытаскивает из-за пазухи замшевый мешочек, непослушными пальцами развязывает ремешок, встряхивает на оленью шкуру комсомольский билет, серебряную медаль и два пакетика, склеенные треугольником.

— Письма тебе привез...

— Два письма?

— Одно Костя прислал. А это Мария велела передать. Без тебя совсем скучная девка стала.

Письмо Марии... Радостно дрогнуло сердце. Осторожно прячу крошечный конвертик в карман лыжной куртки. Не хочу читать письмо девушки на людях. Распечатываю Костино послание.

Пишет, что олени отлично провели зимовку, пора выбирать место отела. Но куда двигать табун? Ромул трусит, едет к директору — рассчитывает повернуть оленей обратно на Колыму. Оканчивая письмо, Костя язвительно спрашивал, долго ли мы с директором будем «тянуть кота за хвост».

Вовремя Пинэтаун прорвался сквозь пургу. Появись Ромул на центральной усадьбе — всему делу крышка. Алексей Иванович не преминет воспользоваться паническим настроением бригадира и вернет оленей в тундру.

Нельзя терять ни минуты. Угощаю Пинэтауна горячим чаем и поджаренными оленьими языками. Рассказываю о настроении директора, о неожиданной телеграмме из Якутска. Юноша сонно кивает, укладывается на мою койку и мгновенно засыпает.

Пора...

Натягиваю меховой комбинезон с капюшоном, одеваю мохнатые рукавицы, запираю на ключ комнату (пока никто не должен знать о появлении Пинэтауна), отворяю дверь тамбура и окунаюсь в гудящий омут пурги.

Ветер сбивает с ног, тащит по гладкому насту в воющую темь. Ошупью переползаю высокие сугробы, защищая лицо от жалящих ледяных игл. Снимаю с пожарного сарая лопату и долго пробираюсь сквозь упругий снежный вихрь, цепляясь за жерди оград.

В снежном водовороте пурги ползущий человек в меховом комбинезоне, в круглом скафандре обледенелого капюшона похож, вероятно, на водолаза, заблудившегося на дне океана.

После стычки в райкоме я не появлялся у Алексея Ивановича. Мы виделись только в конторе совхоза. Домик замело ребристым сугробом. Над снегом торчат макушки засыпанных лиственниц. Едва светит обмерзшее окно.

«Не спит...»

Прокапываю траншею к заснеженному тамбуру. Ветер рвет из рук лопату, слепит снежной пылью. Внезапное вторжение не удивляет директора. Он сидит за столом, подперев худощавой ладонью смуглую небритую щеку, словно поджидая гостя. На столе исписанный лист бумаги.

Катя крепко спит, свернувшись под заячьим одеялом. Пушистые волосы волной раскинулись на подушке. Невольно люблюсь спящей молодой женщиной.

— Пришел, возмутитель спокойствия?

— Пришел, Алексей Иванович.

— Читал?

— Читал...

— Ну, «решим на месте»?

— Пойдем к Синему хребту. Не угоним табун в тайгу, стесним летома стада у Полярного океана — сгубит оленьей копытка.

— Копытка, говоришь. Ну, это не страшно — стихия, спросу нет, а вот табун в тайге распустишь — за решетку угодишь.

Едва сдерживаю возмущение: он готов потерять оленей от эпидемии, лишь бы не рисковать своим благополучием. Неужели и последнее объяснение окончится пустой вспышкой, тяжелым личным столкновением?

Разворачиваю на столе карту. В двухмесячное «сидение» на усадьбе разрисовал цветной тушью маршрут похода на Омолон, неизвестные речки и озера, часть омолонского русла, сопку Поднебесную, ягельные боры и в дальнем углу карты безымянные вершины Синего хребта (положил их на градусную сетку засечками с двух омолонских сопок).

— Смотрите, сплошные поля ягельников, олени в тайге привыкли, зимовку хорошо провели...

— Ну, это еще неизвестно. Промышленники с Колымской займки пишут: оленей ваших видели в устье Омолона, повернул твой Ромул обратно табун,

— Не повернет Ромул оленей!

Алексей Иванович хмуро разглядывает карту, почесывая небритую щеку. Глубокие морщинки залегли между черными бровями. О чем он думает? Ох, если бы он знал, что Пинэтаун спит в главном общежитии совхоза, а в ближней пастушеской бригаде переживает пургу Ромул, рассчитывая получить приказ об отступлении.

— Передача совхоза, Алексей Иванович, на носу. Магадан поддержит поход к Синему хребту — живое мясо на ногах к приискам подгоняем.

Искра тревоги мелькнула и погасла в темных глазах, — кажется, попал в цель. Может быть, передача совхоза таежному строительству перевесит чашу весов?

Он решительно встряхивает густой шевелюрой:

— Ладно, пойдешь к Синему хребту...

— Алексей Иванович!

— Пойдешь, если подпишешь документ.

— Документ?

Директор подвигает мне лист плотной бумаги, исписанный размашистыми строками. Читаю бумагу, буквы пляшут перед глазами — вот последний козырь.

— Ого! Кабальная грамота...

— Не согласен? — живо спрашивает Алексей Иванович, пряча усмешку в черный ус.

На бумаге написано от моего имени согласие принять на себя всю материальную ответственность за перегон трехтысячного табуна оленей на плоскогорья Синего хребта.

— Что, не понравилось? Это тебе не диссертация... Полтора миллиона на ногах — к приискам гонишь, а на меня напиралась... Вот и решай теперь.

Читаю ультиматум. И только сейчас представляю всю глубину ответственности и риска перегона полудиких тундровых оленей в глубь девственной тайги. Как заглянуть в будущее, увидеть, что ожидает меня на плоскогорьях Синего хребта? Имеет ли право директор в государственном хозяйстве требовать единоличной ответственности? Ведь личная ответственность в советском хозяйстве сочетается с коллективной. А если распустим табун в тайге? Что тогда?

Последний ход рассчитан тонко: не лучше ли действительно отступить, повернуть табун на Колыму и спокойно плыть по течению, ни за что не отвечая?

Директор хитровато шурится, словно читая скрытые

мысли, и преспокойно ожидает ответа. Сейчас он его получит! Хватаю ручку и подписываю «кабальную грамоту»; жирная клякса срывается с пера вместо точки.

— Тыфу ты, бес, подписал!..

— Пишите теперь распоряжение Ромулу ставить табун на отел в Омолонской тайге.

— Черт с тобой, лезь в омут, Жюль Верн омолонский!..

Махнув рукой, директор быстро пишет приказ на клочке бумаги, ломает перо, вытаскивает из кармана печать и прихлопывает бумажку так крепко, что на столе подпрыгивают и звенят стаканы.

Катя тихо вскрикивает во сне, откидывая одеяло.

— Бери, что ли... Хватит на чужих жен поглядывать, — вдруг смеется Алексей Иванович. — Любуйся на Омолоне своей Марией.

Беру приказ. Сердиться не могу, буйная радость теснит грудь. После отела оленей из тайги уже не повернешь, судьба похода к Синему хребту решилась.

Прощаюсь. Говорю, что выеду на Омолон утром.

— В такую пургу ехать? Окончательно спятил...

— Нужно, ждут вашего приказа на Омолоне.

Хочу во что бы то ни стало перехватить Ромула в бригаде у Прокопия и завернуть на Омолон. Прошу Алексея Ивановича не показывать моего обязательства никому на усадьбе, не мешать делу обезличкой в походе, ведь Ромул должен головой отвечать за табун.

— Не учи... без тебя знаю! Что же я, не советский человек, что ли? — ворчит он, пряча документ в полевую сумку.

Я задумался. Еще не поздно повернуть табун. Может быть, директор опытнее в этих делах, и лучше послушать осторожного совета, пока не поздно... Вспоминаю товарищей и вдруг с особой остротой понимаю, что выиграл битву, отступить нельзя.

— Поехал. Не поминайте лихом!

— Ой, да упрямый ты... чалым.

Он сжимает на прощание руку, и злость больше не портит красивого цыганского лица. В эту выюжную ночь я не предполагал, что свидеться нам больше не придется — непредвиденные обстоятельства навсегда разведут наши пути.

Ночью я распечатал письмо Марии. За окном по-прежнему бесновалась пурга. Пинэтаун крепко спал на койке, раскинув руки. В потертом конвертике оказался смятый листок, исписанный знакомым мелким почерком. Вот что писала девушка:

«Пишу потому, что не знаю, увидимся ли мы. Помните, как хорошо было вместе: тихим пламенем горела лампа, время близилось к полуночи, а мы долго перебирали омонские камни, рассматривали золотой самородок. Я была так счастлива. Теперь у нас часто бывает Костя. Дедушка подружился с ним. Костя привозит нам книги из походной библиотечки, и все такой же — нарочно злит меня. Снова перечитала «Как закалялась сталь». У жизни нужно брать только хорошее, воспитать в себе правдивость, справедливость, настойчивость и выдержку, умение постоять за себя и своих товарищей. Вам я все могла говорить и не скрывать ничего. Быть может, наши души и мысли очень близки друг другу? Не хотела посылать письмо и даже смяла его. Но Ромул говорит, что вернет оленей на Колыму, и Вы, может быть, не приедете к нам никогда. Я хорошо понимаю — можно так слиться с делом, которому служишь, что не останется ни места, ни желания, ни времени собственному «я». Если можно, приезжайте.

Ваш друг Мария».

Письмо взволновало, как нежное прикосновение дружеской руки. Я завидовал Косте: он мог когда хотел видеть Марию, слышать ее голос и говорить с ней. Хотелось чем-то хорошим отблагодарить девушку за ласковое слово. Вот тут я и вспомнил о Булате. Одедся, снял со стены свой заур и выбрался на улицу.

Долго пришлось карабкаться по сугробам, проклиная пургу, к одинокой хижине Михаила. В окошечке не было света — каюр спал. И я едва добудился старика, барабана из всей мочи в обмерзшие стекла.

Неожиданная просьба, да еще в полуночье, удивила каюра. Я просил отдать, в обмен на ружье, Булата — передовика Михайловой упряжки. Михаил купил Булата у промышленников слепым щенком, вырастил в крепкого ездового пса и обучил водить упряжку. Часто каюр брал

с неутомимым Булатом первые призы на районных гонках, и передовика, похожего на волка, мечтали заполучить многие каюры Нижне-Колымской тундры.

Но и мое ружье славилось на весь район метким боем. В этой стране дичи ему не было цены. У Михаила разгорелись глаза: весной и осенью он промышлял пролетных гусей и такое ружье имело для него особую ценность.

Старый каюр осторожно поглаживал блестящие «крученые» стволы, покачивая седой головой:

— Эх, парень, знать, присушила тебя девка, коли дорогое ружьишко отдаешь!

Для виду старик поторговался, попросил в придачу дрови и, не вытерпев, ударил по рукам, уж больно хотелось поскорее получить драгоценное ружье.

Кто мог подумать, что несколько часов спустя этот счастливый обмен сохранит нам с Пинэтауном жизнь.

И вот нарта скользит по льду Колымы. Темно, не видно собак в снежной сумятице пурги. Потяг натянут, где-то впереди наваливается на постромки Булат с дюжиной ездовых псов. Передовик отлично ведет упряжку сквозь пургу.

Ветер воет и пронзительно свистит, крутит и гонит снег по темному, оголенному льду. К счастью, дует в спину, и упругий воздушный поток подгоняет нарту.

Передо мной покачивается на санях белая фигура Пинэтауна, укутанная в меха. Юноша правит, чутьем угадывая незримые приметы санного пути. Пора сворачивать в Боковую виску, она где-то тут близко и поведет нас к низкому, левому берегу Колымы.

Отыщет ли Пинэтаун в слепящем снежном вихре узкий вход в протоку?

За пазухой кухлянки, в кармане лыжной куртки, спрятан заветный приказ. Тут же, у самого сердца, письмо Марии в маленьком истертом конвертике. Теперь письмо долго будет кочевать со мной в снегах.

Дорогой ценой куплен приказ о наступлении: всю душу вымотали два месяца треволнений на усадьбе. Припоминаю жаркие схватки на совещаниях и документ, оставленный в залог директору, затягивающий мертвую петлю при малейшей оплошности.

В санях увязаны в палатку походная печка, спальныи мешки, рюкзаки с нехитрым скарбом и двухнедельный запас продовольствия. На собаках едем к Прокопию, где

переживает пургу Ромул. Дальше на Омолон ринемся на сытых, отдохнувших оленях.

Сквозь вой пурги впереди чудится странный металлический лязг.

— Слышишь, Пинэтаун?

Юноша кивает и останавливает нарту:

— Неужто лед ломает?

Пинэтаун тревожно прислушивается к необычным звукам. Металлический грохот слышится яснее и яснее, приближаясь с каждой секундой. Снежная пелена засветилась словно изнутри, и вдруг совсем близко смутно вспыхивают огни.

Ну и дьявольщина!

Что-то большое, гремящее ослепляет фонарями, наползает из тьмы, лязгая железом; кажется, навстречу мчится грохочущий шаровоз.

Булат с рычанием прыгает в сторону, увлекая растерявшихся собак. Нарты опрокидываются. Прыжок передовика спасает от губительного столкновения. Обсыпанный снегом, ревущий мотор с горящими фарами повисает над санями. В последнюю минуту водитель успевает затормозить.

— Вездеход? На льду Колымы?!

Космы серебристого снега вьются в лучах электрических фар. Заснеженная дверка кабины отворяется. На снег выпрыгивает высокий человек в канадской штормовой куртке. Он нагибается и кричит сквозь вой пурги и рев мотора:

— Извините, едва не раздавили... Далеко ли до усадьбы?

— Три километра! Сворачивайте к скалам...

Рев мотора заглушает голос. Приезжий манит в кабину.

Узнаю вездеход аэропорта. Зачем тяжелую машину гонят в такую дьявольскую пургу из районного центра в оленеводческий совхоз?

Отряхнув снег, втискиваемся с Пинэтауном вслед за приезжим в кабину вездехода и захлопываем дверцу. Рев мотора стихает. Светятся циферблаты приборов, блестят белки глаз водителя. Его-то я знаю—это механик аэропорта. И еще кто-то незнакомый сидит в кабине.

— Привет, Джек Лондон, куда в такую непогоду по-

несло?.. Чуть не прихлопнул тебя гусеницей! — Механик включает в кабине свет.

— На Омолон еду.

Незнакомец быстро откидывает капюшон. Он еще молод. Лицо широкое, на высокий лоб спадают каштановые пряди, четко обрисованы полные губы; из-под густых бровей внимательно смотрят живые серые глаза.

Незнакомец протягивает большую ладонь и улыбается, поблескивая золотым зубом:

— Так вы и есть омолонский Жюль Верн? Познакомимся. Андрей Буранов... из Магадана. Еду принимать ваш совхоз.

Голос у него мягкий и звучный.

— В такую пору? Как пробрались в Заполярье?

— Самолетом до Средне-Колымска, «по веревочке» — почтой в районный центр, на вездеходе к вам.

— Ловко! В Магадане не зевают.

— Вездеход на усадьбе загрузят оленьей?

— Конечно, у короля целый штабель мороженных тушек.

— А районный центр без мяса... — хмурится Буранов.

— Пургу переживаем, не везут олени в такую непогоду.

Гость из Магадана усмехается:

— Переживать непогоду будем — далеко не уедем.

А техника на что?

— Ого, видно, в Магадане не привыкли ждать!

— Не привыкли... — спокойно соглашается приезжий.

Много чудес наслышались мы в Заполярье о Дальнем таежном строительстве, о преобразовании целого края в верховьях Колымы, Индигирки и на Яне. Очевидно, там, на Юге, совсем иной размах жизни.

Снег бессильно ударяется в смотровые стекла.

— Вот бы Омолону такой размах, — размышляю вслух.

Буранов с любопытством поглядывает на меня.

— Рад, что встретились, нужное дело задумали с Омолоном, но рискованное.

— Нужное? Не все так думают...

Рассказываю о своих тревожнениях. Вытаскиваю из полевой сумки карту и показываю обширные ягельные боры, открытые на Омолоне, они раскрашены на план-

ште желтой тушью. Рассказываю и о бумажке с тяжким обязательством.

— Лихой директор! — смеется Буранов. — Хорошо, что не испугались. Ехать на Омолон нужно, и быстрее, а вот гнать многотысячный табун дальше на плоскогорье Синего хребта без глубокой разведки нельзя.

— У нас ламутская карта Синего хребта есть.

— И ей полсотни лет? А если тайга сгорела, в гаях загубите табун?

Буранов, конечно, прав. Вероятно, в райкоме он хорошо ознакомился с нашими омонскими материалами. О разведке Синего хребта мы давно мечтали. Но два месяца, потерянные на усадьбе, отняли драгоценное время. Правда, была последняя возможность... Но можно ли думать об этом в военное время?

— Есть одна возможность быстрой разведки...

— Какая? — живо спрашивает Буранов.

— Самолет. Осмотр с воздуха Омонской тайги и подходов к Синему хребту.

Гость из Магадана задумывается. С тревогой всматриваюсь в мужественное лицо, тронутое полярным загаром. Не сгоряча ли брякнул о самолете, и так уж окрестили «омонским Жюль Верном», ведь каждый самолет дорог сейчас далекому фронту.

— Самолет... — Буранов задумчиво потирает лоб. — Вы, кажется, правы — единственная возможность. А ну-ка, пишите докладную генералу.

— Сейчас, генералу?!

— Да, сейчас. Я передам ее начальнику строительства в Магадане.

Буранов протянул блокнот и самопишущее перо.

Быстро пишу короткую докладную записку начальнику строительства. Будет ли толк из этой бумажки? Пинэтаун недоверчиво поглядывает на приезжего, обещающего самолет.

Тогда я еще не знал, что этот человек не бросал слов на ветер.

— Ну, Пинэтаун, прощай, ищи свою Нангу!.. А вы передавайте привет Марии.

Все знает. Краснею и, скрывая смущение, сдавливаю бурановскую руку так крепко, что он вскрикивает.

— Ну и ручкища у вас! Может, встретимся на Омолоне, а?

— О, приезжайте к нам! Вам понравится Омолонская тайга.

Мы с Пинэтауном выпрыгиваем на лед. Буранов, прощаясь, машет рукавицей, захлопывает дверцу, мотор ревет, и вездеход, взметая гусеницами снежную пыль, исчезает во мраке ненастья.

Пинэтаун замер, прислушиваясь к затихающему вдали рокоту. Вокруг крутятся, завиваются снежные вихри. Ледяные иглы жалят лицо, воет и свистит ветер.

Уж не привиделся ли нам вездеход в пургу?

Глава 8. РУБИКОН

Куда они запропастились?

На месте зимнего стойбища остались лишь остовы палаток и запорошенные снегом головки давно потухших костров. Опустевшие проруби на озере замерзли, а оленьи коповище¹ в ягельных борах замела пурга.

Пусто...

Ромул разгребает снег и ошупывает угли покинутых очагов. Пинэтаун бродит между мачтовых лиственниц, рассматривая следы. Усталые олени лежат у нарт, поводя боками, шерсть у них в белой опушке изморози: пурга сменилась сильным морозом.

Совершив последний утомительный переход, мы только что выехали на Горностаевые озера, рассчитывая отдохнуть в тепле, среди товарищей. И вместо стойбища нашли пустой заснеженный берег.

Почему Костя снял зимнее стойбище, куда двинул оленей?

Ромул поднимается и хмуро закуривает свою неизменную трубочку.

— Два дня назад укладывали. Зачем ветеринарный врач табун гонял, кто будет отвечать, а?

— На Омолон ушли! — кричит Пинэтаун, махнув на юг рукавицей.

Кой черт понес Костю на Омолон! Уж не повел ли он табун к Синему хребту на собственный страх и риск? Это Костя мог сделать.

Ромул злится. Взмахивая поводком, поднимает упряжку. Ездовые олени у него отменные — крепкие, жир-

¹ Коповище — место, где олени паслись, разгребая снег копытами.

ные быки чукотской породы. Он ловко садится на легкие чукотские «турки», связанные ремнями из кривых оленьих рогов и тонких изогнутых планок. Нарта похожа на этажерку, и кажется, что рассыплется на ближайшей кочке.

Ездить на таких нартах надо умеючи, ловко балансируя при толчках. Ромул мчится впереди, мягко подпрыгивая на изрытой оленьей дороге. Едва поспеваю за ним на своей якутской нарте с прочной дугой «барана». С такой дугой, охватывающей спереди полозья, не зацепишься за стволы.

Пинэтаун на легких «турках» замыкает стремительно несущийся караван. В упряжке у него пара пестрых беговых оленей.

Широкая полоса умятого снега ведет сквозь лиственничный бор напрямик к Омолону.

Десять дней назад мы с Пинэтауном благополучно пробрались сквозь пургу к ярангам Прокопия и перехватили Ромула, который собирался ехать на центральную усадьбу совхоза.

Ромул долго вертел приказ директора, недоверчиво шупал бумажку пальцами, огрубевшими на морозе, по складам читал размашистые строки, разглядывал печать. Тихо выругавшись, он с досадой плюнул и согласился ехать обратно на Омолон.

Дорогу в тайге пришлось торить заново. Пурга замела старый след. По очереди мы шли на лыжах впереди упряжек, и все равно олени проваливались по брюхо в рыхлый снег. Останавливались лишь на короткие ночлеги, и в десять дней совершили чудо — снова проложили санный путь на Омолон.

Долго мчимся по следу ушедшего табуна. И вдруг среди лиственниц вижу оленей. Они лениво копытят снег, добывая корм. На дне брошенных снежных ям пестрит ковер ягельников. Олени скусывают лишь самые лакомые пушистые верхушки клядони. Ну и раздолье им в девственных ягельных борах!

Появляются группы и косяки оленей. Здесь пасется весь наш табун.

Впереди, в просветах между стволами, белеют широкие поля заснеженных русловых протоков Омолона и на бесчисленных островах — купы тополей и чозений, окутанные пушистой изморозью. Снежный узор их ветвей сливается вдали с нежно-сиреневым зимним небом.

Олени, почуяв дым близкого стойбища, мчат галопом. В лицо летят и бьют комья снега, позади нарт клубится снежная пыль.

— Ух, вот они!.. — кричу я.

На широкой поляне дымят палатки, курятся яранги, накрытые оленьими шкурами. Вереницей вытянулись увязанные нарты, готовые к походу.

— Куда еще собрался Костя?

Наше внезапное появление всполошило стойбище. Из шатров выбегают пастухи, из большой белой палатки кубарем выкатывается Костя.

— Костя, приказ везем!

— Наконец-то... пропавшая душа!

Обнимаемся. Костя душит меня медвежьей хваткой. В меховых брюках и оленьей куртке он действительно смахивает на лесного медведя.

— Куда табун двинул, медведь?

— Омолон переходить хотел.

— Омолон... без разрешения?

— Плевать на разрешение! Приплод губим...

— Почему, что случилось?

— Омолон не перелезем вовремя — телят угробим.

— Успеем... Приказ теперь есть.

— К дьяволу бумажки! Там на полсотню километров ни кустика ягельников нету.

Костя указывает на Омолон. Стойбище приютилось у края приподнятой террасы. Она обрушивается к замерзшей реке нагромождением ржаво-красных обледенелых утесов. Внизу белую целину Омолона режет прямой, как струна, след нарты. Он уходит на юг в сторону противоположного берега и теряется между дальних островов.

— Пятьдесят километров...

Теперь понимаю, какая опасность грозит оленям. Костя рассказывает о разведке зимних пастбищ, которых хватит на этом берегу Омолона на два крупных оленеводческих совхоза, и о последнем маршруте через Омолон...

Ширина безъягельной омолонской поймы достигает тридцати километров. На противоположном берегу тайга на террасах Омолона выгорела, и двадцатикилометровая полоса мертвого леса преграждает путь к обширным ягельным полям, которые Костя обнаружил за гарью, на уступах заомолонских сопок.

— Представляешь мое настроение? Тебя и Ромула нет, дни идут, отел на носу; пятьдесят безъягельных километров табун может едва осилить, пока осенний жирок олени не спустили. Пропустишь время — крышка; голодный переход через Омомон будет невозможен — массовые выкидыши начнутся. А у нас две тысячи важенок с телятами в брюхе. Ну и решил двинуть табун, пока не поздно, через Омомон. Хотел завтра кочевать на ту сторону.

Чуть поодаль молодые пастухи тормозят Пинэтауна. Почти четыре месяца люди не слышали фронтовых известий. Юноша рассказывает о стремительном наступлении нашей армии, о смелых операциях партизан в глубоком тылу врага.

Ромул молчаливо курит, слушая взволнованные разговоры.

— Омомон будем смотреть, — вдруг говорит он, выколачивая трубку.

Бригадир подзывает Кымыургина. Подбегает низенький, широкий в плечах парень, перевязанный чаутом. Ромул велит ловить свежих ездовых оленей и приглашает пить чай в свою просторную ярангу.

Откидывая рэтем¹, едва сдерживая волнение, спрашиваю Костю: давно ли видел Марию и здорова ли она? Приятель хмурится. Несвойственное выражение грусти мелькает и гаснет на его лице.

— Да что ей сделается! Все тебя ждет, нос задирает, мадонна омомонская.

Слова Кости поднимают горячую волну в душе: «Милая Мария, ждет! Когда же увижу ее?»

Входим в холодный шатер яранги, сбрасываем кухлянки и вползаем в теплую меховую комнатку зимнего полога.

— А Михась?

— Хороший дед... все горностая промышляет. А Котельников — сволочь, в дым разругался с ним! Пастухов хотел обмануть. Предложил мне такую комбинацию с нормой продуктов!.. Чуть морду ему не разбил!

Костя сжимает кулачище. За два месяца привольной зимовки он поправился, поздоровел, заметно раздался в плечах.

¹ Рэтем — меховой полог у входа в жилище.

— Ну, ты, брат, поосторожнее, еще снабжать пастухов откажется.

— Пусть попробует, всю конторку разнесу... Жулик он! — зло бормочет Костя.

И все-таки осложнять отношения с Котельниковым не следует, лучше примирить с ним Костю при удобном случае. Я и не подозревал, что в эту минуту Котельников готовил предательский удар в спину.

Час спустя отправляемся на свежих упряжках осматривать путь завтрашнего кочевья. Откладывать переход табуна через Омолон невозможно.

Старый след Костиной нарты уводит в лабиринт заснеженных проток. Удивляюсь необычайной мощи чозениевых и тополевых рощ на островах. Вокруг вздымаются могучие стволы, смыкаясь тяжелыми снежными кронами над белыми протоками. Мчимся словно в снежных туннелях, освещенных искусственным матовым светом.

Ромул скользит на своей легкой нарточке, внимательно оглядывая заснеженные островные чащи. На гибких ивовых ветвях сидят рябчики. Вспоминаю день, когда мы ехали с Марией на факторию. Так же, как тогда, непуганые птицы не улетают, близоруко приглядываясь к бегущим оленям.

В молодых ивовых рощах снег сплошь утопан заячьими лапами. Среди стволов мелькают заячьи уши. В этих дебрях зайцы почти не боятся человека и похожи на кроликов.

Проехали километров пятнадцать. Протоку пересекает тропа лосиных следов. Неожиданно Ромул сворачивает по следу и скрывается в боковой протоке.

— Куда помчался бригадир? Разве догонишь лосей на оленьей упряжке?

Гоним свои нарты вслед. Отдохнувшие олени переходят в галоп. Настигаем Ромула. Свернув в узкую протоку, он остановил нарту у просветленной рощи высокоствольных чозений.

— Нартовой дорогой лучше ехать, — советует Костя. — По компасу проложил, прямо на тот берег.

— Обед оленям искать будем, — отвечает Ромул, вытаскивая кисет и трубку. Он хитровато шурит свои продолговатые монгольские глаза.

Костя свертывает и закуривает гигантскую «козью ножку».

— Ягельников на островах нет. Я уже искал.

Остановились у самого края чозениевой роши. Повсюду следы лосей. Но странно — обьединенных прутьев и обгрызенной коры не видно. Лоси, как северные олени, копытили тут снег.

Лесные великаны не едят ягельников. Что искали они под снежным одеялом?

Ромул выколачивает пепел, прячет трубочку, достает с нарты короткую деревянную лопатку с хитроумно подвязанным ремешком и разгребает снег. С ремешком раскидывать снег лопаткой очень удобно.

— Что такое?

Под снегом нежно зеленеют растеньица, похожие на крошечные тропические пальмы. Пушистые зеленоватые стебельки густо застилают песчаную отмель.

Хвощи?!

Ромул идет вдоль протоки, копая снег, и везде ковер хвощей еще сохраняет под снегом свою свежесть.

— Совсем жирные станут олени — хвощи зимой все равно что масло людям! — бормочет бригадир, разгребая новые и новые снежные лунки.

Переглядываемся с Костей. Вот так Ромул! В хвощах химики обнаружили уйму белков, и олени на этих глухих протоках подкрепят свои силы в дальнем переходе через Омолон.

Как хорошо, что с нами Ромул! Всю жизнь кочевал он с оленями, великолепно изучил повадки этих полудиких животных. С таким бригадиром можно проложить дорогу хоть куда.

В стойбище возвращаемся ночью. Усталости как не бывало, на душе легко и свободно. Луна освещает таинственным светом снежные коридоры проток. Опустив повод, еду последним. За Костиной нартой олени бегут ровной рысью. Маршрут завтрашнего похода размечен. Опять приходится откладывать поездку на факторию, к Марии. Но теперь, кажется, ждать недолго.

Олени рванули галопом, выносят нарту по крутому скату на террасу. В лунном мареве палатки и яранги кажутся фантастическим серебряным городом. В стойбище не спят, красноватые искры вылетают из труб. Ожидают разведку...

В эту лунную зимнюю ночь не ложимся. Все понимают, что переход через Омолон отрежет все пути отступ-

ления. Приподнятое, тревожное чувство охватывает всех участников рискованного похода к Синему хребту.

Рассвет ожидаем в большой палатке красного уголка. Рассказываю пастухам о встрече с Бурановым на льду Колымы, о передаче совхоза Дальнему строительству, о гидроплане, который, вероятно, прилетит из Магадана, когда русло Омолона очистится ото льда.

Не успеваю отвечать на вопросы. Наши пастухи родились в Колымской тундре, еще не видели многоэтажных городских домов, железной дороги, фабрик. Рассказ о городе в тайге, о рудных предприятиях, экскаваторах, бульдозерах, пассажирских автобусах, совершающих рейсы в дебрях Колымской тайги, кажется им красивой сказкой.

Пора собирать табун. Пинэтаун уходит с пастухами в тайгу. Снимаем стойбище. На лунной поляне у обрыва террасы выстраивается вторая вереница груженных нарт.

Тайга наполняется шорохом и скрипом. Приближается табун.

В четыре часа утра выступаем в поход. Светит лунная ночь. Впереди по снежному полю замерзшего Омолона подпрыгивает на своей «этажерке» Ромул, за ним едем мы с Костей. Позади, растянувшись широкой лентой, бредут олени. Их здесь три тысячи. Справа и слева, точно в сторожевом охранении, — Пинэтаун и Кымыргин.

Цепь пеших пастухов замыкает табун. В хвосте медленно плывет поезд груженных нарт. В лунном сиянии наше шествие напоминает кавалерийскую часть, растянувшуюся на марше.

Светлеет. Табун входит в лабиринт омолонских протоков. Оглядываясь, уже не вижу хвоста растянувшейся колонны.

Дважды Ромул останавливал табун в глухих омолонских протоках, найденных накануне. Проголодавшиеся олени рассыпались по заснеженным берегам, разгребали копытами рыхлый снег и с жадностью поедали зеленые стебельки хвощей. После отдыха они преодолели полосу мертвой, сгоревшей тайги и благополучно вышли на ягельные склоны заомолонских сопок.

Отельное стойбище ставим в просветленной тайге на верхнем склоне гольца. Между деревьями белеет сглаженная его вершина.

Поднимаемся с Костей на лысину, обдую ветрами. Суровый зимний ландшафт тайги ожил. Среди лиственниц медленно поднимаются столбики дыма, на утопанном снегу чернеют нарты. В просветленной тайге, на пологих склонах, повсюду копытят снег олени.

Распадки, заросшие коричневыми мохнатыми лиственницами, открываются в широкую пойму Омолона. Бесчисленные острова уходят к горизонту, туда, где остался покинутый берег.

Все пути к отступлению отрезаны. Отел близок, и тревожить оленей больше нельзя. После отела настанет весна, вскроется Омолон и останется один путь — вперед, к Синему хребту.

Костя, опираясь на посох, задумчиво разглядывает Омолон, закутанный в снежное покрывало.

Что ожидает впереди? Как встретят непрошенных гостей кочевники Синего хребта?

Глава 9. ПОРТРЕТ

Еще засветло мы с Костей приехали на факторию, проложив прямой санный путь от стойбища за Омолоном. Завтра по нашему следу пастухи пригонят караван пустых нарт. Наберем продовольствия на всю весну и лето. Ведь груз нужно успеть вывезти санным путем к ближней безлесной группе заомолонских сопок. Там, на пути к далекому Синему хребту, Ромул решил переждать с оленями опасную комариную пору.

Собаки дедушки Михаса подняли невероятный гвалт, когда наши упряжки подкатали к фактории.

Знакомая дверь, обитая лосиной шкурой, распахнулась, и на морозное крыльцо выскочила Мария в легкой кофточке и лыжных брюках. Белой куропаткой слетела девушка с крыльца.

— Сумасшедшая рыба, простудишься!.. — завопил Костя.

Бросив оленей, я подхватил Марию в охапку и понес в дом. Девушка уткнулась лицом в пушистый мех кухлянки. Так и вошел я с ней на руках в пустой магазин фактории.

К счастью, Котельникова не было за стойкой. Мария подняла зеленовато-голубые глаза, влажные от слез.

— Наконец-то приехал!..

— Неужели ждала, Мария?

— Ну, вцепилась в своего Отелло, — усмехнулся Костя, появляясь в дверях.

Мария соскользнула с рук. Я скинул кухлянку, и мы втроем вошли в комнаты. Наше появление огорошило Котельникова. Он уставился на меня, моргая покрасневшими веками. Полные щеки его побагровели. Лоб, исчерченный глубокими морщинами, заблестел испариной. Вероятно, он не ждал моего появления.

Я поздоровался с ним. Костя прошел мимо, не поклонившись. Мария тоже ушла в комнату дедушки.

— Приехали? — насупившись, спросил Котельников. — Поворачивать табун будете?

— Нет, приказ директора привез... Омолон вчера пещли.

Красное лицо Котельникова исказилось.

— А... а... там же гари! — спохватившись, он криво улыбнулся.

Почему так не понравился ему переход совхозных оленей через Омолон?

Дедушка Михась рад нам: лучистые глаза его светятся под нависшими мохнатыми бровями, и широкая жилистая рука клещами давит мою ладонь.

Костя успел рассказать о благополучном переходе через Омолон, о раздолье отельных пастбищ за Омолоном, о телятах, которые наверняка уцелеют.

— Добрый путь, хлопцы!

Михась добродушно шурился, прижимая к груди кипу газет, полученных от Кости. От дедушкиной улыбки как-то теплее стало в чисто выбеленной комнатке. Мария ластилась к дедушке. В глазах ее вспыхивали веселые искорки.

— Обрадовалась, внученька, приехал твой суженый!

Мария залилась румянцем и потупилась. Костя умолк и о чем-то задумался. Дедушка Михась надел очки и стал просматривать газеты с жадным нетерпением.

Осторожно я взял девушку за руку:

— Пошли, Мария, расскажу тебе новости.

И вот мы одни в маленькой комнатке. Окошечко, выбеленное изморозью, мерцает синеватым сиянием. На улице лунная морозная ночь. После бесконечных выюг и метелей лютый холод усыпил тайгу. Не последний ли это приступ зимней стужи?

Устроились рядом на шкуре черного медведя около раскаленной чугунной печки. Дверка ее открыта. Рубиновые угли светятся мягким красноватым светом. Булат, положив волчью морду на вытянутые лапы, нежится в непривычном тепле. Рядом с маленькой своей хозяйкой он кажется огромным полярным волком.

Сидим, словно у камина, в крошечной охотничьей хижине. Мария пристально смотрит на пылающие угли, позабыв отнять свои руки. О чем опять грустит она?

Три месяца не видел я девушку и не хочу больше расставаться с ней.

— Послушай, Мария, переходи к нам в совхоз, будешь работать учетчицей, к нашей комсомольской организации прикрепиться, к Синему хребту пойдем вместе. И дедушку прихватим.

Мария низко опускает голову. Румянец сбегает с потускневших щек. Она волнуется, перебирая батистовый платок.

— Что с тобой?

— Мне хорошо... — серьезно и тихо отвечает она. — Жить больше не могу без тебя.

Слезы туманят большие, ясные глаза. Она порывисто приникает горячим лицом к моим ладоням. Теплая, нежная волна поднимается в груди, томит сердце, кружит голову. Молчаливо стискиваю худенькие пальчики.

— Хочу вместе с тобой бороться, — тихо говорит Мария, — хранить от опасности, пробивать путь к Синему хребту и... не должна уходить с тобой, не должна!

— Но почему же, почему?

— Дедушка собирается ехать в Новую Польшу...

— В Новую Польшу?! Ее еще нет.

— Она будет, и скоро. Наша армия скоро будет у границ Польши, фашисты бегут. Все честные поляки будут строить Народную республику.

Мария родилась и выросла в Сибири и не знала далекой родины своих отцов.

— И ты считаешь, что должна ехать в Польшу?

— Должна! — твердо отвечает Мария.

Она хмурится, глаза ее блестят сталью. Давно я подметил алмазную грань в характере девушки. Эта грань глубоко скрыта природной мягкостью, добротой. И только иногда вспыхивает, точно клинок на солнце.

— Ты поймешь меня...

Мария осторожно высвобождает руки, поднимается и достает из письменного стола шкатулку. Опустившись на колени, девушка ставит передо мной ящичек из черного полированного дерева. Крышка шкатулки украшена тонким узором перламутровой мозаики.

— Бабушкина шкатулка... — шепчет Мария, открывая крышку.

Шкатулка заполнена всякими вещичками. Вижу расшитый кисет с шелковыми кистями, лоскутья обгоревшего красного бархата, клубок цветных ниток, серебряную чайную ложку, стертую от долгого употребления, потускневшие золотые пуговицы от мундира, крошечное серебряное копытце с золотой подковкой.

Девушка вынимает со дна шкатулки овальный портрет в ребристой позолоченной рамке величиной с ладонь.

Под стеклом на картоне тончайшей кистью написана акварелью белокурая красавица в старинном бальном платье, с жемчужным ожерельем на шее. Завитые волосы, собранные в тяжелый узел, спадают на обнаженные покаты плечи.

С портрета смотрят задумчивые, полные спокойной силы глаза. Художник уловил выражение пытливой мысли, придававшее девичьему лицу необычайную живость и какую-то особую привлекательность. Старинная миниатюра изображает не великосветскую красавицу.

Почему разряженная девица так похожа на Марию?

— Это Елена Контемирская. — Мария поглаживает золотую рамку. — Мать дедушки, участница Польского освободительного восстания.

Внизу портрета замечаю строчки, написанные полатыни выцветшими красными чернилами. Разбираю число, месяц, год.

— Ого, 22 мая 1849 года... Вена. Что тут написано?

Мария читает тихим взволнованным голосом:

Свобода, Равенство и Братство
Завещаны народам
Природой, Разумом и Доблестью сердец.
Не выпускай меча из рук,
Пока не воплотишь девиз свободы...

Кошут.

— Кошут? Вождь венгерских революционеров?

— Да... Отец дедушки после разгрома Познаньского восстания бежал с Еленой в Венгрию. Много поляков

тогда собралось под знамена Кошута. Сражаясь с австрийцами за независимость Венгрии, они мечтали освободить и Польшу.

— Кошут знал Елену?

— Он любил ее... любил без надежды. Елена всю жизнь отдала мужу. В сражении с австрийцами под Веной отец дедушки был тяжело ранен. Елена повезла мужа к родным в Варшаву. На прощание Кошут написал на портрете свой любимый девиз, рожденный пламенем Великой французской революции.

— А Елена Контемирская?

— Она была дочерью известной варшавской актрисы. Еся ее семья боготворила польских патриотов, и в Варшаве удалось спасти Михася Контемирского.

— Михася?

— Михася-первого, — улыбнулась Мария. — Дедушку и отца называли Михасем в честь прадеда...

Долго я слушал вековую историю нескгибаемой революционной семьи.

Муж Елены — Михась Контемирский — был сыном и героем своего времени. Вольные стихи Мицкевича привели юного корнета в патриотический военный союз, готовивший очередное восстание в королевстве Польском. Сбросив гусарский мундир, Михась с головой окунулся в революционную работу. Елену он встретил в Варшаве на собрании студенческой молодежи и с тех пор не расставался с ней. Даже в Лондон, куда Михась Контемирский отвозил Герцену письмо польских революционных демократов, они ездили вместе. Не разлучили их и кандалы сибирской ссылки.

Грянуло Польское освободительное восстание. Михась и Елена сражались в партизанской армии Траугутта. После поражения повстанцев жандармы выследили Михася. Он был схвачен в 1864 году с оружием в руках, заточен в Петропавловскую крепость и приговорен к казни по делу вождя повстанцев — Ромульда Траугутта. Елена поехала в Петербург спасти любимого человека. Год спустя казнь заменили ссылкой на вечное поселение в Сибирь. Елена последовала за мужем в дальний таежный поселок Бодайбо. Здесь у них родился сын, Михась второй, дедушка Марии.

Вглядываюсь в привлекательное, мужественное лицо Елены. Что привело ее к подвигу? Портрет писал талант-

ливый художник. Спокойный, твердый взгляд... Так вот от кого у Марии эта алмазная грань в характере.

Девушка показывает обгорелые бархатные лоскутья. Голос ее дрожит:

— Знамя свободы... Оставшиеся в живых разделили и унесли знамя восстания с поля последней битвы. Накануне восстания Елена вышла на алом бархате девиз Кошута: «Свобода, Равенство, Братство». В боях красное знамя свободы было пробито пулями, изорвано картечью, окраплено кровью.

— А что было дальше?

— Амнистия 1883 года вернула польских повстанцев из Сибири на родину. Трудно пришлось вернувшимся из ссылки. Елена и Михась скончались в 1895 году, в один день. Сыновей повстанцев не принимали в университеты и высшие учебные заведения. Дедушка устроился на Варшавский машиностроительный завод. Там он и нашел правильный путь борьбы за свободу народа — вступил в Первую интернациональную партию польских рабочих. В 1905 году сражался на баррикадах Варшавы и Лодзи. Скрываясь от жандармов, уехал в Одессу. Выполняя поручение партии, дедушка принял участие в восстании на броненосце «Потемкин».

Слушаю Марию, и передо мной раскрывается глубокая связь времен.

Под Очаковым восставший броненосец поднял красный флаг с революционным девизом «Свобода, Равенство, Братство». С этим бессмертным лозунгом санкюлоты штурмовали Бастилию, трудовой люд сражался на баррикадах 1848 года, польские демократы отдавали жизнь за народное дело...

В комнату, пригибаясь, входит дедушка Михась.

— Ну, дети, наговорились? Пора ужинать и спать, уже полночь. О-о, внученька, боевые знамена показываешь? Ну, хлопец, гордись, она еще никому своей шкатулки не показывала.

— Ой, дедушка, какой ты!.. Идем, сейчас.

Мария склоняется, убирая семейные реликвии. Михась уходит, пригладив непослушные внучкины кудри. Запирая полированный ящик, девушка едва слышно говорит:

— Понимаешь теперь, почему нельзя уйти мне с тобой. Народная Польша позовет своих сынов и дочерей...

Правы ли Мария? Разум говорит — правы; внучка борцов за свободу, дочь красного партизана не может поступить иначе. Но сердце не соглашается с разумом. Ведь Елена и Михась всю жизнь отдали борьбе за свободу и все-таки рука об руку прошли сквозь все невзгоды беспокойной, полной опасностей жизни.

— Мария, можно поговорить об этом с дедушкой?

— Конечно...

Как странно иногда переплетаются человеческие судьбы. Мария стала еще ближе, еще милее. Хочу сказать что-то большое, ласковое, а слова запропастились куда-то. Обнимаю девушку, кажется, унесу ее далеко-далеко, на край света.

И вдруг слышу глухое и грозное рычание. Вздвиг шерсть на загривке, обнажив волчьи клыки, Булат подозрительно следит за каждым моим движением.

— Смотри, Мария, не даст в обиду...

— Булат... милый! — Она соскальзывает на шкуру и гладит ошетилившегося волка. — Спасибо за подарок!

Булат успокаивается, дружелюбно повिलывает пушистым хвостом и ластится к девушке.

— Эй! Где вы там? Ужин стынет... — зовет Костя из коридора.

В эту же ночь состоялся важный мужской разговор. Мария ушла в свою комнатку. Костя забрался на печку и уснул как убитый. Мы остаемся с дедушкой Михасем с глазу на глаз. Не решаюсь заговорить.

Дедушка опускает газету, пристально смотрит на меня поверх очков и спрашивает:

— Ну, добрый молодец, чего голову повесил?

Махнув рукой, выкладываю все: о дружбе с Марией, о том, как дорогá мне стала девушка в разлуке. Прошу отпустить ее в поход к Синему хребту или переходить к нам в совхоз вместе с Марией. Рассказываю и о последнем разговоре с девушкой.

— Неужели Мария должна ехать в Польшу?

Долго молчит старик, опустив седую голову.

— Так вот, Вадим, ночь сейчас, пора спать, всего не перескажешь, но главное скажу: каждую революцию вершил народ, вершил своей кровью, но плоды победы часто не попадали в руки народа. Помогали отнять их у народа соглашатели всех мастей. И всегда эти люди прикрыва-

лись революционными девизами, но слово у них расходилось с делом.

Они предали народ в дни Великой французской революции, революции 1848 года, польских и итальянских освободительных революций, в грозные дни девятьсот пятого года. Сколько борьбы вынесла пролетарская партия, какая понадобилась непреклонность, чтобы сохранить плоды Октябрьской победы в руках русского народа, пронести с честью сквозь века боевые знамена народных революций, воплотить в жизнь священный девиз Свободы, Равенства и Братства, открыв народу прямой путь к коммунизму.

Глаза старого ветерана сверкают, ручища сжимается в кулак, богатырской грудью он наваливается на стол, и доски жалобно скрипят.

— Так могут ли честные поляки жить вдали от родины, когда польский народ решает свою судьбу, решает в жестоких схватках с недругами народа?

Долго еще мы рассуждаем о путях борьбы за народную Польшу... Часы бьют три удара. Михась собирает газеты и тихо говорит:

— А теперь решайте сами, оба вы уже взрослые. Но помни, слово у настоящего человека не расходится с делом.

Глава 10. НЕСЧАСТЬЕ

Тайга сбросила зимнее покрывало. Снега стояли, открыв пушистые ягельники, влажные мхи, шершавый багульник, вечнозеленые кустики брусники. Проснувшаяся чаща, пронизанная солнцем, светилась нежной зеленью лиственничной хвои, рубчатыми листочками карликовых березок, кистями смолистого кедрового стланика.

С Омолона повеяло душистыми запахами молодой клейкой листвы тополей и тальников.

Хорошо стало в летней тайге; после долгой зимы дышалось легко и свободно!

Мы благополучно провели табун сквозь зеленеющие гущи и расположились на летовку в безлесных долинах заомолонских сопок.

Эти светлые, высоко приподнятые долины висят, точно балконы над морем расцветающей тайги. Обвеваемые ветрами, полные сочной альпийской зелени, они оказались надежным убежищем от таежных комаров.

Здесь не так жарко. Ветерок разгоняет назойливых насекомых. А когда садится солнце, с перевалов так и тянет холодом. Комары ложатся в траву, и олени спокойно пасутся на альпийских лугах.

Мы лишь опасались, что в знойное время в этих миниатюрных долинах, стиснутых со всех сторон тайгой, не сумеем проложить летний маршрут громоздкому многотысячному табуну. За оленями здесь нужно следить в оба—слишком близко подступают густые таежные дебри.

Но беда пришла совсем с другой стороны, откуда ее не ждали...

Заомолонские сопки поднимались среди моря тайги, образуя небольшой хребет с цепью причудливых вершин, крутых перевалов и коротких безлесных долин.

Взбираясь на каменистые вершины, мы видели в мутном мареве на горизонте манящие очертания Синего хребта. Широкое межгорное понижение отделяло наши сопки от далеких плоскогорий. Эту обширную впадину пересекали во всех направлениях более низкие возвышенности и увалы, заросшие дремучей тайгой.

Часами я разглядывал в бинокль лабиринт лесистых сопок. Есть ли там гари? Пройдет ли табун к Синему хребту?

Никто не мог ответить на эти тревожные вопросы. Межгорное понижение, покрытое лесом, мы собирались проскочить после комариной поры и выбраться на безлесные склоны Синего хребта до наступления темных осенних ночей.

Пока все шло гладко: план отела перевыполнили, важенки после сытой зимовки принесли крупных и здоровых оленят, наш табун увеличился на полторы тысячи голов. Вовремя мы ускользнули от комаров, выбравшись с оленями на открытые луга висячих долин.

Вчера Костя с Пинэтауном и дежурными пастухами перегнали табун на свежие пастбища; в соседнюю Безымянную долину.

Обратно в стойбище они не вернулись...

Белая туча заслонила солнце, заволокла вершины сопок. Подул холодный, пронизывающий ветер, повалил снег, накрывая зелень альпийских трав. Пушистые хлопья закружились, заплывали в воздухе. Летняя метель в тайге встревожила всех, напомнив бедствия снежного урагана, пережитые у берегов Полярного океана.

Чем грозила теперь снежная непогода в горах?

К вечеру ручей около стойбища вышел из берегов; превратился в бурливый поток. С глухим шумом неслась мутная, пенящаяся вода, перекатывая здоровенные камни, размывая береговые террасы. Вероятно, вздувшиеся потоки помешали пастухам вернуться из соседней долины в пастушеский стан.

Летняя пурга бушевала всю ночь. Ветер бесновался, засыпал снегом, рвал палатки и яранги, не давал выйти на поиски. Всю ночь мы стреляли из ружей, пускали сигнальные ракеты.

К утру метель унялась.

Глухо шумят вздувшиеся коричневые потоки. Все вокруг засыпано снегом. Белые сопки отсвечивают серебром: снег наверху подморозило. Вчера пастухи ушли в легкой летней одежде. Где провели они эту трудную ночь?

Молчаливо собираемся в поход. Пастухи в суконных куртках, перепоясанные арканами, похожи на альпинистов. Одеваю штормовой костюм, высокогорные ботинки, сворачиваю длинную альпийскую веревку, подтачиваю напильником клюв ледоруба. Альпийское снаряжение я привез с Дальнего Юга. Долго оно пролежало без употребления и вот теперь, в горах Омолона, понадобилось.

Разлившийся поток преграждает путь к перевалу, в соседнюю долину. Переправа невозможна. Решаем пробраться к табуну по водораздельному гребню.

Вытянувшись цепочкой, поднимаемся вверх по снежному склону. Наверху снег плотный и скользкий. Вырубаю ледорубом ступеньки. Почти в лоб штурмуем крутой снежный скат опасного подъема...

Ромул оборачивается и что-то кричит. Пастухи вытаскивают длинные охотничьи ножи и, вонзая в обмерзший снег, переступают с одной ступеньки на другую. Поднимаемся выше и выше. Ну и ребята, с такими можно штурмовать любые вершины!

— Гляди хорошенько... Совсем нельзя не туда ногу ставить! — Ромул кивает вниз.

Под ногами глубоко провалилась заснеженная долина, бурный поток застыл ленточкой, яранги кажутся крошечными шалашиками. Далеко-далеко в межгорном понижении зеленеет тайга. Ясно вижу границу заснеженного леса. Снег выпал только на хребте и его склонах.

Точно мухи, лепимся на крутом белом гребне. Близкая вершина дымится снежной пылью. Лицо покалывают ледяные иглы. Неужели опять поднимается выюга?

Вот и поземка: сверху скользят космы снежной пыли. Мутная пелена закрывает людей. Хлещет колючий ветер. Карбакемся по гребню, пригибаясь к самому насту, цепляясь за каждый снежный выступ.

Наконец-то вершина.

Из-под снега торчат обледенелые плиты. Ну и холод на вершине! Одежда, обсыпанная снегом, обледенела, ветер насквозь продувает штормовку.

Скорее вниз, к седловине...

Без арканов не обойтись. Помогая друг другу, съезжаем к перевалу и снова уходим вверх по гребню. Опять спускаемся, поднимаемся, снова вниз. Вверх и вниз, вверх и вниз. Сбиваюсь со счета; куда идем — не знаю. Пастухи, туго затянув капюшоны, неумоимо шагают след в след.

На широкой седловине Ромул останавливается. Уж не перевал ли это в Безымянную долину? Не узнаю местности. Перевал я видел недавно — облитый солнцем, убранный коврами шикши, мохнатыми листочками камнеломок, серебристыми головками горных осок. А тут метет пурга, кругом снег, снег и снег.

— Видишь, табун переваливал... — Ромул указывает на камни, полузасыпанные снегом. Они сложены башенкой и чуть возвышаются над сугробом. — Вчера велел Пинэтауну так делать.

Как пригодился в непогоду пастушеский знак! Мы стоим на верной оленьей тропе.

Спуск с перевала пологий, сбегает вниз по скользкому снегу. Внизу, в долине, ветер стихает. Впереди шумит ручей. Снежная муть проясняется, открывая широкие белые террасы Безымянной долины. Пусто, нигде не видно оленей. Снег становится рыхлым — проваливаемся по колено в мягких сугробах. Идем вдоль шумящего ручья и через час упираемся в развилку двух потоков. Вчера здесь сливались крошечные ручьи, теперь бурлят водопады.

— Смотри... люди, — останавливается Ромул.

На противоположном берегу по широкому снежному полю бредут темные фигурки. В бинокль вижу Костю, Пинэтауна, пастухов. Опираясь на посохи, они

шагают к перевалу, опустив голову, едва переставляя ноги.

Ромул снимает карабин. Выстрел раскатывается в долине, глухо отдаваясь в сопках. Фигурки замирают. Люди оглядываются и бегут к потоку, размахивая руками. Останавливаются у kloкочущей воды. Вижу, как измучены, устали пастухи на том берегу. Рев потока мешает переговариваться.

— Где пропадали?!

Костя откидывает капюшон, стирает пот с грязного лица и кричит простуженным голосом:

— Табун искали... В тайгу ушел!..

Ромул дрожащими руками развязывает ремешки анорака и вытягивает кисть с трубкой. Долго не может разжечь трубку — не слушаются пальцы.

Неужели табун поглотила тайга? Терять времени нельзя. Нужно переправляться на ту сторону.

— Ромул, перекинешь чаут?

Бригадир молчаливо гасит трубку, снимает аркан, знаком подзывает Кымыургина. Они связывают мертвым узлом два аркана. С силой бросает Ромул свернутый чаут. Пинэтаун прыгает, подхватывая на лету петлю.

Связь налажена — конец чаута юноша не выпустил. Натягиваем альпийскую веревку — переправа готова. Повисая над бурлящим потоком, по очереди перебираемся на противоположную сторону.

Собираемся вместе. Продрогшие пастухи надевают теплую одежду, открывают консервы. Грею чай на примусе: дров здесь не сыщешь. Костя рассказывает о злоключениях в Безымянной долине.

Снежная непогода застигла Костю, Пинэтауна и маленького подпаса Афанасия на пути к перевалу. Они спокойно возвращались в стойбище, оставив двух дежурных у табуна. Летний буран встревожил их — они повернули обратно. Только через полтора часа, пробираясь сквозь снежный вихрь, подошли к месту, где оставили оленей. Вся долина была засыпана снегом. Табун и дежурные пастухи пропали.

— Обшаривая долину, — рассказывает Костя, — мы долго пробирались к границе леса и наконец поняли, что произошло.

Важенки, спасаясь от непогоды, увели оленят в лес;

в тайге табун распался на косяки, и олени разбрелись в разные стороны. Поздно вечером встретили дежурных пастухов. В непроглядный буран они не смогли вдвоем собрать и остановить многотысячный табун; долго шли по следам уходивших оленей, пока окончательно не выбились из сил. Пришлось всем возвращаться в стойбище за продуктами, одеждой и помощью...

Случилось самое страшное. Невольно вспоминаю предостережение директора: «В тайге табун растает, как сахар в стакане воды». Если летнее солнце растопит снег, следов оленей в густом лесу не найти. Успеем ли собрать табун?..

Вскидываем рюкзаки, котомки и уходим к границе леса. С перевала снова надвигается вьюга, закручивая снежные вихри. Ромул торит путь, сгорбившись, молчаливо переживая несчастье. У меня на душе тоже скребут кошки. Вспоминаю проклятое обязательство.

Ведь роспуск табуна влечет громадные потери, даже в открытой тундре. Что же будет в густой тайге, где легко затеряться не только оленям, но и людям?

Глухой стеной встает граница леса, перегораживая Безымянную долину. Тайга словно обрублена топором. Деревья засыпаны снегом. Кажется, что вернулась зима и погубила летнюю зелень. Разгребаем сугробы среди деревьев, устилаем землю мохнатыми лапами лиственниц, натаскиваем кучи валежника и сухостоя. В полчаса разбиваем опорный лагерь.

Афанасий разжигает костер. Он будет варить в лагере пищу, сушить сменную одежду, принимать найденных оленей.

Следы табуна хорошо видны на снегу. Ромул оживает, рассылает людей на поиски. Уходим с бригадиром обшаривать правые склоны лесистой Безымянной долины. Тропим след полутысячного косяка. На склоне, в лиственничных борах, олени задержались и долго лакомились ягельниками. Это видно по коповишу. Дальше следы ведут нас через лесистую седловину в соседнюю долину к речке. Здесь отбившиеся животные пили.

На дне долины тайга образовала непролазные гущи. Это не понравилось оленям, и они пошли по склону. В просветленной тайге косяк двигался, почти не останавливаясь, оставляя позади умятую снежную дорогу. Куда стремились беглецы?

Шагаем и шагаем по следу ускользящего косяка, спускаясь все ниже и ниже к межгорному понижению. Сколько прошли километров? Кто его знает. Заомолонские сопки не меряны, на картах они не значатся. Ноги одеревенели, больно сгибать в коленях. А Ромул все идет, идет вперед, не зная устали.

Неприятно и холодно в снежной тайге. Шумит ветер вершинами лиственниц, обсыпает нас снегом. Рюкзак, набитый продовольствием, тянет плечи. Раздумываю о беспокойной доле пастуха-оленевода: всю жизнь шагать и шагать без дорог и троп в погоне за полудикими оленями. Невольно вспоминаю тихую городскую лабораторию, где царят покой и тишина. Вот бы очутиться сейчас в уютном теплом кабинете профессора...

Замечаю неожиданно, что снега вокруг стало меньше. Ноги больше не вязнут в сугробах. Белая пелена еще прикрывает землю. Повсюду зеленеет листва карликовых березок и ольховника. В лунках, оставленных копытами, желтеет пушистый ягельник.

Ромул почти бежит, тревожно оглядывая зеленеющую тайгу. Лицо его посерело, глаза блестят. Не понимаю его тревоги. Ветер все так же шумит кронами лиственниц, но снега нет. Вступаем в зеленые чащи, полные жизни.

Ах, вот оно что — прошли снеговую границу!

Безымянная долина соединилась с лабиринтом распадков межгорного понижения; снег здесь не выпадал.

Ромул оседает на тухлявую лиственницу. Темные глаза его потускнели, голова опускается на грудь.

— Что с тобой, а, Ромул?

— Ушли в тайгу... пропали олени! — шепчет он побелевшими губами.

Следы невидимы в густых травах и кустарниках. Пришла, нагрянула беда, когда о ней никто и не думал.

Неладное творится с Ромулом. Он дрожит, точно в лихорадке, почти не узнаёт меня, невидящими глазами уставился в одну точку. Заболел? Опорный лагерь остался далеко позади, где-то за перевалом. Смеркается, холодно, людей в девственной тайге нет. Что делать с заболевшим Ромулом?

Приходится устраивать лагерь: разжигать костер, греть чайник, стелить лежанку из ветвей, ставить походный балаган из тонких стволиков сухостоя. Этому научили

еще студенческие лыжные походы: шесты связываю верхушками, остов получума накрываю нашими одеялами.

Ух, сразу стало тепло и уютно.

Усаживаю Ромула у пылающего костра. Тепло огня греет теперь и спину, отражаясь от экрана. Бригадир, съездившись, сидит на подстилке, его трясет лихорадка.

— Что у тебя болит, Ромул, ты заболел?

— Ум крутит, голова совсем вертится, — отвечает он, лязгая зубами.

В чайнике забурлило. Завариваю лошадиную порцию — полплитки чая — и потчую Ромула. Он жадно пьет обжигающий целебный напиток.

— Судить, поди, будут, много оленей потерял! — вытирая пот, выступивший на лице, бормочет бригадир.

Я не говорил Ромулу о своем обязательстве директору совхоза. Пинэтаун тоже никому не проболтался о «кабальной грамоте». Теперь пришла, кажется, пора сказать об этом бригадиру.

— Отвечать, Ромул, мне придется.

Рассказываю о письменном обязательстве, которое оставил на усадьбе совхоза. Ромул ставит недопитую чашку, молча снимает закопченный чайник и осторожно наполняет доверху мою большую кружку.

Ясно без слов. Отныне мы с Ромулом — друзья. Медленно происходило наше сближение. Долго приглядывался Ромул. Чувство гордости за человека охватывает душу. Жизнь на Севере полна опасностей и лишений, идти вперед и вперед, бороться и побеждать можно лишь рука об руку с верными, испытанными товарищами.

— Пей, хорошо будет! — утешает Ромул, протягивая дымящуюся кружку. Озноб у него прошел, в глазах затеплилась жизнь. — Вместе нам отвечать, вместе и оленей будем искать, всю тайгу с тобой обойдем...

Глава 11. ВОЗДУШНЫЕ ПАСТУХИ

Не очень-то приятно переживать крушение надежд и заветных планов.

Бегство табуна в тайгу разрушило все наши планы. Пять долгих суток продолжались поиски. Лето снова вернулось, растопив снега. В тайге стало жарко и душно. Тучи комаров не давали покоя. Задыхаясь в черных на-

комарниках, почти без сна, мы обшаривали глухие тасжные распадки, наполненные зноем и комарами.

С невероятным трудом удалось собрать половину распущенного табуна. Остальные олени бесследно пропали в таежных дебрях. Пастухи, тяжело переживая несчастье, старались скрыть охватившее их уныние. Они молчаливо поддерживали друг друга в беде.

Стойбище Ромул перенес в Безымянную долину. Комары появились и тут. Найденные олени, сбившись в табун, часами кружились на плоских осоковых террасах. Лишь с наступлением ночной прохлады голодные животные устремлялись на пастбища.

После изнурительного таежного похода отдыхаем, закупорившись в пастушьих палатках. В полотняных шатрах душно, распахнуть полог нельзя — снаружи гудит комариное облако.

Костя хмуро скручивает «козью ножку», нервно перебирая бумагу шершавыми пальцами. Он похудел в походе, обветренное лицо искусано комарами.

— Если чертово пекло не остынет, — хрипит он, — не миновать копытки!

Действительно, после снежной непогоды нас душат необычайно жаркие безветренные дни. Олени, истощенные зноем и комарами, наверняка заболеют. Что же делать, как спасти уцелевших оленей?

Костя молчит, сдвинув густые брови.

Далекий гул режет звенящую комариную тишину. Склонив голову, Костя прислушивается.

— Что это?

— Кажется, самолет...

Неужто самолет — в царстве сопок и тайги, вдали от людских поселений и воздушных путей?

Нарастающий гул мотора, как ветром, выносит нас из палатки. Сквозь комариное марево вижу выскочившего Ромула. Он тревожно оглядывает бледное, расплавленное зноем небо.

Из-за ближней сопки неожиданно выскальзывает самолет. Он летит низко над сопками; круто падая на крыло, разворачивается, устремляется в Безымянную долину и свирепо пикирует на яранги. Самолет падает с неба, словно ястреб на добычу.

Из пике машина выходит с оглушительным ревом почти у земли, чуть не задевая шести яранг. Пронесется

гладкое брюхо самолета с облупившейся краской и белые буквы на распластанных крыльях.

— Спят ли он, что ли?! — кричит Костя, потрясая кулаком.

Самолет свой, на крыльях наши опознавательные знаки. Да и залетит ли чужой самолет в глубокий тыл — в сердце Северо-Восточной Сибири?

Ромул растянулся в траве, приник к земле. Впервые он переживает воздушную атаку. Лагерь охвачен тревогой. Пастухи, свободные от смены, вооружаются кто чем может: карабинами, винчестерами, длинноствольными четырехлинейками. Маленький Афанасий тащит отцовское ружье, заряжая на ходу патронами с медвежьими жаканами.

На стойбище спикировал гидросамолет. Откуда летающая лодка появилась в горах? Сейчас она парит по кругу, успокоительно покачивая крыльями. На земле в центре этого круга стоят беззащитные яранги и палатки. От самолета отделяется и падает вниз черноватый предмет, разворачивая огненно-красный хвост.

— Вымпел?!

— Скорее... сигнальный парашют!

Прыгаем по кочкам, точно зайцы. Вон там, у болотистого блюдца, упал черный мешок с длинной алой лентой.

В мешке оказалась консервная банка с запиской. Костя громко читает воздушное послание:

— *«Привет диким оленеводам! Прилетел из Магадана на разведку тайги. Сажусь на большое озеро юго-восточнее вашего лагеря. Выходите к озеру. Сигнальте дымом согласие. Андрей Буранов».*

— Ай да Буранов... выполнил обещание!

Весной самолет из Магадана не появился на Омолоне, и мы потеряли надежду увидеть его. Сейчас летающая лодка кружит над стойбищем, ожидая сигнала. Разводим большой костер из пушистых подушек ягеля. Белый дым клубится, разгоняя осwirепевших комаров. Самолет, покачивая на прощание крыльями, улетает на юго-восток и внезапно скрывается за дальним гребнем.

Все происходит так быстро, что кажется сном. Одна-

ко на смуглой Костиной ладони лежит записка Буранова, а в зелени альпийских трав чернеет кожаный мешок, упавший с неба.

Большое озеро недалеко — в соседней долине, у границы леса. Ловим верховых оленей, собираем вьюки. Напрямик переваливаем через гребень водораздела. Верховые олени на поводу легко преодолевают страшные кручи. Приближаясь к озеру, еще издали замечаем гидросамолет, причаленный к торфяному берегу. Там ходят люди, вьется дымок костра. В сизом знойном мареве едва просвечивает голубая стена леса.

Вооруженные до зубов, с арканами у седел, закутанные в накомарники, скачем на оленях к озеру. Люди у самолета бросают свои дела. Вспыхивают стекла бинокля. Вероятно, наша кавалькада имеет странный вид. И вдруг сквозь темную вуаль накомарника вижу тоненькую, до боли знакомую фигуру.

— Кто это бежит навстречу, перепрыгивая через торфяные бугры, размахивая накомарником?

— Однако, невеста твоя мчится... — невозмутимо отвечает Ромул, откидывая тюлевое забрало.

Не успеваю выругать Ромула, пришпориваю оленя, оставляя позади Костю, Пинэтауна...

— Мария!

Вот она: в лыжном костюме и горных ботинках, похожая на мальчишку. Спрыгиваю с седла. Девушка порывисто принимает к плечу. Тучи комаров вьются над нами. Осторожно набрасываю тюль на стриженные кудри. Не ожидал я встретить Марию в этих диких долинах в тяжелую для нас пору. После памятного разговора на фактории мы расстались с ней, не надеясь больше встретиться на Омолоне.

Подъезжают Костя и Пинэтаун.

— Как попала сюда, коза? — удивляется Костя.

— Дедушка отпустил в облет тайги. Гидроплан сегодня сел на Омолон, погрузили горючее, а я в гости к вам упросилась.

— К нам ли? — грустно качает головой Костя. — Говори уж: к молодцу своему ненаглядному.

Взявшись за руки, мы шагаем к озеру. Костя расспрашивает Марию о новостях. Пинэтаун гарцует впереди на своем рослом учаге. Спокойно покуривая трубочку, Ромул ведет на поводу верховых оленей.

На берегу озера встречает Буранов. Откинув накомарник, он широко улыбается, поблескивая золотым зубом. Рядом, облокотившись на бочку с горючим, стоит невысокий крепкий парень в комбинезоне. Летный шлем сдвинут на затылок, живое смуглое лицо освещают серые глаза. Лихостью веет от подтянутой фигуры летчика. С нескрываемым любопытством он разглядывает нас.

— Привет, партизаны! Видел, как батарею свою налаживали... И пошутить нельзя! — восклицает он, блеснув ослепительной улыбкой.

— Стрелки у нас знатные! — усмехается Костя. — Куропатку на лету пульей сбивают.

— Ого, Саша, — оборачивается к летчику Буранов, — счастливо отделались. Сбили бы они нас, как рябчиков, на втором заходе.

— Удалые у тебя ребята! — Летчик сжимает мою руку. Хватка у него крепкая.

На крыле причаленного самолета вижу белобрысого великана в кожаной куртке и летной фуражке, съехавшей набекрень. Широко расставив ноги в резиновых сапогах с отвернутыми голенищами, он стоит у мотора, приподнятого на кронштейнах. Из-под фуражки выбивается челка льняных волос, на красноватом широкоскулом лице резко выделяются почти белые брови. Вероятно, это бортмеханик — руки у него в масле. Он без накомарника и словно не замечает обжигающих комариных укусов.

— Как же вы, хлопцы, живете тут, в комарином пекле? — удивляется механик.

— Комариное пекло скоро остынет, а в горах у нас чудесно.

Представляю Буранову Ромула, Костю, Пинэтауна.

— А, Пинэтаун, здравствуй, вот и полетим к твоей Нанге. Как ваши олени в тайге поживают?

— Плохо... полтабуна потеряли, — грустно отвечает юноша, — пурга большая была.

Рассказываю Буранову о неожиданной снежной непогоде, о поисках оленей в комариной тайге. Мария тревожно прислушивается к нашему разговору. Еще на фактории я рассказал ей о своем обязательстве, и она очень волнуется.

— Сколько же потеряли все-таки? — хмурится Буранов.

— Тысячи две...

— Эх! Целое стадо... Вот и разводи оленей в тайге! Не знаешь, откуда беда грянет...

Вдруг Мария горячо вмешивается в разговор:

— На самолете нужно искать... Все, все видно с высоты. Я медведя и двух лосей в тайге заметила, когда сюда летели; лебедей на озерах пересчитала...

— Она дело говорит, — кивнул летчик. — Был я воздушным геологом и санитаром, за моржами гонялся, волков с самолета бил, теперь воздушным пастухом стану... На материке ребята делом занимаются, фашистов бьют в хвост и в гриву. А тут... Эх... полетим, что ли, Буранов, оленей ловить!

В полет собираемся втроем: Буранов, Ромул и я. Буранов займет кресло второго пилота, мы с Ромулом будем вести обзор через бортовые иллюминаторы. Бортмеханик Костя и Пинэтаун остаются на земле. Они уже развели дымокуры и натягивают большую брезентовую палатку нашего красного уголка.

В суматохе сборов не успеваю перекинуться и словечком с Марией. Может быть, дедушка Михась отложил поездку в Польшу?

— Товарищ Буранов, разрешите лететь на поиски! — просит Мария. — Я помогу высматривать оленей, зрение у меня острое...

Буранов кивает. Летчик машет из низкой кабины — пора лететь. Помогаю Марии юркнуть в люк. Наконец-то вместе. Устраиваемся рядом у зеркального иллюминатора. Совсем близко у стекла плещет зеленая вода. Задраенная кабина напоминает кабину подводной лодки. У иллюминатора правого борта на раскладном стульчике сидит Ромул. Он впервые в жизни поднимается в воздух.

Гидросамолет закачался на волнах. Взревел мотор. Плавно развернувшись, машина ринулась вперед. Иллюминаторы потонули в кипящих валах пены.

С высоты пятисот метров тайга кажется прозрачной, между деревьями просвечивает земля, и крупный зверь не скроется от всевидящих глаз воздушного наблюдателя. Прильнув к иллюминаторам, осматриваем пустынные дебри: самолет летит над тайгой межгорного понижения; оленей нигде не видно.

— Лось! — указывает вниз Мария.

Сквозь чашу ольховника проридается черно-бурый

зверь; сверху он кажется крошечным, но это настоящий лесной гигант; стволы молодого ольховника гнутся под напором массивного тела. В Омолонской тайге водятся самые крупные в мире лоси, иногда они достигают вышины двух с половиной метров.

— Ромул, погляди!

— Ко-кумей! Однако, считать сохатых в тайге можно. — Бригадир удивленно прищелкивает языком.

В иллюминатор правого борта виден Синий хребет. Скалистые вершины и голубоватые долины, подернутые дымкой, кажутся близкими и доступными.

— Так вот он какой! — Расширенными глазами Мария всматривается в далекие толпящиеся вершины. Вид неизведанной горной страны увлекает ее.

Уже больше часа мы в воздухе. Летая параллельными маршрутами, обшариваем межгорное понижение. В тайге оленей нет. Куда же они запропастились?

— В горах искать надо, — говорит Ромул. — Комары гоняли оленей из тайги.

— Неужто к Синему хребту пошли?

— На юг не пойдут, на север убежали.

У меня на груди микрофон телефона. Прошу Буранова облетать безлесные долины заомолонских сопок.

Земля ползет вверх, встает дыбом. Ромул, вцепившись в подлокотники, с ужасом разглядывает опрокидывающиеся сопки. Летчик положил самолет в крутой вираж. Вот самолет выравнивается, земля опускается на место, и вдруг мы видим совсем близко Безымянную долину, под крылом самолета знакомые яранги стойбища, табун, сбившийся на плоской террасе. Внизу жарко, и олени кружатся, спасаясь от комаров.

Самолет промчался над перевалом, едва не задев брюхом каменистую седловину. Почти у иллюминатора мелькают, сливаясь в светлые полосы, каменные плиты.

— Уф! Водораздел позади. Вспотел. Ну и летчик, скучно ему, что ли, летать...

Под днищем самолета проплывает соседняя безлесная долина. Зеленеют луга, вьется речка. Пусто... оленей нет. Долина плавно спускается к границе леса. Снова водораздел. Еще одна пустая долина. Перепрыгиваем через крутой, узкий гребень.

Что такое?!

Под нами широкая, почти круглая долина. Она высо-

ко приподнята над тайгой и примостилась ласточкиным гнездом у самого гребня скалистого хребта. Вся она в яркой зелени альпийских лугов, на солнце блестят ручьи.

— Олени! — вскрикивает Мария. — Вон там, видишь?

Сероватые крапины рассыпаны по дальнему зеленому склону. С высоты не сразу догадаешься, что это пасущиеся олени. Ну и острый глаз у девушки!

Самолет пролетает мимо ласточкиного гнезда. Летчик не заметил оленей.

— Олени по левому борту! — дико ору в микрофон.

Машина разворачивается и вдруг пикирует в дальний угол долины. Земля словно падает к нам. У самой земли машина выходит из пике и взмывает ввысь. Неведомая сила подбрасывает нас, и мы барахтаемся на полу кабины. Мария звонко смеется, она уже испытала воздушный прыжок.

Проклинаю летчика.

Самолет кружится, сгоняя обезумевших от рева мотора оленей в косяк. Считаю бегущих животных. Ого, в найденном косяке голов триста.

— Ай да воздушные пастухи! — слышу в наушниках рокошущий голос Буранова.

Самолет ложится на прежний курс и устремляется в следующую долину. Она полого спускается к границе леса. Оленей тут нет.

Через десять минут полета опять находим у самого водораздела высоко приподнятую висячую долину. На зеленом балконе пасется целое стадо отбившихся оленей. И опять летчик пикирует, сгоняя беглецов в большой табун.

— Однако, тысяча оленей!.. — возбужденно кричит Ромул.

Он стоит на коленях у иллюминатора, не отрывая глаз от стада, галопирующего по кругу. Трясушимися руками Ромул шарит за пазухой трубку и кисет.

— Ромул, а Ромул, очнись... Нельзя в самолете курить! — тормозит бригадира Мария.

Два часа находился самолет в воздухе. Мы облетели всю группу заомолонских сопок. В трех балконных долинах нашли всех потерянных оленей. Вероятно, эти зеленые балконы, хорошо обвеваемые ветрами, привлекли беглецов сочной зеленью и отсутствием комаров. Тонкий инстинкт вывел их сюда из комариного царства тайги.

Наш полет благополучно окончился на озере. Результаты полета превзошли все ожидания. В глубине души никто не надеялся на успех воздушного поиска.

Ромул неузнаваемо преобразился — никогда еще я не видел его таким радостным, возбужденным, полным энергии. Распростившись с летчиками, бригадир усккал в пастушеский стан собирать найденных оленей с висячих долин.

Мы расположились обедать вокруг костра среди спасительных дымокуров. Пинэтаун потчует душистым бульоном, сочной олениной, шашлыками, запеченными на огне. Кухня оленеводов нравится летчикам.

После короткого отдыха полетим в глубокую разведку Синего хребта. Горючего берем полные баки, на восемь часов полета.

Пинэтаун ерзает, как на иголках, с нетерпением поглядывая на самолет. Ведь наш воздушный корабль залетит в самое сердце горных хребтов, к недосягаемому, стойбищу Синих Орлов, где ждет избавления Нанга.

Летчик спешит — он не хочет упускать хорошей погоды. Летающая лодка опять в воздухе. Внизу мелькает палатка, проносится опустевший берег и темная вода озера, подернутая рябью. С острым любопытством разглядывает Пинэтаун проплывающую внизу тайгу, беловатые поля нетронутых ягельников, просвечивающие повсюду на склонах лесистых сопок и увалов. С птичьего полета отлично видно, что в межгорном понижении нет гарей, и табун легко пройдет здесь к Синему хребту.

Всматриваясь в илльминатор, Костя рисует в альбоме кроки предстоящего перехода. Отмечает поля ягельников, приметные сопки и переправы через таежные реки. Такие же зарисовки делает по левому борту Мария. Рисует она быстро, и кроки у нее получаются гораздо аккуратнее, чем у Кости.

Прислушиваясь к ровному шуму мотора, бортмеханик чинит брезентовый чехол. Дверка в летнюю кабину открыта. Протискиваясь в узкий проход между креслами пилотов.

Ух! Ну и панорама...

Сквозь прозрачный колпак кабины наплывают голубоватые вершины. Летчик набирает высоту, и ребристые

громады Синего хребта, медленно опускаясь, кажутся валами моря, окаменевшего в бурю.

Лес вершин простирается, насколько хватает глаз, теряясь в дымке далекого горизонта. Панорама девственной горной страны разворачивается все шире, подавляя грозным величием.

Буранов оборачивается, протягивает белый планшет и кричит, перекрывая рев мотора:

— Ваш Синий хребт великолепен, географическая находка! Посмотрите, планшет пуст, белое пятно!

Межгорное понижение остается позади. Гидросамолет пересекает границу неведомых гор. Вершины причудливых пиков, засыпанные обломками плит, похожи на зубья. Они проносятся совсем близко, на уровне иллюминаторов. Вероятно, наш самолет кажется мухой рядом с этими каменными гигантами. Глубоко внизу раскрываются безлесные долины, запертые альпийскими кручами. На этих кручах лежат белые стрелы нетающих снежников. Долины, образуя сложный лабиринт, часто расширяются, сливаясь с размытыми плоскогорьями.

На плато белеют ягельники, террасы покрыты альпийскими лугами, бегут реки, одетые в бордюры тальников. Горная страна, над которой мы летим, словно создана природой для крупного оленеводства. Комаров в этих горных убежищах, наверное, нет и в помине. А кручи, запирая долины, образуют громадные естественные корали. Здесь не потеряешь оленей.

Летим дальше и дальше. Безлесные долины Синего хребта сплетаются перед нами в громадный узел великолепных летних пастбищ.

Мария, Пинэтаун, Костя и даже бортмеханик затаив дыхание высматривают с высоты обитателей горного лабиринта. Но в пустых альпийских долинах не видно ни дымов стойбищ, ни оленьих стад.

Легкая дымка между вершинами сгущается в туманный слой. Мутная пелена повисает на уровне вершин. Долины просвечивают сквозь газовое покрывало.

— Что это, Саша? — спрашивает Буранов.

— Равновесие атмосферы полетело к чертям, конденсация облаков!

Мутная пелена уплотняется почти на глазах в облачное одеяло. Долины скрываются. Летчик отпускает ручку, самолет ныряет, пробивая тонкий облачный слой,

растянутый между вершинами. Внизу опять появляются долины. Свет солнца меркнет, землю заливают матовое сияние. Вершины пиков где-то выше самолета, в облаках. Они поддерживают облачную кровлю.

С непостижимой быстротой облака разрастаются, опускаются по склонам гор в долины, закрывают перевалы, теснят самолет ниже и ниже. Приземлиться летающей лодке в горных долинах негде. Летим словно в улицах фантастического каменного города.

Глаза у летчика сузились, на скулах перекачиваются желваки. Он яростно гонит машину вперед и вперед, забываясь в лабиринт долин, накрытых облачной крышей.

Буранов встревожился:

— К земле, Саша, не придавит, а?

Действительно, туманные облака спускаются все ниже. Самолет то и дело задевает белесые космы. В иллюминаторы теперь видны вместо горизонта крутые склоны и осыпи.

— Поворачивай, Саша, нельзя дальше, — указывает Буранов на опускающиеся облака.

Летчик как будто не слышит. Долина впереди расширяется — там сливаются несколько притоков. Облака спустились совсем низко. Горы словно срезаны бритвой. Самолет круто разворачивается. Захватывает дух. Кажется, чиркнет крылом зеленые альпийские травы. Вижу даже листочки тальников и пену ручья, танцующего по камням. Самолет выравнивается после виража и уносится обратно, ускользая из плена.

Неумолимо надвигаются облака. Летим в ста метрах над землей. Еще несколько минут — и туман накроет нас. У земли оставаться больше нельзя.

— Лапти уносить нужно! — кричит Саша, сдвигая шлем на затылок.

Буранов кивает. С оглушительным гулом самолет задирает нос и врывается в молочный туман. Пробиваем облачность. Вокруг ничего не видно — белая муть. Стрелка высотомера ползет по циферблату. Кажется, что движется она невероятно медленно. Ох, и неприятно, набирать высоту в слепом тумане среди грозных вершин.

Напряженно всматриваются пассажиры воздушно-го корабля в белую муть. Самолет словно завернули в вату.

И вдруг из тумана надвигается, падает на кабину каменная стена. Сквозь прозрачный колпак ясно вижу глубокие трещины — морщины утеса, белые жилы кварца, граненые плиты. Все происходит как во сне. Пол самолета уходит из-под ног. На секунду повисаю в воздухе. Промелькнула спина пилота. Приподнявшись на сиденье, вцепившись в штурвал, летчик опрокидывает машину. Каменная стена куда-то проваливается.

Кубарем лечу через порог дверки в пассажирскую кабину. Чьи-то руки хватают меня за брезентовую шторковку. Это Костя, Мария и Пинэтаун.

— Чуть в стенку не врезались! — возбужденно кричит Костя.

— Не ушибся? — Мария ласково проводит рукой по моему лицу. — Ох, и напугалась я: иллюминатором едва не задела каменный зуб.

После воздушной передряги она еще бледна, но держится мужественно. Бортмеханик следит в крошечный иллюминатор за работой пропеллеров. Фуражка у него съехала набок, освободив льняной чуб; он усмехается, и лишь капельки пота на лбу выдают глубоко скрытое волнение.

Нас спасла отвага летчика. Он не растерялся и в последнюю секунду положил машину в головокружный вираж, избежав гибельного столкновения.

Самолет пробивается через облачный слой. Туман светлеет и светится изнутри.

— Всплываем... — улыбается бортмеханик.

Самолет выскальзывает из облачной пелены. Кабину заливают яркие лучи солнца. В иллюминатор вижу крыло, сверкающее как обнаженный меч, и небо синее-синее. А под крылом простирается белый океан облаков. Голубоватые тени улеглись в провалы облачных волн. Облачное море уходит бесконечно далеко к зеленоватому небу у горизонта и отливает там радужным перламутровым блеском.

Кажется, что летим над Ледовитым океаном и внизу, под днищем самолета, все забито льдами. Среди белого океана скалистыми островками выступают верхушки пиков Синего хребта — опасные рифы воздушного океана.

Весь хребет закрыт облаками. Природа ревниво оберегает свои тайны.

Переговариваюсь в микрофон с Бурановым. Решаем прекратить полет и возвращаться к озеру. Главная задача воздушной разведки выполнена. Теперь ясно, что в альпийских долинах Синего хребта можно разместить многотысячные табуны оленей.

Облака внезапно исчезают — пролетели, границу высокогорья. Внизу знакомая тайга межгорного понижения. Облачная пелена застряла позади, на вершинах Синего хребта. У дальнего горизонта по нашему курсу блещут плесы Омолона.

Долго летим над зеленым лабиринтом распадков и лесистых сопек. И вдруг самолет проваливается. Земля встает дыбом.

Черт побери... опять...

Самолет пикирует на озеро. На воде плавают лебеди, и летчик пугает белокрылую стаю, освобождая место для посадки. Машина взмывает в воздух, разгоняя все живое ревом мотора. Идем на посадку. Темная вода ближе и ближе.

Наконец-то!

Поднимая пену, гидросамолет мчится по озеру. Несколько часов мы провели в воздухе. После виражей кружится голова. Помогая друг другу, выбираемся на мшистый берег. Мария с сожалением покидает самолет — ей понравился рискованный полет. Хрупкая на вид, она храбро перенесла все воздушные приключения.

С удовольствием расхаживаем по твердой земле после зыбкого воздушного океана. Вокруг гудят комары, словно приветствуя нас с благополучным возвращением.

Из люка появляется летчик.

— Эх, и сорвиголова! — бормочет, закуривая, Костя.

Пилот спрыгивает на землю и, снимая шлем, вытирает потное загорелое лицо.

— Ну и мышеловка твой Синий хребет, едва лапти унесли...

— Спасибо вам, Саша! — трясую крепкую руку бесстрашному пилоту.

Мария с Пинэтауном уже разводят костер и дымокуры. Летчик долго смотрит на девушку.

— Смелая... — тихо говорит он. — Счастливый ты человек!

— Я?! Мария в Польшу уезжает.

— Такая не забудет. Встретитесь вы, помани мое слово...

Навсегда врезался мне в память этот полет. Ночевать летчики остаются у озера. На рассвете Буранов улетит обратно на Колыму и дальше в Певек на Чукотку. Ему поручено организовать новый оленеводческий совхоз в Чаунской тундре на берегах Полярного океана.

За ужином собираемся у костра. Полночное солнце низко спустилось над сопками, вызолотив тайгу. Озеро притихло.

Буранов показывает карту:

— Вот отсюда, из Чаунской тундры, перегоним табуны чукотских оленей к вам на Омолон. А весь прирост уйдет дальше, к приискам. Нужна цепь оленеводческих совхозов в тайге. В горах Омолона, на Синем хребте выкуете, друзья, главное звено этой цепи...

Буранов волнуется. Оказывается, он мечтатель. Мы расположились вокруг походного костра на пустынном берегу озера, в сердце девственной тайги. Еще не существует ни Чаунского, ни Омолонского совхозов, а ему мерещится живая цепь таежных совхозов вокруг золотых приисков, в глубине Колымского края.

Не думали мы, что жизнь опередит вскоре самые смелые мечты. Откинув непослушные пряди волос, Буранов продолжает:

— Усадьбу вашего совхоза построим у водной магистрали, на берегу Омолона...

— Да где же тут водная магистраль? По Омолону пароходы еще никогда не плавали, — удивляется Мария.

— Пойдут, если надо, — спокойно отвечает Буранов.

— А течение — ведь пятнадцать километров в час. Перекаты! — не унимается девушка.

— Пароходы пустим на Омолон в летнюю высокую воду.

Буранов, в сущности, прав. Почему не пустить пароходы на Омолон, подвезти одним махом строительные материалы, продовольствие? Ведь Дальнее строительство имеет свой речной флот, а режим горных колымских рек необычен. Здесь два половодья — большое весеннее и поменьше, августовское. В это позднее половодье реки вздуваются, принимая воды тающей мерзлоты и дождей.

Пьем горячий чай у костра, рассуждая о заманчивых перспективах таежного оленеводства. Наконец летчики уходят спать. Поднимаются и Буранов, Костя, Пинэтаун. Утомленные полетом, они быстро засыпают в просторной палатке красного уголка. Мы остаемся с Марией наедине.

Полуночное солнце выглядывает из-за дальней сопки. Тайга на гребне пылает золотым пожаром. Спустилась ночная прохлада. Черный омут озера дымит туманом. Комары скрылись в траву. Догорает костер, потухающие дымокуры курятся синевой. Из тумана выплывают на середину озера два диких лебедя. Распушив белые крылья, они то сплываются, то медленно расходятся, отражаясь в темной воде.

— Смотри, Мария...

Девушка задумалась. Она срывает полярный одуванчик и откусывает нежные лепестки. Желтоватая пыльца окрашивает пушок у губ. Осторожно привлекая ее, Мария доверчиво примостилась к плечу. Прикрывшись штормовкой, молчаливо любуемся игрой лебедей на уснувшем озере.

— Неужели уедешь, Мария?

— Что же делать, Вадимушка? Буранов привез свежие газеты: в Польше уже народное правительство, наши войска прошли границу, гонят фашистов. Дедушка написал телеграмму Болеславу Беруту — они вместе работали в подполье. Буранов обещал отправить телеграмму с Колымской радиостанции. А уезжать дедушка собирается катером пушной инспекции. Катер скоро заберет на фактории пушнину.

Алыми парусами загораются облака над сопкой. Туман ползет к берегу, закрывая лебедей. Тихонько укутываю Марию штормовкой. Она свернулась калачиком и примолкла. Может быть, дедушка Михась прав — разлука навсегда закалит нашу дружбу.

— Мария, любишь ли?

— На всю жизнь... — тихо и твердо говорит девушка.

Все завертелось, поплыло куда-то. Целую родные теплые губы в пыльце одуванчика. Это был первый и прощальный наш поцелуй.

...Мария улетела на факторию. Я не чаял больше увидеть девушку и тяжело переживал разлуку. Мне снились грустные глаза и бледное лицо, затуманенное печалью.

Девушка задумалась.

Такой я видел Марию в последний раз в промелькнувшем иллюминаторе самолета.

Улетел с Бурановым и Костя. Ему предстояло объехать тундровые стада Колымского совхоза в самое опасное, знойное время.

После памятного полета к Синему хребту прошел почти месяц. Трудное это было время: мы собрали с всяких долин всех потерянных оленей, но в душные, жаркие дни тучи комаров накрыли безлесные долины, и пастухам приходилось туго. Табуну грозила эпидемия, и пришлось спасать оленей необычным способом.

Перед отлетом Буранов вручил мне конверт, оклеенный марками. В сутолоке полетов он чуть не забыл отдать письмо, полученное из Якутска.

В конверте оказался ответ Николаевского. Бактериолог получил наше длинное послание из Колымской тундры. И первая победа над копыткой обрадовала его. Теперь ученый-ветеринар советовал испытать в таежном походе защитные навесы. «Под тeneвыми шатрами, — писал Николаевский, — олени не перегреваются на жарком солнце, а дымокуры вокруг навесов защитят от комаров».

Веток и шестов в близкой тайге было хоть отбавляй. Мы разделили табун на три части и принялись мастерить навесы на альпийских пастбищах, в безлесных долинах. Полудикие животные, забираясь в шатры из веток, становились послушными и ручными; часами нежались они в тени, спокойно пережевывая жвачку под защитой дымокуров.

Ромул только прищелкивал языком, удивляясь магическому действию навесов. Олени быстро поправились, и угроза эпидемии миновала. Бригадир с любопытством расспрашивал о Николаевском, почтительно называя бактериолога «главным оленеводом».

Наступил август, и комары стали исчезать. Пора было готовиться к походу сквозь тайгу межгорного понижения. Близились темные ночи, и Ромул хотел вовремя загнать табун в закрытые долины Синего хребта.

Но далекие вершины уже не манят меня. Забираясь на скалистый пик, часами разглядываю в бинокль плесы Омолона. Там, в невидимой дали у подножия утесов, осталась одинокая фактория.

— Где ты, дорогая Мария? Увидимся ли мы с тобой?..

Однажды на близком перевале появился человек с котомкой и винчестером за спиной. Он торопливо спускается по осыпям, почти бежит к пастушьему стану.

Что за гость?

Подходит загорелый незнакомец, обросший рыжей щетиной, в изорванной, запыленной одежде. Уж не беглец ли пожаловал?

Лесной бродяга смеется.

— Да это же Костя! Окаянная душа... Откуда ты?

Обнимаю и тискаю друга. Оказывается, он вернулся на Омолон с катером пушной инспекции. Длинный путь от фактории по комариной тайге Костя совершил в трое суток и принес уйму новостей.

Наша бригада заняла первое место по отелу и удержала переходящее красное знамя. Директор совхоза, услышав о роспуске табуна в тайге, подал Буранову рапорт, слагая с себя ответственность за судьбу оленей на Омолоне.

— Ох и разозлился Буранов! — ухмыляясь, рассказывает Костя. — Заявил, что боязливых нужно вообще освобождать от всякой ответственности. Алексей Иванович стал даже собираться на материк. Спасибо Кате — помирила начальство.

Генерал разрешил Буранову пустить пароход с баржами на Омолон. Караван пойдет в августе из Зырянки и привезет нам строительные материалы и снаряжение на целый совхоз.

— Вот так размах!.. Важные известия! А Мария, ты видел Марию?

— Котельникова на фактории опять оставили, пушной плут откупился, два плана сдал, — словно не расслышав, продолжает Костя свой удивительный рассказ. — Подлец предупредил Чандару о движении оленей совхоза к Синему хребту. Старик приезжал на факторию за чаем и табаком. Мария случайно слышала их разговор.

— Дьявольщина! Да говори же, где она!

Костя поник, опустив голову. Вытащил из-за пазухи и протянул сверток в голубом платочке.

— Просила передать тебе... На катере уехала твоя мадонна.

— Эх, Костя, Костя! Мария не могла поступить иначе...

Разворачиваю платочек. На ладонь выскальзывает знакомый портрет в золоченой овальной рамке. С портрета спокойно и твердо смотрят ясные, умные глаза Елены Контемирской.

Рядом с девизом Кошута мелким почерком Мария написала:

Прости, уезжаю. Польский комитет национального освобождения зовет под знамена Народной республики. Посылаю самое дорогое, что осталось у меня. Наш Булат со мной.

Твоя Мария.

Ч А С Т Ь Ч Е Т В Е Р Т А Я

ГИБЕЛЬ СИНЕГО ОРЛА

Глава 1. ЗНАК СИНЕГО ОРЛА

Что влечет нас к Синему хребту? Погоня за славой или радость битвы с девственной природой?

Нет, нас манит неведомая земля, ее богатства. Недаром мы прорубились сквозь тайгу. На тучных, никем не тронутых таежных пастбищах олени избавились от эпидемии. На берегах Омолона мне уже чудились многочисленные поселки, а в горах — огни новых совхозов.

Только здесь, у порога Синего хребта, я понимаю, какая силища влекла когда-то сибирских землепроходцев сквозь неведомые дебри искать счастливой доли...

— Гарью пахнет! — Тревожный голос Кости возвращает к действительности.

— Гарью?!

Костя прав: ветерок приносит с перевала острый запах гари. Мы стоим на склоне распадка, утонувшего в буйных таежных зарослях. Вокруг шелестят кусты, трещат и ломаются сучья — это идут наши олени. Где-то протяжно поет кочевую песнь Пинэтаун.

— Эгей... у-у-х!.. — гикают пастухи, ударяя палками по стволам.

Забрались в самое сердце Омолонской тайги. Трое суток блуждаем с табуном в лабиринте таежных сопок и глухих распадков на подступах к Синему хребту. Кажется, что зеленые чащи покрывают всю землю и нет им конца и краю.

Внезапно раздвигаются кусты, появляется Ромул. На широком лице сквозь темный загар проступают сероватые пятна, брови насулены.

— Совсем плохо пахнет, наверх ходить надо.

Ого... И Ромул учуял запах гари!

В зарослях смолкает песнь Пинэтауна, пастухи не стучат по деревьям — всех насторожил тревожный запах.

Вслед за Ромулом продираемся сквозь цепкие гущи кедрового стланика выше и выше по крутому склону.

Наконец ступаем на плитчатые осыпи, горячие от солнца. Перегоняя друг друга, выбираемся под открытое небо. Почти плоская вершина усеяна камнями в оранжевых пятнах наскальных лишайников. Голец одиноким островком возвышается над тайгой. Взобрались на самую высокую сопку межгорного понижения. Над головой лишь ясное небо без единого облачка и расплавленное добела солнце.

Сквозь голубоватую дымку просвечивают еще далекие склоны Синего хребта. Панорама лесистых сопок и зеленых распадков внизу подернута странной синевой. Кажется, что тайга накрыта тюлевым покрывалом.

Ромул указывает на столбы дыма, поднимающегося в дальних распадках:

— Видишь, тайга горит.

— Странно, почему дымы клубятся в разных местах, словно окружая нашу сопку?

— Совсем плохие люди... тайгу зажгли! — Бригадир растерянно оглядывает кольцо дымов.

Только злые руки могли зажечь лес одновременно во многих местах, почти в шахматном порядке. Пожар занялся и позади, откуда мы пришли, перерезая пути отступления к омолонским сопкам, — справа, слева и впереди, преграждая путь к Синему хребту.

— Знак Синего Орла... Чандара поджег тайгу! — бормочет Костя.

— Не по совету ли Котельникова?

Костя зло сгибает посох в дугу; дерево трещит и ломается.

— Эх, Вадим, говорил тебе: нечего было цацкаться с ним!.. Доберусь до фактории — шею сверну торгашу!

В распадках, что поближе, уже вьются багровые языки пламени. Летняя тайга горит, как порох. Клубы дыма соединяются в облака, серые от копоти. Разгораясь, таежный пожар грозит замкнуть табун в огненное кольцо.

— Что будем делать, Ромул?

— Убегать надо, быстро убегать.

— Куда?

— На Синий хребет... Вся тайга тут сгорит, как в плошке.

Действительно, огонь быстро испепелит тайгу в широкой впадине межгорного понижения. Вершина, откуда мы следим за пожаром, разгорающимся вокруг, соединяется с безлесными склонами Синего хребта цепью сглаженных сопок. Но склоны и седловины между ними заросли кедровым стлаником и мохнатыми лиственницами; голые вершины кажутся крошечными островками среди зеленого моря.

— На плешах не укрыть стада — сгорим на каменных сковородках! — ворчит Костя.

— Может быть, успеем прорваться по водоразделу к хребту?

Ромул кивает. Медлить нельзя. По водоразделу там и тут поднимаются столбы густого дыма, закрывая последнюю лазейку. Поджигатели нанесли верный, рассчитанный удар.

Бегом спускаемся вниз, скачем по осыпи, ломимся сквозь стланик. Пастухи собрали оленей в табун, ожидая

нашего возвращения. Олени не спокойны — раздувая ноздри, принимают к запаху гари. Каждую минуту стадо может охватить паника. У трех высоких лиственниц сбились выючные олени. Кымыургин ходит между нами, молчаливо подтягивая подпруги. Здесь не менее сотни выюков. Целый караван... длинный громоздкий хвост.

— Тагам, тагам... вперед, вперед! — кричит Ромул, указывая посохом на перевал.

Все зашевелилось, зашумело вокруг. Пинэтаун рысью выводит вперед связку верховых оленей без седел — они заманят, поведут табун. Пастухи с пронзительными воплями теснят стадо, и олени устремляются вслед за учками, уходящими к перевалу.

Теперь от быстроты бега зависит судьба людей и многотысячного оленьего стада. Успеет ли унести ноги?

Заботит судьба выючного каравана. Кымыургину помогает лишь маленький Афанасий — все пастухи у табуна. Двоим с выюками не управиться. Отстать каравану нельзя: на выюках весь наш походный скраб и продовольствие. Помочь Кымыургину остается Костя. Спешу нагнать Ромула, он где-то впереди прокладывает тропу. Дымная пелена заволакивает небо, солнце тлеет, как раскаленный уголь.

Два часа бегом гоним оленей по густой тайге. Тревожно на душе. Неужели никогда не будет покоя в этих чащах?

Настигаю Ромула лишь в поредевших зарослях кедрового стланика у перевала. Верхом он быстро поднимается к близкой седловине, раздвигая посохом колкую хвою.

— Ого! Пожар разгорается.

С перевала виден соседний распадок, объятый дымом и пламенем. Огненные языки прорывают дымные тучи. На дальнем склоне ярко горит кедровый стланник. Глухой шум доносится снизу, как будто оттуда надвигается ураган.

Едкий запах горелого дерева мутит голову, наполняет душу тревогой. Вниз, в пекло, не спустишься — пожар отрезал удобный путь к следующему перевалу.

Погоняя учагов, подъезжает Пинэтаун. Картина разбушевавшейся стихии потрясает юношу. Пожар в тайге он видит впервые и следит с нескрываемым страхом, как медленно ползет к перевалу, колыхается багровая туча дыма.

— Скорее!.. На сопку! — хрипло кричит Ромул. — На сопку!..

Выбраться к следующей седловине теперь можно только через вершину. Пинэтаун поворачивает и галопом гонит связку верховых оленей к близким осыпям. На седловине появляются передовые олени. Пугливо озираясь, останавливаются, робко и нерешительно переминаются.

— Тагам... тагам!

Ромул прыгает в седло и скачет вслед за Пинэтауном, заманивая испуганных оленей. Если передние ряды дрогнут и повернут, пастухам не удержать стада.

Уф! Кажется, пошли...

Снизу напирает табун, и растерявшиеся олени, не выдерживая натиска, устремляются к осыпи. Наше счастье, что обитатели тундры не знают бедствия лесных пожаров. Ромул и Пинэтаун уже карабкаются высоко по осыпи с вереницей верховых оленей. Длинным языком растянулось стадо на подъеме. Пастухи, галопируя на уचाгах, выгоняют из леса отставшие косяки.

Подъем крут. Из-под копыт оленей сыплются гремящие камни; оседающая осыпь ползет и шипит, словно живая. Распадок, охваченный пожаром, скрывается в дыму. Сверху он кажется кратером разверзшегося вулкана.

Облака дыма заволакивают все вокруг. Солнце гаснет, пропадает. Наступают лиловые сумерки. Бледный оранжевый свет заливают взрыхленную копытами осыпь. Остро пахнет гарью. На лица и одежду оседает тонкий черный пепел. Окутанные серым дымом, уходим куда-то вверх.

Что ожидает впереди? Несдобровать, если огонь прорвется к следующей седловине — табун окажется в огненном кольце.

Я не устал, но еле переступаю, поднимаясь вслед за пастухами. Нестерпимо тяжело на душе. Олени скрываются в дыму. Жаль, что не успели тут проскочить зимой, по снегу. Вот где мстит упущенное время!

Внизу сквозь дым просвечивает опустевшая седловина. Огонь подкрадывается к пройденному перевалу. Куда запропастились Костя и Кымыургин? Ведь пламя закроет путь к вершине.

Сбегаю по осыпи обратно. Горячий воздух обвеивает седловину. Из распадка несется шум близкого пожара. На спуске с перевала ветви больно хлещут лицо.

— Да где же они?

И вдруг в кустах ольховника слышу громовые проклятия.

— Костя! Сюда, скорее сюда...

Он выбирается из кустов, взъерошенный, красный, вспотевший, вытягивая за уздечку передового оленя.

— Умаялся!.. За деревья цепляют, душатся, выюки на брюхо съезжают. Помоги Кымыургину. У него полсотни этих дьяволов.

Продираюсь сквозь кусты. Вот Афанасий. Мальчонку почти не видно в седле, но своих оленей он ведет сноровисто, почти не останавливаясь. Позади Кымыургин. Ну и длиннющая у него связка — не видно конца каравана. Отцепляю половину «поезда»; идем быстрее. Тайга редеет. Рысью выводим караван на седловину.

Ух и пекло! Все в дыму, из невидимого распадка пышет жаром.

— Вперед... на осыпь!

Перепуганные олени бегут, подкидывая выюки. Прорвались!.. Позади вспыхивают мохнатые лиственницы. Назад пути нет.

Подгонять караван не нужно. Из последних сил карабкаются олени по осыпи. Выюки съезжают на спину, на ходу подтягиваем ослабевшие ремни. Долго пробираемся в дыму; першит в горле от копоти.

Вот и плоская каменная вершина. Выючные олени останавливаются, сбиваются в плотную кучу, опустив морды.

— В чем дело, почему стоим?

Из дыма vyplывают фигуры. Бегут Костя и Кымыургин:

— Седловина впереди горит!

На вершине оставаться нельзя. Олени едва умещаются на каменной площадке. Здесь уже и сейчас жарко. Что же будет, если огонь окружит вершину, подступит вплотную?

У передовых оленей, опершись на посох, невозмутимо, как маленький старичок, стоит Афанасий. На потемневшем от копоти лице блестят белки глаз. Внизу, в прорывах дымных туч, вся в огне, корчится тайга на седловине. Опоздали...

Тропа, вытопанная табуном, уходит вниз. Олени, видно, проскочили на дальнюю сопку, когда пожар еще толь-

ко занимался. Теперь на перевале море огня — горит стланик.

Ветерок разгоняет дым, раздувает пламя. Вправо уходит вниз лесистый распадок, еще не тронутый пожаром; лишь дальше, там, где ключ выводит в широкую лесистую долину, все затянуто дымом.

— Сволочи!.. Кругом подожгли! — рычит Костя.

— Туда кочевать будем, — указывает в распадок Кымыургин.

Кажется, успеем...

Если спуститься и пересечь распадок, можно проскочить между двух огней и, минуя седловину, вырваться из огненного кольца на плечо дальней сопки. Это единственный путь к спасению.

Разбираем связки вьючных оленей и спускаемся по крутому каменистому склону в распадок. Теперь вьюки ползут оленям на рога. С головоломной кручи бедные животные съезжают почти сидя.

Дым заволакивает распадок, но я успеваю взять по компасу азимут на плечо дальней сопки. Врезаемся в сплошные дебри кедрового стланика. Олени застревают, барахтаются среди пружинистых узловатых ветвей. Иногда повисают, зажатые тисками, качаясь словно на качелях. Без топора не пройдешь. По очереди прорубаем тропу. Медленно ползет караван в зеленом туннеле из душистой хвои, увешанной шишками.

А время бежит. Обрубленные сучья цепляют, рвут, сдергивают вьюки.

— Эх, и чертова жизнь! — Костя крушит заросли каннадским топором с длинной изогнутой рукояткой.

Где-то наверху гудит пожар. Уж не горят ли у седловины наши смолистые гуши? Сгорим вместе с вьюками и оленями. Невольный страх холодит, давит сердце, гонит людей и животных. Рубим и рубим кривые лапы, а они сжимают, стискивают, точно в объятиях.

Прорубаемся сквозь дебри, проталкиваем оленей, вьюки.

Наконец-то!..

Стланиковые гуши редеют. Кедрач окончился. Вокруг поднимаются могучие лиственницы. Под ногами пружинит ковер ягельников — любимая пища огня. Летом эти пушистые сухие ковры горят лучше бересты. Сил нет — валимся на мягкий ковер.

Вспыхивает красноватое зарево, освещая мачтовые лиственницы. Дым светит багровым сиянием. Ох, жарко, трудно дышать! Совсем близко пылает тайга.

— Стланик горит... скорее!

Бежим среди лиственниц, погоняя оленей. Вламываемся в густые заросли ольховника. Тревожно шелестят листья, вянувшие в жарком дыхании пожара. Сверху летят горящие ветви. Сквозь листву просвечивают языки пламени. Загорелись, видно, ягельники.

— Вода! — вскрикивает Кымыургин.

Вот так диво!

Прозрачная речка струится среди ольховника. Вижу песчаное дно в блесках слюды. Олени сбегают в воду и жадно пьют. Речка неглубокая, по брюхо животным. Не остановит ли она огонь?

Плашмя падаю в речку, окуная лицо в прохладную влагу. Как приятна вода в дымном пекле пожара! Рядом фыркает Костя, смывая копоть с почерневшего лица. Кымыургин и Афанасий торопливо подтягивают вьюки.

Прохлаждаться нельзя. Дым чернеет, словно наливается тушью. Сумерки сгущаются в ночь, хотя часы показывают полдень. Там, где горит тайга, полыхает багровое зарево, кровавыми бликами раскрашивая чернеющие тучи дыма. Желтые языки огня пляшут близко за кустами, просвечивая сквозь листву.

Выбираемся на противоположный берег, спотыкаемся во мраке. Очутились в лиственничной тайге. Огнезарные туманности освещают беспросветную пелену, заслонившую солнце.

И вдруг яркий багровый свет заливают все вокруг. Огненная стена с оглушительным ревом поднимается за рекой. Огонь пожирает тайгу, растекаясь вдоль русла. Падают горящие стволы, взлетают ветви, объятые пламенем. Река шипит, окутанная паром и дымом. Клубящиеся огненные вихри с грозным шумом перелетают реку, поджигая лиственницы.

Над головами с треском лопаются раскаленные головы, рассыпаясь тлеющими угольями.

Не забыть этой страшной картины. Обезумевшие олени с налитыми кровью глазами мечутся, встают на дыбы, падают, запутавшись в упряжи. Шумящими факелами горят лиственницы справа и слева от нас, опалая нестерпимым жаром.

— А черт!.. Костя, что делать?!

Вижу Кымыургина. Освещенный красноватым заревом, черный от копоти, в обгорелой куртке, он кричит, размахивая ножом:

— Гореть будем! Выюки бросать надо!

Не вырваться с тяжелым караваном из огненного кольца. Выхватывая ножи, прыгаем в гущу оленей. Режем, режем ремни, сбрасываем седла и выюки... Олени, освобожденные от пут, уносятся вверх по склону.

Устремляемся сквозь пылающую тайгу вслед за оленями, оставляя позади груды тлеющих седел и выюков. Перепрыгиваем через огненные языки, проваливаемся в ямы, наполненные горячей золой, тушим на бегу друг у друга одежду.

Куда, сколько времени бежали — никто не помнит. Очнулись на осыпи. Лежим на горячих камнях, задыхаясь, точно рыбы, выброшенные на берег. Распадок, окутанный багровым дымом, остался внизу.

Впереди еще один переход — перед нами осыпь — свободный путь к вершине... Но где взять силы?

Глава 2. В ОРЛИНОМ ГНЕЗДЕ

В жизни человека не все сбывается, что он задумывает, о чем мечтает. В тайге, объятый пламенем, мы потеряли походное снаряжение и продовольствие.

Но главное было сделано: Ромул успел вывести олений табун из горящей тайги на склоны Синего хребта.

Пожар не пошел дальше предгорий — безлесные склоны остановили огонь. Тайга выгорела лишь в широком межгорном понижении, и черные распадки, и обуглившиеся сопки чуть дымились вдали. Обширная гарь отрезала Синий хребет от далекого Омолона.

В сутолоке пожара уцелел лишь один выюк. Ездовые олени вырвались из огненного кольца, догнали табун, и пастухи тотчас изловили одинокого забвюченного оленя. Мягкий выюк хорошо лежал на седле и не упал во время скачки. Олень вынес из огня большую палатку, медный чайник, ведро и торбу с плиточным чаем. Это было все, что осталось от нашего богатого каравана.

На себе пастухи вынесли топоры, два винчестера, мой морской бинокль и боеприпасы в патронных поясах. Во выюках сгорел любимый рюкзак, пропала сумка с днев-

ником. Уцелели только вещи, что были на мне: карабин, обойма патронов и подарок Марии — портрет с девизом Кошута. Портрет я хранил в непромокаемом кармане на груди и пронес свой талисман сквозь все испытания.

Часто теперь вытаскиваю портрет. С акварели смотрит нежное, задумчивое лицо Елены Контемирской. Но глаза... родные, ясные глаза Марии. Где ты сейчас, куда унесла живое сердце?

Единственная наша палатка приютилась на дне широкой долины и кажется пылинкой среди причудливых пиков. Рядом бежит прозрачная, как слеза, горная речка. На дне играет каждый камешек. На отмелях, усыпанных голубой галькой, цветут полярные маки, все русло утопает в зелени приземистых ивовых кустарников. На речных террасах пестрят альпийские луга, а выше, на склонах, белеют ковры ягельников.

Хорошо в этих пустынных солнечных долинах, среди молчаливых вершин. Ни комаров, ни мошкеры; олени мирно пасутся, объедая сочную листву ивняков. Весь табун как на ладони. А воздух! Вдыхаешь и вдыхаешь во всю грудь, без усталости.

У палатки веселье. Все собрались вокруг ведра с дымящейся ухой. Пинэтаун одобрил ее диким луком и пахучей горной петрушкой. У каждого в руках самодельные плошки из бересты и черпаки, вырезанные из дерева. Ведь жизнь на Синем хребте нам приходится начинать, как робинзонам.

Ох и вкусна уха из хариусов!..

В речках тут полно форелей. Они собираются в неглубоких омутах стаями, и мы наловчились добывать их, швыряем в воду огромные булыжники и собираем обильную жатву. Вероятно, так первобытные люди глушили рыбу.

На второе у нас жирная оленина, а на третье гора голубики, пахнувшей лесом, крупной и сочной, как виноград. Нет ни сухарей, ни лепешек, ни соли. Но никто не замечает этого.

Вспоминаем тревожные походы сквозь огненную тайгу. Ромул страшно встревожился, когда бегущий табун догнали ездовые олени без вьюков и седел, с опаленной шерстью, покрытые копотью. Пинэтаун с молодым пастухом ускакали обратно в дымное пекло искать пропавших людей. Ромул с оставшимися пастухами продолжали гнать табун к спасительным склонам Синего хребта.

Пинэтаун размахивает черпаком и, вытаращив глаза, рассказывает под взрывы смеха:

— Идут черные, злые, сапоги стучат — твердые, что железо. Костя ругается — далеко слышно. У Вадима борода сгорела, совсем маленькая, кривая стала. Самый злой Кымыургин, ровдужные штаны сильно высохли, хрустят, когда шагает, — кабанг... кабанг!..

Кончить Пинэтауну не удастся. По склону сопки, размахивая обгорелым платком, бежит Афанасий. Он кричит, но слов не слышно.

— Что случилось?!

— Олени, чужие олени!..

Ого! Известие важное.

Круглые сутки дежурит теперь на высотах у табуна часовой, вооруженный винчестером и уцелевшим биноклем. Афанасий поддерживает связь с часовым, приносит пищу и воду. Рассказ Афанасия взбудораживает всех — тут уж не до обеда.

Дежурный пастух разглядел в бинокль на дальнем перевале стадо чих-то оленей. Они уходили, скрываясь за перевал, а позади, подгоняя неизвестное стадо, ехал верхом на олене человек.

— Неужто обитатели Синего хребта так близко?

Пинэтаун бледнеет от волнения. Последние дни он ходит радостный и возбужденный, словно чувствуя близость Нанги.

— По следу ехать надо, в стойбище Синих Орлов! — восклицает юноша.

— Случай подходящий, а, Ромул?

— Однако, в гости ходить надо, — хитровато шурится бригадир.

— Винчестеры возьмем, старика изловим! — оживляется Костя.

Предложение заманчивое. Тайгу, несомненно, поджег Чандара и едва не погубил табун совхоза. Милиции здесь нет, и мы имеем право задержать поджигателя.

— Как думаешь, Ромул?

Опустив голову, он молчит. Все притихли, ожидая ответа молодого бригадира.

— Мирно надо ходить, — отвечает наконец Ромул.

— Нельзя без оружия, — горячится Костя, — перестреляют, как куропаток!

— Закон в тайге что в тундре — одинаковый, — хму-

рится бригадир.—Винчестеры оставим. Однако, не убьют гостей.

Ай да Ромул, настоящий дипломат! Хорошо, что в эту трудную минуту он оказался рядом. Мудрое решение спасло нас.

Искать стойбище отправляемся втроем: Ромул, я и Пинэтаун. У Кости нрав слишком горяч, и он остается беречь табун. Захватив винчестер, Костя поднимается с Афанасием к часовому. Вылавливаем верховых оленей, берем в дорогу на седла вяленого мяса и тоже взбираемся на сторожевую сопку.

На вершине Ромул в последний раз поправляет ремни упряжи. Пинэтаун в бинокль осматривает дальний перевал. Там пусто, видны лишь камни.

— Зря, Вадим, без оружия уходишь. Туго придется — сигнальте дымом. Тогда не поздоровится синим грачам.

Костя сжимает винчестер загорелой, исцарапанной ручищей. Спокойнее становится на душе. Без лишних слов сжимаю крепкую, мозолистую ладонь.

— Спасибо, Костя! Два дыма — сигнал тревоги.

Прощаемся. Уходим на учагах все дальше и дальше по каменистому гребню, напрямик к таинственному перевалу. Что ждет нас в стойбище Синих Орлов?

Внизу раскрывается голубая долина, она теряется далеко-далеко в горах, в туманных ущельях. Учаги осторожно ступают по тропке, вытоптанной в каменистых россыпях.

— Чья это тропа, Ромул?

— Чубуку ходили.

— Снежные бараны?

— Много их здесь — целое стадо. Утром ходили, вкусное мясо убежало.

Жаль, что оставили винчестеры. Можно было поохотиться, добыть шкуру и рога редкого альпийского барана, почти неизвестного зоологам.

— Вернемся, большую охоту будем делать. Мясо у чубуку что шоколад! — прищелкивает языком Ромул.

Вокруг толпятся каменистые вершины. Огромная горная страна разворачивается перед нами. Крутые склоны и осыпи повсюду исчерчены узкими тропинками. Быстро идут наши учаги по тропам горных баранов. На перевал выходим через два часа. Плоскую седловину устилают

влажные мхи, блестят мелкие озера, украшенные пушицей. Горная тундра измята оленьими копытами.

— Пастух оленей собирал, — говорит Ромул, внимательно рассматривая следы. — Совсем близко стойбище.

Невольно оглядываюсь. Пустой и голый распадок круто уходит вниз и, заворачивая вправо, скрывается за черной осыпью. Что там, за поворотом?

Тихо в горах, ярко светит солнце. Высоко над вершинами парит, расправив крылья, орел. С высоты ему, наверное, видно, где скрывается стойбище. Знают ли его обитатели, что пришельцы вырвались из огненного кольца?

Пинэтаун нетерпеливо трогает ухага. Лицо юноши посерело от волнения. Может быть, за близким поворотом настигнем неуловимую Нангу?

Осторожно спускаемся по взрыхленной оленьей тропе. Сланцевые плитки осыпаются, звенят под копытами. Верховья распадки погребены осыпями. Ромул осматривает каждый камень, каждую расщелину впереди. И у них могут быть часовые. Поворот ближе и ближе. Внезапно открывается широкая, почти круглая долина. Она заперта отвесами крутых сопок. По дну долины блестит, изгибается крутыми излучинами речка.

Олени!

Спрыгиваем с седел. Повсюду — на речных террасах, на альпийских лугах — по склонам пасутся косяки оленей.

— Эгей! Большой табун, тысячи три будет! — удивляется Ромул.

Олени свободно бродят по склонам долины. Не видно ни людей, ни палаток, ни чумов.

— Где же пастухи?

— Вон стоят... — усмехается Ромул, указывая на сопки и скальные стены, закрывающие долину.

Из этого огромного естественного коралля оленям некуда деваться.

— Хороша долина!.. Смотри, Ромул, и ягельников хоть отбавляй. Вот бы нам такую долину на темные ночи!

— Дым... — Пинэтаун указывает на синеватое облачко, плавающее далеко внизу, над зарослями кедрового стланика.

Стланик разросся на увале. Узким языком он врывается в безлесную долину.

— Там?

Ромул кивает. Стойбище Синих Орлов скрывается на дне долины, за этой зеленой грядой. Как встретят обитатели Синего хребта непрошенных гостей?

Спускаемся ниже и ниже. Выходим на косые травянистые склоны. Прозрачный ручей спадает по камням. Горные вершины поднимаются вверх. Ну и глубокая долина! Гряда, заросшая стлаником, образует борт нашего распадка. Теперь, если ее перевалить, откроется место, откуда поднимался дым.

— Пошли. — Ромул мягко соскальзывает с седла.

Вступаем под шатер душистой хвои с учагами на воду. Кедровый стланик растет не густо, шишек не видно — плоховато ему приходится в прохладной высокогорной долине. В зеленых чашах незаметно переваливаем гребень увала. Спускаемся куда-то вниз. Запахло дымом. На крошечной поляне Ромул останавливается и шепотом распоряжается привязать учагов:

— Пешком пойдем, пусть думают — совсем близко живем.

Бесшумно раздвигая хвою, идем дальше сквозь редящий стланик. Ромул ножом метит путь, иначе потеряем привязанных учагов. Пинэтаун, идущий впереди, вдруг оседает на пружинистые ветви.

— Стойбище... — шепчет он побелевшими губами.

В просветах между изогнутыми красноватыми ветвями видна чистая, безлесная долина. У близкого ручья, не далее двухсот шагов от опушки зарослей, выстроились полукругом конические чумы, похожие на индейские вигвамы. Из дымовых отверстий выются сквозь почерневшие шесты струйки дыма.

Притаившись в зарослях, с удивлением разглядываем странное стойбище. На площадке среди чумов играют дети; ползают, как медвежата, малыши, зашитые в замшевые комбинезоны, сидят на корточках смуглые черноволосые женщины в необычных кафтанах, расшитых бисером. Одна из женщин поднимается, закидывает за спину длинные черные косы и, легко ступая, уходит к большому вигваму в центре стойбища. На ее руках блестят браслеты, а на груди монисты, как у цыганки.

— Совсем старинная одежда, — бормочет Ромул, приглядываясь из-под ладони.

У ручья бегают мальчишки в распахнутых замшевых

кафтанчиках. Они стреляют из луков в белый столб с оленьими рогами. Считаю вигвамы: пятнадцать. Почему не видно мужчин? Отдыхают в чумах, что ли?

Пинэтаун жадно оглядывает стойбище. Сколько препятствий осталось позади! И вот он у цели. С такого расстояния лиц не разглядишь. Нанги среди женщин, кажется, нет.

— Пойдем, — торопит Пинэтаун.

Пора...

Выходим на опушку. Замечают нас юные стрелки. С визгом рассыпаются они и уносятся к стойбищу. Кафтанчики у них смешно раздуваются, они перепрыгивают кочки и валуны. Женщины вскакивают, тревожно оглядываются. Заметив троих незнакомцев, шагающих к стойбищу, хватают малышей и, звеня монистами, устремляются что есть духу к вигвамам.

— Дикие важеньки... — усмехается Ромул. — Гостей боятся. Совсем, однако, людей не видали.

Площадка среди лагеря опустела мгновенно. Обитатели стойбища словно провалились сквозь землю. Ни один полог не шелохнулся. Никто не вышел встречать гостей. Идем к притихшему стойбищу без оружия; в руках только посохи, да на поясах охотничьи ножи, непременная и вполне мирная деталь северного одеяния. Прогремят ли выстрелы из притихших вигвамов?

Отступать некуда. Выпрямившись, сжав губы, играя желваками на обтянутых скулах, Ромул шагает навстречу притаившейся опасности. Ох и неприятно на душе! Видишь каждую дырочку, каждую щелку в пологе. Не берет ли тебя на мушку через эти темные бойницы зоркий, беспощадный глаз?

Вплотную подходим к самому большому чуму. Ромул громко приветствует невидимых жильцов, просит принять гостей с миром и новостями. Нервы предельно напряжены.

И вдруг у самой земли, в стороне от входа, закрытого шкурой, зашевелился полог чума. Дрожащая рука и скрюченные пальцы суетливо перебирают красноватую ровдугу.

Что это?

Из-под рэтема выбирается человек в заплатанной камлейке, в сморщенных ичигах. Ему лет шестьдесят. Глубокие морщины старят бледное, посеревшее лицо с

тонкими синеватыми губами. Съжившись, он смотрит на меня растерянно, с каким-то страхом, словно ожидая удара.

— Чего он боится?.. В гости, старина, пришли... Принимаешь — в гости!..

Ромул переводит по-ламутски. Незнакомец не отвечает, моргает покрасневшими веками. Ромул протягивает ему кисет. Старик проворно вытаскивает трубку, точеную из березового корня, трясущимися пальцами набивает ее и, высекая искру огнивом, зажигает табак.

— Вот так стойбище! Смотри, Пинэтаун, без спичек живут.

— У нас тоже спички кончаются! — смеется юноша, с любопытством разглядывая огниво на медной цепочке.

— Ай, хороший табак... Давно курить нет! — шепчет по-русски старик, затягиваясь ершистым дымом черкасского табака.

Он жмурится, кашляет, кряхтит и, обернувшись к чуму, кричит что-то на гортанном языке. Пинэтаун вздрагивает. Старик говорит на том же непонятном языке, что и Нанга.

Сильная рука откидывает полог, скрывающий вход в чум. Появляется смуглолицый молодой человек. Блестящие черные волосы, перетянутые на лбу ремешком, спадают на плечи. Ламутский кафтан, расшитый узорами, облегает тонкий стан. Под кафтаном — нагрудник, расцвеченный бархатом и бисером, на поясе — нож с вырезанной рукояткой, в разрисованных широких ножнах.

Ну и костюм! Человек точно снял его с витрины этнографического музея.

Бронзовое лицо с орлиным носом и широкими скулами невозмутимо, холодно как лед; лишь черные монгольские глаза настороженно блестят под сдвинутыми бровями. На своем непонятном гортанном языке человек в расшитой одежде бросает несколько отрывистых слов старику.

— Крепкая Рука говорит: «В чум заходите, чай пить...» — переводит старик по-ламутски.

— «Крепкая Рука»? Что он, индеец, что ли?

— Прозвище, однако... — Ромул протягивает ему широкую ладонь.

Черноволосый в замешательстве касается загорелой руки бригадира длинными пальцами.

— Совсем дикие люди!.. — ворчит Ромул, пролезая в черное отверстие чума.

Черноволосый небрежно кивает Пинэтауну. Интересно, крепкая ли действительно у него рука? Но он не подает ее — прикладывая узкую ладонь к сердцу, склоняется, приглашая в жилье. Замечаю быстрый, как молния, взгляд. Глаза его сузились, сверкнули недобрым огнем. Не пырнет ли, чего доброго, ножом в спину?

Сгибаюсь в три погибели, протискиваясь в чум. После света ничего не вижу.

— Садись, — приглашает Ромул из тьмы.

Усаживаюсь между Ромулом и Пинэтауном на мягкую шкуру. В чуме прохладно. Мелодично звенят монисты. Женщина вздувает огонь в очаге. Длинные косы свиваются змеями, блестят браслеты. Вспыхнувшее пламя освещает смуглое лицо, темные большие глаза, красиво очерченные губы.

Пинэтаун рассматривает женщину слишком пристально, с тревожным любопытством. Ах, вот в чем дело: она похожа на пропавшую Нангу, как родная сестра. Опустив ресницы, красавица ставит низенький столик, расставляет чашечки, выточенные из березового корня. Пинэтаун ерзает, едва сдерживая волнение. Нанга оставила нам точно такую же чашечку.

Крепкая Рука молча садится у столика на шкуру молодого оленя. Старик устраивается на корточках у порога, с наслаждением раскуривая трубку. Видно, давно он не курил. Женщина, не поднимая глаз, разливает крепкий, ароматный чай в березовые чашечки. Ставит деревянное блюдо с дымящейся вареной олениной. Пододвигает к нам блюдечко с посеревшими кусочками сахара. Долго хранились эти кусочки для почетных гостей.

Словно не замечая меня, Крепкая Рука обращается к Ромулу.

— Откуда пришли, далеко ли ваше стойбище? — переводит старик.

Женщина протягивает переводчику березовую чашечку с дымящимся чаем.

— Из тайги кочевали, с Омолона; за перевалом стойбище, — отвечает бригадир по-ламутски.

— Как через гарь кочевали?

Неужто черноволосый не знает, что мы прошли сквозь горящую тайгу?

— Быстро бежали... Не знаем только, почему тайга сильно горела, — насмешливо прищуривается Ромул.

— Кто ее знает... — пожимает плечами старик. — Вчера сюда кочевали, на перевал смотреть ходили, думали недобрые люди тайгу жгли.

Старик горбится, глаза бегают. Крепкая Рука невозмутимо попивает чай. На лбу у него выступили капельки пота. Дело нечистое: они знают, кто поджег тайгу.

— Скажи, старик, где Чандара и Нанга?

Старик испуганно смотрит на меня и прерывающимся голосом переводит вопрос. Крепкая Рука, расплескивая чай, ставит березовую посудинку на столик. Черные брови сходятся на переносье, он опускает руку в пушистый ворох стружек у столика. Зрение у меня острое. Вижу едва прикрытое дуло винчестера, тускло поблескивающее сталью. Длинные пальцы нервно перебирают стружки у самого дула.

— Чандара и Нанга в стойбище Большой Семьи... — хрипит, бледнея, старик.

Неотрывно следит он за тонкими пальцами, охватывающими дуло. Замирает женщина, будто прислушиваясь к чему-то.

— Пусть Крепкая Рука позовет Чандару в гости к нам в стойбище, в Широкую долину.

Старик поспешно и сбивчиво переводит приглашение. Крепкая Рука кивает, убирает пальцы с дула и горстью пушистой стружки вытирает потное лицо. Тихий вздох вырывается из груди женщины. Опять слышу звон монистов. Заметил ли Ромул винчестер?

— Завтра поедет Крепкая Рука в стойбище Большой Семьи, передаст твое приглашение. Вот эта, — кивает старик на женщину, — сестра Нанги.

— Сестра?!

Пинэтаун сам не свой от волнения. Вдруг он вытаскивает из-за пазухи чашечку Нанги и протягивает женщине. Сероватые пятна выступают на ее смуглом лице. Она берет чашечку, поспешно наливает чай в березовую посудинку сестры. Носик чайника дрожит, ходуном ходит. Глаза смуглянки блестят, она растерялась — наверное, знает историю этой чашечки.

Долго длится наш разговор. Крепкая Рука успокоилась, обстоятельно расспрашивает о нашем табунае. Рассказ об оленеводческом совхозе, о пастухах, получающих

деньги, покупающих все, что нужно, на фактории, он долго не понимает или не хочет понять. Он снова спрашивает, чьих же оленей мы пасем.

Как-то мягче, добрее стал его взгляд, разгладились морщинки между бровей. И женщина в монистах перестала дичиться. Подперев загорелым кулачком щеку, приоткрыв губы, она слушает и слушает перевод старика жадно, точно сказку. С любопытством поглядывает иногда на притихшего, загрустившего Пинэтауна. В темных глазах смуглянки, больших, как у газели, вспыхивают смешливые искорки.

Теперь я постиг всю мудрость решения Ромула. Появись мы в этом орлином гнезде с оружием в руках, не спосить нам буйных головушек.

Глава 3. КОЛЬЦО ЧАНДАРЫ

Смутное предчувствие беды не покидает меня. Пять дней миновали после рискованного похода в стойбище Крепкой Руки. Почему не явился Чандара, что он задумал?

Ждать больше мы не могли, пришлось снять палатку и кочевать с табуном на свежие пастбища вверх по Широкой долине в глубь Синего хребта.

Наступили темные осенние ночи. Сумерки в горах сгущаются быстро, в небе вспыхивают звезды, холодно мерца в вышине, долина тонет во мраке, и лишь скалистые пики светятся в лунном сиянии. Что-то странное творится с табуном — олени встревожены, ночью их не удержишь около палатки, приходится выставлять двойную смену пастухов.

Осматривая сегодня на рассвете стадо, Ромул опять не досчитался двух приметных оленей. С ними наверняка ушли важенки, которых пастухи не знают «в лицо».

— Грибы искать убежали... — Пинэтаун показывает полное ведро подберезовиков.

Он собрал их после дежурства, и сегодня у нас будет грибной пир. Северные олени любят грибы и часто убегают полакомиться. В осенние ночи, пока не выпал снег, можно растерять табун. Трудно будет удержать многотысячное стадо в такой широкой долине.

Ромул опять ходит хмурый и молчаливый. Собираемся на разведку искать подходящую долину, запертую барьером скал. Найдём ли естественный кораль?

Пинэтаун не хочет отдыхать после дежурства и присоединяется к нашей кавалькаде. Широкая долина уходит все дальше и дальше в глубь неизведанной горной страны. Долина похожа на гигантскую трубу. На гребнях крутых боковых склонов не видно перевалов. Широкое дно сглажено, здесь лежал когда-то глетчер, а теперь цветут альпийские луга, пестрят ковры ягельников, зеленеют на размытых моренах одинокие островки лиственничного леса.

К полудню достигаем первого бокового притока. Но верховья его открыты. Пологие перевалы выводят на плоскогорье. Тут не удержать нам стада. Скалистая сопка, похожая на башню, стережет перевалы. Оставив верховых оленей у подножия, взбираемся на Чертов Палец.

Вот так кругозор!

Точно с вертолета рассматриваем запутанный лабиринт глубоких ущелий. Со всех сторон подбираются они к Широкой долине.

— Хо! — Ромул вскидывает бинокль, тревожно прищипывая к стеклам. — Смотри, кругом олени!

— Какие олени?

Ромул протягивает морской бинокль, рука у него дрожит.

Зеленые склоны долины усыпаны черноватыми пятнышками. Они то сходятся вместе, то расходятся.

— Дикие олени?

— Смотри туда, — указывает Ромул влево.

В близком цирке, на альпийских лугах, пасется целое стадо оленей; их там не менее тысячи.

— Мы дикие!.. — хрипит Ромул, лихорадочно шаря за пазухой. — Перехитрил старик.

— Бестия, росомаха, горный сын! — ругается Костя, осматривая долины, наполненные оленями.

— Ловить его надо, — возмущается Пинэтаун, — совсем вредный, людей мутит!

Проклиная Синего Орла, ползаем по острым гребням, поднимаемся на отвесные вершины, опускаемся на перевалы. Осматриваем соседние долины с птичьего полета. Опасения подтверждаются.

Чандара занял все цирковые ложбины, окружив Широкую долину кольцом своих стад. В этом кольце мы насчитали восемь тысяч оленей. Они спокойно пасутся на

привычных пастбищах, в замкнутых долинах, заманивая полудиких пришельцев из тундры. Наши олени чуют сородичей, и удержать их будет невозможно. Живое кольцо поглотит табун совхоза.

Пять дней мы доверчиво ждали Чандару в гости, а он в это время подгонял свои табуны, стягивал мертвую петлю.

— Сами в мешок залезли. Пристрелить его мало!.. — грозит винчестером Костя.

— Что же делать?

— Разогнать их к чертовой матери!

— Нельзя так, Костя, ведь там люди, и наверняка есть хорошие.

— У тебя все хорошие!.. Переманят табун, и концов не найдешь.

Как спасти табун, ума не приложу! Может быть, силой разорвать мертвую петлю, заставить откочевать их? Но хватит ли у нас сил?

Возвращаемся из печального путешествия грустные и подавленные. Ну и хитрющий старик! Сколько же у него оленей? Почему уцелел остров прошлого в море новой, светлой жизни? Мой верховой олень устал — иду пешком, подвязав уздечку к поясу. Множество мыслей теснится в голове. Как бороться с Чандарой в этом невероятно далеком углу Сибири? Найдутся ли в стойбище Синих Орлов смелые люди, которые помогут в справедливой борьбе?

Забредаю в островок леса. Поваленные бурей деревья преграждают путь. Вокруг тихо, сквозь стволы просвечивают близкие скалы, — это борт долины. Через завал не пролезть ни человеку, ни оленю.

Некуда идти...

Простая мысль приходит внезапно, как откровение: что, если перегородить долину деревьями? Крутые боковые склоны не пустят оленей, табун очутится в громадном загоне. Две изгороди — выше и ниже по течению — могут удержать, спасти табун в темные ночи.

Прыгаю в седло и погоняю испуганного учага. Друзья ушли далеко вперед. Поднимаю винчестер и стреляю вверх. Выстрел раскатывается в горах гулким эхом. Ромул, Пинэтаун, Костя поворачивают учагов и скачут навстречу, тревожно оглядываясь.

— Почему стрелял?! — кричит Костя.

— Изгороди будем строить.

— Какие еще изгороди?

— Долину перегородим — ни один олень не сбежит.

Ромул останавливается, натягивая повод, и вдруг, прищпорив ухага, скачет к островку леса. Устремляемся за ним, не разбирая дороги, размахивая посохами. Въезжаем в просветленные чащи. Деревьев здесь хватает на целую изгородь.

— Как придумал городьбу строить? — удивляется Пинэтаун.

Показываю юнше завал бурелома. Долго намечаем трассы двух изгородей. Выбираем самые узкие места долины. Построим тут преграды — получим огромный, тридцатикилометровый загон с отличными пастбищами.

Домой возвращаемся поздно. Луна освещает неприступные стены долины. У палатки горит костер. Кымыургин давно поджидает разведку. Пастухи прижали табун к речке; где-то близко шумит вода. Олени отдыхают, пережевывая жвачку. В полночь они зашевелились, поднимутся и вконец умят пастухов — будут рваться в манящую темноту.

Почти неделю не смыкаем глаз, рубим и валим деревья, сметая ближние островки леса. Нет ни гвоздей, ни проволоки. Козлы из жердей вяжем гибкими прутьями тальника, укладываем стволы, не обрубая сучьев. Работа кипит. Изгороди получаются на славу — они наглухо запирают тридцатикилометровый отрезок долины. Ни один олень не пройдет сквозь эти завалы.

Вчера мы загнали табун в последний пролет изгороди, закрыли ворота жердями и повалились спать. Лишь дежурные пастухи обходили места, где изгороди упираются в боковые осыпи.

А сегодня целый день втроем объезжаем огражденный участок. Табуна не видно, олени рассыпались по всей долине: охотятся за грибами, добывают на галечных отмелях лакомые корешки, бродят на пологих террасах, пробуя пушистые ягельники.

— Посмотри, Ромул, вольно пасутся, как на острове.

— Совсем хорошо... — кивает Ромул. — Все долины городить надо — мало пастухов в тайге понадобится.

Действительно, если построить лабиринт изгородей, используя похитрее естественные преграды, можно избавить от потерь, перевести на вольный выпас в тайгу

громадные стада тундровых оленей. Любуемся изгородью, не подозревая, что спустя год наш опыт в Широкой долине поможет открыть дорогу в Колымскую тайгу крупному северному оленеводству.

Дальнюю изгородь мы построили почти у входа в боковой распадок. Любопытная картина открывается перед нами. С десятков рослых ламутских хоров¹, принявшись к чему-то, бредут по ту сторону изгороди.

Костя торопливо разбирает ограду:

— Загоним к себе, а потом обменяем у чертей на потери.

— Брось!.. Нельзя трогать чужих оленей, — хмурится Ромул.

Он не желает нарушать неписанный закон оленеводов.

— Да они же совхозный табун чуть не хапнули!.. — возмущается Костя. — Чего церемониться?

И все-таки Ромул прав.

— Ладно, черт с ними!.. Пусть бродят. — Костя опускает ствол на место и вдруг хохочет во все горло: — Представь, какую рожу скорчит старик... Все его хоры сбегутся к нашей изгороди.

Наступает гон. Наши важеньки, упрятанные за изгородью, сманят в Широкую долину вольно пасущихся обитателей гор. Даже Ромул не может сдержать улыбки и прыскает, кусая губы. В глазах его вспыхивают искорки. Давно я не видел бригадира веселым.

— Потеха... За хорами потянутся важеньки... В пух разнесем кольцо Чандары!

Костя размахивает руками. Привязываем учагов, располагаемся отдохнуть у изгороди. Последние дни, полные напряжения, вымотали силы. Уже давно не видим муки, крупы, сахара. Мечтаем о корочке хлеба, о гречневой каше, о лепешках на соде. Голода не чувствуем — питаемся свежей олениной, рыбой, грибами, ягодами. Но какая-то слабость томит организм, привыкший к хлебу и крупам.

— Не пора ли отправить вьючных оленей за продуктами на факторию? — спрашиваю Ромула.

Он курит трубку, о чем-то задумавшись.

— Пастухов теперь много... Однако, можно. Косте

¹ Х о р — олень-самец.

на факторию ходить надо, много продуктов привезет... — улыбается Ромул.

— Не отвертится торгаш — двойную норму вытрясу! — усмехается Костя, раскуривая пузатую козью ножку, заправленную размятыми сухими листьями.

Табак у всех кончился. Решаем отправить вьючный караван на рассвете. Поведут его Костя, Кымыргин и Афанасий.

Намечая этот поход, мы не знали, что непредвиденные и драматические события надолго задержат выход вьючного каравана на Омогон.

Глава 4. НАЙДЕНА

Утомленные походом, мы незаметно задремали в тени изгороди. Близкие голоса разбудили нас. Кто идет? Долго ли спим?

— Чужие люди!.. — шепчет Ромул, приподнимаясь на локте.

Костя бесшумно вытаскивает из-под седла винчестер. Раздвигаю смолистые гущи изгороди. Совсем близко, на галечной трассе, стоят двое; на поводу у них верховые олени, крупные, как лоси. Люди громко переговариваются на гортанном языке, указывая то на изгородь, то на пасущихся оленей. Да это же Крепкая Рука и старик из стойбища Круглой долины. Уж не пожаловал ли Чандара в гости? Почему его не видно?

К изгороди подползают Ромул и Костя. Бригадир успокаивается. На седлах у пришельцев висят арканы, винчестеров нет. Ромул внезапно поднимается и громко здоровается, по-ламутски.

— Аёи-и! — вскрикивает старик, подпрыгивая и озираясь.

Крепкая Рука неторопливо повертывается всем корпусом. Черные волосы рассыпаются на плечах. Бронзовое лицо невозмутимо, лишь глаза блестят, выдавая глубоко скрытую тревогу.

— Зачем пугаешь, в гости пришли, — обращается старик к Ромулу.

Он с опаской поглядывает на Костю, обросшего рыжей щетиной. Молодой ветеринар хмуро опирается на винчестер. Ромул показывает приезжим калитку в изгородь. Откидываем жерди, пропуская гостей. Палатка

наша далеко, и бригадир приглашает к походному костру. Раздуваем огонь, кипятим чай в чумазом походном котелке. Старик снимает седла, отпускает пастись верховых оленей и кивает на высокий лиственничный вал:

— Будто крепость. Острог, что ли?..

— Держать оленей в темные ночи надо, — усмехается Ромул.

Сложив ладони козырьком, Крепкая Рука с любопытством оглядывает загороженную долину. Повсюду спокойно пасутся олени. Он что-то говорит старику.

— Крепкая Рука думает: хорошо делали, потерь не будет, яловых важенок не останется.

— Длинноволосый прав... — оживляется Костя. — В гон все важенки и хоры будут на месте. Прибыль оленят весной сторицей окупит наш труд.

— Давно откочевали из Круглой долины? — спрашивает Ромул.

— Там же стоим... — отвечает старик. — Хорошая долина, скалы что твоя городьба.

— А это чьи олени? — киваю на ламутских хоров, пасущихся по ту сторону изгороди.

Старик переводит. Интересно, что скажет Крепкая Рука?

— У Синего Орла из табуна убежали, искать послал, — отвечает он.

Вот оно что: Чандара направил разведку высмотреть, почему не бегут к нему наши олени. Костя нетерпеливо покусывает ногти, весь наш разговор ему надоед и кажется игрой в порядочность. Не брякнул бы он гостям лишнего. Ромул спешит продолжить мирную беседу.

— Хоров ваших берите. Легко гонять — изгородь хорошая, стадо мешать не будет.

Крепкая Рука одобрительно кивает, потягивая чай, и отвечает через переводчика:

— Десять... пятнадцать ваших оленей пришли в стадо Синего Орла. Сейчас трудно ловить, по снегу возьмете.

— Зачем табуны вокруг ставили? — в упор спрашивает Костя.

— Чандара так велел, — переводит старик прямой ответ гостя. — Мой табун не мешает, далеко в Круглой долине стоит. Однако, быстро улетит Синий Орел — чукотские важенки всех хоров к городьбе уманят! — ухмыляется Крепкая Рука.

Меня удивляют его прямые ответы и тонкая насмешка над Чандарой. Что это — дипломатический ход? Умная башка у этого парня.

— Зашевелились, бестии! — едва слышно ворчит Костя.

— Что рыжий сказал, а? — Старик прикладывает к уху морщинистую ладонь.

— «Рыжий» (указываю на опешившего Костю) спрашивает, почему Чандара не приехал, давно ждем.

— Правильно, правильно, — кивает старик. — Болеет Синий Орел, совсем трудно кочевать ему.

Приезда Чандары с нетерпением ожидал Пинэтаун — его тревожит судьба Нанги. Утром мы оставили юношу в лагере печальным и грустным. Спрашиваю гостей, где Нанга.

— В стойбище Большой Семьи.

— Пусть в гости приезжает. В тундре у нас гостила.

— Синий Орел не велит... Завтра замуж ее отдает, — переводит старик неожиданный ответ Крепкой Руки.

— Замуж?!

Вот так известие! Что происходит в стойбище Большой Семьи? Почему так называют главную резиденцию Чандары? Может быть, Нанга не знает о нашем появлении? Как все это вывести?

— Однако, ходить надо в табун Синего Орла, смотреть наших оленей, — неожиданно говорит Ромул.

Крепкая Рука согласен. Солнце уже спустилось к сопкам, освещает долину золотыми лучами, и он приглашает Ромула ехать, пока светло. Главный табун стоит на плоскогорье, у близкого перевала, и Чандара сейчас там. Крепкая Рука вскользь упоминает, что у него в стойбище в Круглой долине кончился чай.

Чая у нас мало, но Ромул предлагает поделиться последним запасом. В табун Чандары он поедет один. Мы с Костей вернемся к палатке, нас проводит старик, получит плиточный чай и пройдет дальше в Круглую долину отнести подарок в стойбище Крепкой Руки.

Помогаем согнать отбившихся хоров. Они почти ручные и хорошо слушаются человека.

Прощаясь, Ромул тихо говорит:

— Пусть старик поедет к Нанге, скажет: «Пинэтаун приехал». Завтра целый день с Чандарой говорить буду.

Ромул решил задержать Чандару разговорами, вы-

ручить Нангу из беды. Молчаливо трясущую шершавую, мозолистую ладонь. Хорошо жить на свете, когда рядом такие друзья. Долго смотрю вслед Ромулу. Косые тени вершин ложатся на склоны. Два всадника в безлюдной горной долине кажутся ничтожными пылинками среди каменных великанов. Но сколько хороших дел может совершить добрая человеческая рука!

Подгоняя оленей, путники поворачивают в боковую долину и скрываются за косогором. Как встретит Ромула Чандара? Разгадает ли он нашу хитрость?

— Садись, больно тяжелый ты... Быстро поедем. — Старик указывает на своего верхового оленя.

— Как звать тебя, старина?

— Илья, русское имя...

— Спасибо, Илья, поедем.

Ну и уча! Сидишь словно на спине лося. Наши тундровые олени кажутся пигмеями. Откуда они раздобыли таких гигантов?

— Где учагов брали, Илья?

— В стаде выбирали. Чандара — мастер оленей разводить.

Пришпориваю таежного коня. Скачем втроем. Ох и вид у нас! В руках посохи, похожие на пики, на поясах бряцают ножи. Развешаются причудливо повязанные платки. На спине у Кости блестит винчестер.

Почти всю дорогу едем рысью. Верховой олень у Кости притомился, отстает, а лесной гигант старика несет меня, словно не замечая тяжести. Вот бы поменяться хорами. Лесные олени в горах Омолона гораздо крупнее тундровых, и гибриды двух пород наверняка окажутся лучше родителей.

К палатке подъезжаем в сумерках. Пастухи расседлывают учагов, уводят их на пастбища. Пинэтаун радуется гостю из стойбища. Усаживает старика на ковер из оленьих шкур, потчует чаем, оленьиной, форелью, запеченной у костра.

Неужели потеряем девушку на пороге ее жилища? Улучив минуту, сообщаю юноше тревожное известие. Лицо его белеет.

— Как Нангу спасти будем?

— Сам не знаю...

— Пойдем в стойбище Большой Семьи, — шепчет Пинэтаун. — Старик дорогу покажет.

Илья пьет и пьет чай, с любопытством поглядывая на молодых пастухов. Собравшись в кружок, они играют в самодельные шашки. Долго уговариваем Илью провести нас в главное стойбище. Старик боится Чандары:

— Убьет Синий Орел — крепкий у него закон.

— Убьет?! Такого закона нет... Иди к нам, в совхозе будешь работать — никто не тронет.

Наконец Илья соглашается показать путь. Сам он не явится в главную резиденцию.

— Пусть думают — сами в гости пришли, — улыбается старик. — Больно хорошие ваши люди, потому дорогу показывать надо.

В поход двинемся на рассвете. Ночью не дает уснуть беспричинная тревога. Палатка светится, облитая лунным сиянием. Рядом стонет, бормочет во сне старик. В дальнем углу палатки вздыхает, не спит Пинэтаун.

Грустно одному, тоска щемит сердце. Будто из тумана выплывает Мария.

Просыпаюсь от легкого прикосновения — будит Пинэтаун. Светает. Полог палатки откинут. Долина еще в тени, но одинокие вершины горят, освещенные утренним заревом.

— Вставай, чай пить будем.

Чайник уже вскипел. Илья нет. Вероятно, пошел ловить ездовых оленей. Умываемся в ручье холодной как лед водой. Лужицы у реки затянуты тонким, прозрачным льдом. Первые заморозки наступили.

Полчаса спустя, распрощавшись с Костей и Кымыургином, уходим в поход. Костя остается в лагере — приходится отложить поездку на факторию.

Хорошо ранним утром в горах. Воздух свеж и прохладен. Травы на альпийских лугах, синеватые от росы, никнут к земле. Золотое солнце встречает на перевале. А чистое небо словно обмыто родниковой водой.

По узкой тропинке, утопанной горными баранами, едет Илья, сгорбившись в седле. Снизу, из долин, поднимается туман; его облачное море едва закрывает наш гребень. Кажется, что олени ступают по облакам, высоко-высоко над землей. Без сожаления вспоминаю далекий город. Разве сравнишь дымное городское марево с привольем гор!

В круглую долину спускаемся с первыми лучами солнца. Туман рассеялся. Вокруг, на пологих склонах,

пасутся олени; темнеют скалы, запирающие долину. Учаги бегут рысью, чуя запах стойбища.

И вдруг совсем близко, в густых ивовых зарослях, звенит женский смех, слышны чистые девичьи голоса.

— Кто это, Илья?

— Крачки¹, — усмехается старик.

— Чайки?!

Выезжаем на поляну среди высоких ивовых кустов. У прозрачного родника пестрой стайкой собрались черноволосые девушки в расшитых кафтанах, с медными кувшинами в руках. Позванивая монистами, оживленно болтая, черноокие красавицы черпают воду, не замечая нас.

— Кыш, кыш, крачки! — машет посохом Илья.

Поднимается суматоха. Но девушки не бегут, приметив добрую улыбку старика. С жадным любопытством они разглядывают нас. Самые шустрые приветливо машут, смеются и что-то кричат на гортанном языке Нанги.

Илья грозит им посохом. Проезжаем мимо, улыбаясь и кивая смуглянкам.

— Ну, Пинэтаун, с такими красавицами забудешь Нангу.

Юноша грустно опускает голову. Жаль, что среди смуглянок не видно живого личика Нанги. Оборачиваюсь. Девушки вскидывают кувшины и, вытянувшись цепочкой, лёгко ступают мягкими мокасинами по тропинке. Издали они похожи на черкешенок, шествующих с кувшинами на плечах.

Меня радует эта встреча.

В стойбище есть и наши друзья — молодежь, которая всегда тянется к свету. Знают ли они о новом мире, расцветающем в далекой тундре и обжитой тайге?

В жилище Крепкой Руки нас встречает сестра Нанги. Илья что-то быстро говорит ей, высыпая из выючной торбы плитки чая. Лицо молодой женщины омрачается, она любовно поглядывает на Пинэтауна.

— Илья, спроси у черноволосой, знает ли Нанга, что Пинэтаун приехал, давно ее ищет?

Старик переводит. Женщина вскидывает на меня свои чудесные, черные глаза.

— Вчера приходил Яркан, брат Нанги, из стойбища Большой Семьи. Письмо ему давала.

¹ Крачки — небольшие чайки, гнездящиеся колониями на песчаных отмелях.

— Письмо? Разве она умеет писать?

— Нет, на бересте рисовала, — пренебрежительно шурится Илья.

Ого, так вот где Нанга научилась «рисуночному письму»! Кто эти люди, на каком языке говорят они?

— Чай пить надо... быстро поедем. Сегодня вернется Чандара. Жениха там готовят.

— Чандара вернется? Ромул у него в табуне гостит.

— Синий Орел хитрый — поди, разговаривать долго не будет.

Илья чем-то озабочен, спешит. Наскоро пьем чай, садимся на учагов и уезжаем вниз по течению горной реки. Опять меняемся учагами. Старик худ, и мой верховой олень отдыхает под легким седоком. Пинэтаун волнуется. Безотчетная тревога гонит нашу маленькую кавалькаду.

Цирк, запертый скалами, пропадает за дальним поворотом. Ивовые кусты скрывают нас. Появляется ольховник. На склонах сопки зеленеют куртины кедрового стланика. Переправляемся вброд через речку. Здесь она разливается по широкому галечному руслу множеством мелких рукавов. Острова покрыты рощами высокоствольных чозений. Куда заводит нас старик?

Густые чозениевые рощи скрывают вход в укромный боковой распадок. Склоны сопки тут круто спадают к маленькой, но быстрой речушке. Долго поднимаемся к далекому гребню. Наконец выползаем на узкое ребро. Тропа, выбитая среди камней, уводит выше и выше к небу, открывая широкую панораму синих гор. Глубокие долины рассекают горную страну во всех направлениях.

Часа три пробираемся по тропе; ее проложили люди. Забираемся в самое сердце мощного горного узла. Тропа спускается на пустую седловину перевала. Илья останавливается и садится на камень.

— Близкую дорогу показывал, — устало шепчет старик. — Нельзя мне ходить дальше. Видишь — Глубокая долина? Много чумов там найдешь.

Молчаливо рассматриваю в бинокль долину под ногами. Склоны ее одеты курчавой зеленью лесов. Но это не лиственницы. Что за деревья растут там? Целый год мы с Пинэтауном стремимся к таинственному стойбищу, и вот мы на пороге неведомых жилищ.

Пронзительный крик нарушает торжественное молча-

ние гор. Среди камней поднимается тоненькая фигурка. Черные косы вьются за спиной.

Девушка?

Она бежит к нам, прыгая по расколотым плитам, точно дикая козочка.

— Нанга!.. — Пинэтаун протягивает руки, роняя посох.

Трудно описать встречу влюбленных. Нанга плачет навзрыд, опустив голову на плечо юноши. Стараюсь не мешать. Отвернувшись, разглядываю зеленые гуши на склонах Глубокой долины. Наконец-то Пинэтаун встретил Нангу. Увижу ли и я когда-нибудь свою Марию?

Юноша подводит Нангу. Она выросла, похудела, печальные глаза стали еще прекраснее. Девушка порывисто приникает мокрой щекой к моей огрубевшей руке.

— Нанга... ну что же ты?.. Не плачь, сестренка!

Осторожно приглаживаю растрепанные черные волосы, откидываю со лба непослушные пряди. Нанга робко улыбается сквозь слезы. Слезинки бегут и бегут по смуглому лицу, капая на сухие камни.

Опять мы вместе — непобедимый экипаж «Витязя»!

Глава 5. ОШИБКА ПИНЭТАУНА

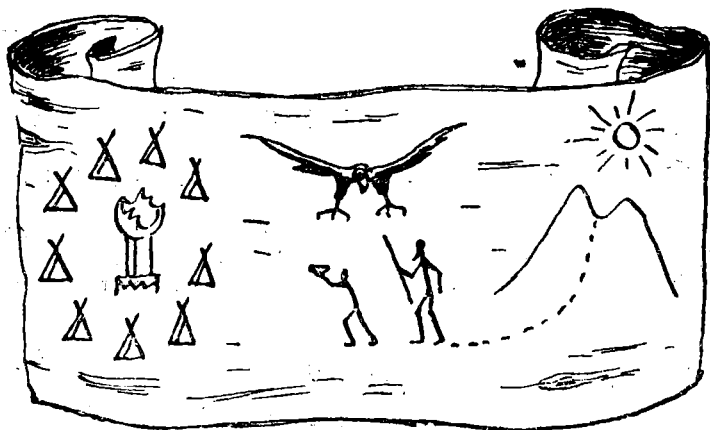
Теперь мы понимаем друг друга. Илья переводит торопливые вопросы и ответы. Нанга сбивчиво рассказывает, как утром в стойбище явился Чандара — «сердитый, будто раненый филин». Начались приготовления к свадьбе, и она убежала к сестре в Круглую долину.

— Письмо Яркан вчера принес.. Тебя, Пинэтауна, искать пошла.

Девушка протягивает свиток бересты. Как просто изобразила сестра Нанги события последних дней. Все ясно в этом лаконичном рисунке, его можно читать: «В стойбище Крепкой Руки пришли с перевала Пинэтаун и большой русский человек. Синий Орел хочет погубить их»...

Пинэтауна можно распознать на рисунке по чашечке в руке, а русского человека по росту и бороде. Опять поражает сходство изображения на бересте с «рисуночными письмами» индейцев.

Куда мы попали? Почему до сих пор существует в этих горах остров прошлого, как будто тут замерла

жизнь и остановился бег времени? Спрашиваю Илью, на каком языке говорит Нанга и что за народ поселился в Синем хребте.

Ответить Илья не успевает. Нанга вскрикивает, указывая вниз, рука у нее дрожит.

— Чандара...

У подножия перевала движется темная точка. В двенадцатикратные линзы бинокля отчетливо вижу сгорбленного человека верхом на олене, с винтовкой, поблескивающей за спиной. Нанга не ошиблась — это Чандара. Он преследует беглянку по пятам, по свежему следу.

Илья всполошился. Морщинистое лицо сереет, руки трясутся. Ох и боятся своего главаря жители Синего хребта! Илье не следует попадаться ему на глаза.

— Прячься, Илья. Говорить с Синим Орлом будем.

Подхватив уздечку, старик гонит учага за пеструю глыбу. Чандара вооружен. У меня лишь крошечный карманный пистолет да на поясах охотничьи ножи. Что делать?

— В плен Синего Орла надо брать.

— Нельзя, Пинэтаун. В Глубокой долине люди, мирно к ним пойдем.

— Однако, стрелять будет.

— В камнях спрячемся, близко подпустим.

Пинэтаун кивает, бегом отводит верховых оленей к Илье и возвращается. Нанга испуганно следит за темной сгорбленной фигурой всадника; он неумолимо прибли-

жается к перевалу. Прячемся за плиты песчаника у тропы. Подушками ягельников маскирую смотровую щель. Нанга жмется к земле, усыпанной камнями. Пинэтаун ласково гладит смуглые исцарапанные руки беглянки.

Бедная девушка, сколько горя натерпелась она без нас! Почему жестокий старик преследует и мучит дочь, насильно выдает замуж почти девочку? Ведь Нанге, вероятно, нет и шестнадцати лет.

Притаились среди расколотых плит. Над перевалом высоко в небе парит по кругу орел. Желтоватые полярные бабочки порхают над цветами. Где-то близко в осях свистят пищухи. Чу! Шуршат камни под копытами оленя. Над гребнем перевала появляется голова, повязанная платком, опущенные плечи, затем рогатая морда необычайно крупного учага. На перевал въезжает Чандара, погоняя верхового оленя. Зорко оглядывает он пустую седловину.

Сквозь узкую щель вижу изможденное, морщинистое лицо, насупленные брови, орлиный нос. Целый год не видел я старика, и меня поражает его болезненный вид. Он похудел и высох: желтоватое, нездоровое лицо, тонкие синеватые губы, поседевшая борода...

Чандара круто осаживает могучего оленя, соскальзывает с седла, склоняется над тропой и пристально разглядывает взрыхленные камни.

Острый глаз у Синего Орла — он заметил чужие следы. Старик опускается на колени совсем близко у засады. Видны мелкие морщинки у глаз. Встрепенувшись, чувствуя на себе взгляд, он подозрительным оком ощупывает камни вокруг. Кажется, пора...

Поднимаемся из россыпей внезапно, точно медведи. Лицо старика каменеет, лишь глаза вспыхивают диким, недобрым огнем. Синеватая жилка на виске бьется, дрожит, готовая, кажется, лопнуть. Тяжело опираясь на посох, Чандара встает.

— Здравствуй, Синий Орел! В гости к тебе пришли.

— Зачем девку мутишь? — неожиданно по-русски сдавленным голосом спрашивает Чандара.

Худыми крепкими пальцами он сжимает ремень винчестера. Неужто сбросит с плеча винтовку? Нанга, не в силах подняться с колен, бессильно опускает руки. Невольно лезу в карман. Где же пистолет? Клинками скреиваются наши взгляды.

И тут случается неожиданное. Пинэтаун прыгает на Синего Орла, рванув винчестер, сбивает его с ног и яростно замахивается прикладом. Слышу крик Нанги.

— Назад, Пинэтаун, назад! — едва успеваю остановить руку юноши.—Очнись, Пинэтаун... Отец ведь Нанги.

С трудом отбираю винтовку у рассвирепевшего приятеля. Впервые вижу Пинэтауна таким злым. Нрав у него мягкий, спокойный, покладистый. Юноша потерял власть над собой и чуть не убил человека.

И глазом не моргнул Синий Орел. Опираясь на острые локти, он буравит Пинэтауна взглядом, полным презрения и ненависти.

Разряжаю винчестер и протягиваю Чандаре:

— Бери, Синий Орел.

— Уходи, старик... убивать буду! — шепчет побелевшими губами Пинэтаун.

Юноша еще бледен; желваки играют, перекатываются на скулах. Эта драматическая сцена разыгрывается в несколько секунд на пустой и дикой седловине. Блестящими глазами, вцепившись в мшистый ковер, Нанга следит за отцом. В ее взгляде нет сожаления — только страх.

Чандара поднимается, выхватывает у меня винчестер и, злобно плюнув, вскакивает в седло. Не оглядываясь, Синий Орел галопом уносится с перевала. Втроем бежим к обрыву. Молча следим за всадником до тех пор, пока он не скрывается далеко внизу, за поворотом змеистой тропы.

— Эх, Пинэтаун, напрасно обидел старика, всполошит он все стойбище.

— Ум потерял... Думал, винчестер снимает — Нангу убивать.

Слышу за спиной легкие шаги. Подходит Илья. Он позеленел от пережитого волнения; вероятно, видел столкновение из своего укрытия. Старик испуганно моргает покрасневшими веками:

— Плохо... совсем сердитый Синий Орел. Дочку ему не отдавали. Мертвую петлю будет нам делать.

— Мертвую петлю?.. Скажи, Илья, почему Чандара Нангу мучает, насильно замуж отдает?

— Жениха в капкан ловит... Шесть лет ему, а олений пять тысяч.

— Шесть лет жениху? Да что она, нянчить мужа будет?

Илья хитровато ершит давно не стриженные вихры.
— Закон Синего Орла... Однако, хитрее лисицы Чандара: Нанга последняя в роде, возьмет замуж Медведя — всеми табунами править будет.

— Кто, Нанга?

— Чандара, однако...

Так вот почему так безжалостен к Нанге отец. Его сжигает жажда власти и богатства.

Не все успел рассказать на перевале Илья. В мертвый узел сплел Чандара все пережитки прошлого в недосыгаемом стойбище Синих Орлов. Об этом мы узнали позже.

Глава 6. ЗОЛОТАЯ УЛИТКА

Судьба Нанги тревожит меня. Чем помочь девушке? Отвести Нангу обратно в стойбище и миром поладить с Чандарой невозможно. Непростительная ошибка Пинэтауна поссорила нас с обитателями гор. Синий Орел расправится с девушкой, и удержать его мы не в состоянии. Безрассудно спускаться теперь в Глубокую долину.

Нанга что-то быстро и горячо говорит Илье. На ресницах у нее блестят слезинки.

— С тобой останется, — обращается ко мне старик, — никуда не пойдет, хочет с вами всегда кочевать. Плохой человек Чандара.

Пинэтаун тихоенько привлскает к себе Нангу. Девушка склоняется к нему.

— Сколько лет тебе, Нанга?

— Шестнадцать зим ей, — отвечает Илья.

Вот так история! Намылят мне шею в совхозе за похищение невесты. Как уберечь Нангу? Пожениться они не могут — слишком молода Нанга. Головоломные задачи ставит иногда жизнь перед человеком.

— Скажи ей, Илья: пусть в совхоз к нам идет пастухом работать.

Илья растолковывает смысл моего предложения. Смутно понимает юная дикарка, что такое совхоз и у кого надо работать. Ну и отстали люди на этом «острове прошлого»! Одно ей ясно: она будет вместе с Пинэтауном. Робко улыбаясь, Нанга кивает растрепанной черно-волосой головой.

И вдруг, отбросив за спину свои черные косы, девушка стремительно обнимает меня и сейчас же отскакивает,

испуганно блестя большими черными глазами. Мы давно подружались с Нангой, и я люблю ее, как сестру. Пинэтаун хохочет и грозит посохом:

— Ай-ай... дикая важенка, нельзя осенью хора обнимать!

Илья озабоченно оглядывает склоны Глубокой долины:

— Быстро убегать надо — мертвую петлю делать будут.

Внизу, в Глубокой долине, над зелеными чашами медленно поднимается струйка дыма. Не пойму, чего боится Илья. Он опускается на колени.

— Дым тревожный зажгли. Смотри: тут мы, — старик выкладывает на тропу четыре камня с жилками кварца, — а вон Синие Орлы поехали. — Илья окружает камнями кольцом голубоватых сланцевых плиток. — Так делать потом начнут. — Морщинистыми ладонями он сдвигает плитки тесно вокруг камней. — Метко стрелять будут, чужих людей убивать, из петли не пускать.

Илья не шутит — неподдельная тревога светится в старческих глазах. Заслонившись ладонью от солнца, он оглядывает перевалы Глубокой долины.

— Видишь, Меткий Глаз отвечает.

На дальнем перевале вьется, курится ответный синеватый дымок.

— Не догонят нас, Илья, — быстро поедem.

— Учаги устали, — качает головой старый проводник. — Синие Орлы беговых оленей седлают, мигom петлю затужат. Все равно мертвые мы теперь.

— Нельзя сложа руки сидеть, Илья! Что будем делать?

Илья задумчиво раскуривает трубку и бормочет:

— Хитрить надо, пробовать след путать.

Пинэтаун подводит верховых оленей. Илья садится в седло, подзывает Нангу и указывает на широкую спину своего учага. Девушка проворно усаживается позади.

— Вдвоем на олене далеко не убежишь. Не лучше ли Нангу пересадить в седло Пинэтауна? Он быстро пешком ходит.

Старик крутит головой:

— Пусть думают: Ильи нет, на запасном учаге девка поехала...

Уже с час едем высоко по гребню, возвращаясь знакомой тропой. Илья останавливается. Гребень уходит

вправо узкой седловиной. Вулканические силы когда-то вздыбили пласты горных пород; ветер, вода и морозы разрушили рыхлые слои, оставив на седловине кристаллические зубья.

— Тут обманывать Синих Орлов будем.

Илья сползает с учага на гладкую каменную плиту, к нему ловко спрыгивает Нанга. Старик подвязывает уздечку к седлу и гонит освободившегося учага вниз по тропе.

— Домой... Домой иди, ногами убегать лучше, — взмахивает посохом Илья, погоняя оторопевшего учага. — Всех оленей пускать надо — след по тропе оставлять!

Ловко старина придумал!

Ручной верховой олень Ильи уведет наших учагов вниз по тропе, к стойбищу Крепкой Руки, пустит погоню по ложному следу.

Осторожно ступают, оглядываются учаги, спускаясь с перевала. Прыгаем по гладким плитам, как снежные бараны (оставлять следы на россыпях нельзя), карабкаемся по скалам, преодолевая каменные перья. Выбираемся, помогая друг другу, на макушку причудливой пирамиды, насыпанной из раздробленных плит. Кажется, что вершина разворочена титаническим взрывом.

Верховые олени уже спустились с перевала на дно глубокого распадка и бредут гуськом по россыпям, направляясь к дальней чозениевой роще.

— Смирно лежать, тропу караулить надо.

Илья устраивается в расщелине, прикрываясь ворохом черных альпийских лишайников. Прячемся, как сурки, среди плит. С башни пика отлично видна тропа, проложенная по гребню, глубокий распадок, и в скалистых его воротах — участок долины с ручьями на галечных руслах и купами чозениевых рощ в дальней перспективе. Молчаливые горные вершины толпятся вокруг.

В бинокль высматриваю наших верховых оленей: они скрываются один за другим в зеленую рощу у ворот распадка. Нанга и Пинэтаун устроились в соседней расщелине; слышу приглушенный разговор. О чем они там болтают, не понимая друг друга? Счастливые! Вместе им не страшно шагать по крутым, обрывистым тропам.

— Ш-ш... — шипит Илья. — Смотри!

На тропе появился верховой с винтовкой в руке. Масивный как лошадь, учаг легко несет всадника широким

шагом. Сгорбившись в седле, человек не отрывает глаз от тропы.

— Меткий Глаз, — шепчет Илья. — След наш тропит.

— Кто это?

— Главный у Синего Орла. Отец Медведя.

— Отец жениха?!

Верховой приближается, поравнялся с седловиной, усаженной зубьями, и вдруг спрыгивает с седла, склоняясь над тропой. Неужели заметил боковой след?

В бинокль ясно вижу сумрачное красноватое лицо, изрезанное морщинами, разрисованное синеватой татуировкой. Что-то неприятное, отталкивающее чудится в этом лице, застывшем в гримасе высокомерия.

Меткий Глаз оглядывает притихшие скалы. Стискиваю бинокль. Не блеснут ли предательские стекла? Краснолицый спускается по тропе, изучая следы, останавливается и, сложив руки козырьком, обшаривает глубокий распадок острым, колючим взглядом. Злобная усмешка мелькает на обветренном лице. Вскочив в седло, он поворачивает учага, выезжает на гребень и галопом уносится обратно по тропе, за дальнюю осыпь.

— Ух, ладно обхитрили, капкан закрывать поехал!

Илья с облегчением стирает с лица мелкие капельки пота.

— Мимо пускать петлю, отдыхать будем.

Илья устраивается поудобнее докурить последнюю щепотку табака. Долго лежим среди нагретых плит, слушающая неторопливый рассказ старика.

В горах два стойбища; правят ими Синие Орлы — триумвират крупных оленеводов во главе с Чандарой. Меткий Глаз — один из этой троицы. Принимая в семью шестилетнего сына Меткого Глаза, Чандара рассчитывает прибрать к рукам почти всех оленей и получить наследственную диктаторскую власть в Синем хребте.

Спрашиваю Илью, кто же третий в этом триумвирате?

— Одноглазый, совсем старый, слабый старик. Детей у него нет, помрет — Синие Орлы делить оленей будут.

— А Крепкая Рука?

— Постоянный жилец — зять Чандары, самый умный мужик, долго пастушил за жену у Синего Орла. Потом ушел, свое стойбище делал. Мало у него оленей, всех малооленных людей собирал вместе.

— А у тебя сколько оленей?

— Однако, целый табун, — смешливо щурится Илья, показывая пятерню.

— Пять тысяч?!

— Пять оленей. Помощник я.

— Помощник? Какой помощник?

— Кушать, одежду дают. Двадцать лет пастушил в табуне Чандары.

— Ну и порядки в Орлином Гнезде.

— Кулаки — Синие Орлы! — зло говорит вдруг Пинэ-таун.

— Убегать пора, — засуетился Илья.

— Куда?

— Видишь белую сопку?.. Там прятаться хорошо — запретное место, искать не пойдут.

Илья указывает посохом на юг. Среди темных пиков поднимается белая гора, словно обсыпанная инеем. Неужели так рано выпал снег на вершинах?

— По-ламутски Бурындах называется, потому белая.

— Кварцевая сопка, — переводит Пинэтаун.

— Ого!

— Прыгай хорошо, совсем следы оставлять нельзя, — предостерегает меня Илья.

Кварцевая сопка еще далеко. Осторожно спускаемся с вершины на южный скальный гребень. Балансируя, перебегаем с камня на камень, не оставляя следов. Нелегко пробираться так в горах. Наконец выходим на широкую плоскую седловину какого-то перевала. Влево уходит крутой спуск в знакомую долину с чозениевыми рощами на островах.

— Видишь, здесь мертвую петлю кружил. Синий Орел ехал.

На мелкоземке ясно отпечатались необычайно крупные копыта оленя и ямки от посоха. Следы уводят к спуску в чозениевую долину.

— Петлю Чандара поехал тужить, учагов наших поймает — совсем будет сердитый. Незаметно след переходить надо.

Трудно пересечь седловину бесследно. Прыгаем с камня на камень, кладем посохи и переходим мелкокаменистые пятна, не оставляя следов. Выбираемся на противоположную сопку.

Илья смеется. Глаза у старика светятся, лучики морщин всером расходятся по лицу.

— Убежали зайцы из петли, обхитрили старую лису! Теперь быстро на Буриндах бегать надо.

Три часа карабкаемся по головоломным кручам. Нанга лазает по скалам не хуже альпинистов. В трудных местах она помогает Илье.

— Диких баранов, что ли, пасла? — шутит Пинэтаун, с нежностью поглаживая цепкие пальцы девушки.

Перевалив последнюю седловину, спускаемся к подножию кварцевой сопки. Вершина ее оказывается двуглавой. Гора сложена кристаллическими породами. Мощные кварцевые жилы разбегаются от вершин по всем склонам. Как будто молния ударила в сопку, и ее бегущие щупальца застыли причудливым каменным узором.

На Дальнем Юге мне довелось путешествовать в горах Кавказа и Средней Азии, но находить такие мощные жилы кварца еще нигде не приходилось. Уж не потухший ли это вулкан?

Измученные трудным переходом, валимся на зеленую лужайку у прозрачного горного ручья. Усталость томит тело. Наездили, находились, набегались сегодня.

Илья привел нас в укромную долину. Она приподнята над всем плоскогорьем и скрыта куполами вершин. Сочные зеленые травы покрывают пологие склоны. Ручей бежит среди приземистых ивовых кустарников с глянцевиной листвой. Дно его усыпано кварцевыми глыбами, в песке блестят чешуйки.

— Илья, почему запретное у вас это место?

— Золота много, — спокойно отвечает он. — Старые люди пули тут плавил. Давно Синий Орел шаманил, запрет делал.

— Много золота?

Неужто ручей размыл золотоносную жилу, и в песке блестят золотые чешуйки? Усталости как не бывало. Спрыгиваю в воду, ладонями зачерпываю со дна мокрый песок, переполненный блестящими чешуйками.

— Эх, Илья, слюда это!..

— Не тут смотришь, вон там... — указывает Илья наверх. — В белых жилах сидит.

— Что?!

Так вот откуда заполучил Питерс драгоценную пулю. Меня трясет золотая лихорадка. Находка жильного золота может изменить судьбы этого далекого края.

— Покажи, Илья, где жили?

— Камни давить будут, плохое место. Однако, все равно помирать, пойдем, пожалуй.

Илья находит среди камней едва приметную тропку. Видно, давно не ходили по ней люди. Тропинка уводит вверх по течению ручья в узкую долину. Ущелье загромаждают расколотые плиты, они складываются в гигантские лестницы. Долина уступами поднимается на склоны кварцевой сопки.

«Гранитная лестница» приводит нас к подножию грозно нависающих скал, наглухо запирающих долину. Ручей исчезает, погребенный завалом, вода шумит где-то глубоко под камнями. Сверху нависают тысячетонные глыбы, разрисованные кварцевыми жилами, готовые каждую минуту рухнуть.

— Давно тут не был... — озираясь, шепчет Илья. — Много камней куврыкалось.

Нанга испуганно жмется к стене. Ну и мрачная долина! Пинэтаун берет девушку за руку. Почти бежим по тропе вслед за проводником. Эх, и грохочет, наверное, ущелье, когда срываются каменные башни!

Илья пропадает за выступом скалы. Куда он девался? Стоп!

Очутились под нависающим сводом. Сглаженный временем козырек образует нишу. Пол просторного грота усыпан обломками кварца, перегнувшей трухой. У закопченной стены сложен массивный очаг из дикого камня.

— Тут старые люди пули плавил, — торжественно говорит Илья. — Ловить золотых жуков будем.

Старик разгребает посохом труху возле очага. Быстро наклоняется и вытаскивает из пыли продолговатый камешек. Он протирает его рукавом замшевой куртки и протягивает мне:

— Золотая улитка!

На ладони отсвечивает желтизной причудливый самородок с вытянутым перекрученным хоботком. Как две капли воды он похож на слиток, который показала мне на Омолоне Мария.

— Видишь: очаг топили, белые камни разбивали, в огонь клали, из мешков воздух дули. Золото плавил, водой поливали, золотым жукам нос рубили, — объясняет Илья. — Крепкие пули делали!

— Давно это было?

— Деды, отцы, мы плавил. Потом Чандара говорил: «Духи сердятся, не велят золотыми пулями палить». Страсть хитрый Синий Орел, — посмеивается Илья. — Жуков на фактории менял. Чай, табак брал... полно продуктов, бисера возил. Поди, целый короб Жадному отдавал.

— Кому? Котельникову?

— Однако...

— Чертова золотая улитка!

Теперь понятно, почему торгош так злобно встретил нас на Омолоне. Не он ли надоумил Чандару поджечь тайгу, преградить путь к золотым россыпям?

Глава 7. АМУЛЕТ

Мы не нашли золотоносных жил. Грандиозный завал перегородил тропу там, где были когда-то старинные выработки. Часть скальной стены рухнула, завалив ущелье фантастическим нагромождением глыб. По-видимому, в давние времена здесь был кратер вулкана, и теперь его стены разрушало время.

— Слабые горы стали, — удивляется Илья. — Десять лет назад тут крепкая стенка была, золота в белых жилах много рубили.

— Куда же золото подевали?

— Свинца не было. В камельке под скалой плавил, пули делали, крепкие — насквозь лося пробивали. Потом свинец на фактории меняли, бросили плавить. Чандара в ту пору шаманил, не пускал в долину Харги...

— В долину Харги?

Илья мнетя, подыскивая правильный перевод, и говорит:

— Харги... все равно сатана у вас.

— Ого! Долина Злого Духа! Подходящее название. Стукнет глыбой по башке — не очнешься.

— Однако, дом у Харги здесь.

— Какой еще дом?

— Видишь, вон там живет.

Илья указывает посохом вверх на отвесную стену. Ничего не вижу, кроме гладкого темно-серого камня, пронизанного жилами кварца.

— Вверх, вверх гляди... Видишь, трещина и таях буд-то стоит.

В бинокль различаю темную расщелину в скальной стене, высоко над долиной. В расщелине торчит покосившийся шест. Трещина оканчивается черным отверстием скальной пещеры.

— Огонь, дым старики видели там давно, когда Синего Орла на свете не было. Золото рубить люди стали — Харги сердился, камни бросал, людей давил, огонь в пещере тушил.

— Странная пещера... Можно ли влезть туда?

— Аёи-и!.. — замахал руками старик. — Плохая скала, совсем круто, не птица — как полезешь?

Рассматриваю скальную стенку в бинокль. Подниматься в пещеру нужно по глыбам завала, дальше по скальному лбу высотой в пятиэтажный дом, затем втиснуться в трещину и преодолеть почти отвесную стену.

— Ну и круча!

В пещеру можно залезть лишь с альпийскими крючьями, владея скалолазной техникой.

— Постой, Илья, а кто же шест поставил в трещине?

— Однако, Харги, — лукаво щурится Илья. — Дерево, поди, сухое осталось...

— Нет, не дерево это.

В сильный морской бинокль ясно виден гладкий выбеленный временем шест длиной с добрый колодезный журавль. Кто втащил его на неприступную стену?

— И давно он стоит, Илья?

— Совсем давно, мальчишкой был — там же видел. Старики говорят: Харги тот кол таскал, дырку в скале делал. Давно это было — комары еще на свете не летали.

— Ну и заливают ваши старики, Илья! Комары летали на свете еще пятьдесят тысяч лет назад.

— Мудрые люди рассказывали — отсюда комары вышли. — Илья указывает посохом наверх, где чернеет вход в таинственную пещеру. — Пришел однажды Харги к Оксери — доброму духу, просит маленько хотя бы земли. Оксери ничего не давал, больно злой Харги — беды еще натворит. «Ну, если земли не даешь, позволь в Белую сопку кол забивать». Оксери соглашался — может, отвяжется, думал. Харги забил кол в скалу и вынул. Из дырки комары и мошки стали клубами вылетать. Тогда Оксери взял дымящуюся головню и заткнул дырку. Долго дымила гора, солнце темнела, все комары внутри пропали. С той поры люди дымом комаров душат. Харги голов-

ню тушил, в пещере жить стал. А кол крепко воткнул в скалу. Видишь — камень треснул.

— Интересная сказка... А кто же все-таки шест туда втащил?

— Кто его знает. Однако, Харги...

Солнце скрывается за темный скалистый гребень. Ущелье хмурится и чернеет. Вечерние тени скрывают пещеру. Эх, влезть бы туда, посмотреть, что хранят там скалы?

О восхождениях думать не время. Приходится возвращаться в грот, где остались готовить ночлег Пинэтаун и Нанга.

Идем назад. На тропе зажигается огонек — наши развели костер. Грот стал уютным жилищем. В очаге пылает огонь, освещая гладкие своды. Пинэтаун набрал целую грудку высохших корней кедрового стланика. Нанга нарезала травы и приготовила мягкие душистые постели. Хочется есть, но продуктов нет ни крошки.

— Чай пить будем, — говорит вдруг Илья.

Кивая на брезентовую штормовку, старик посылает Пинэтауна за водой. В брезент можно набрать воды. Ручей близко, но в чем Илья собирается кипятить чай — не понимаю. У нас нет даже кружек.

— Смотри... хороший котел, — указывает Илья на углубление, выдолбленное в плоской глыбе. — Сюда горячее золото кидали, вода сама кипела.

Он кладет в костер камни. Пинэтаун притаскивает воду в непромокаемой штормовке, точно в бурдюке. Вместе с Нангой они выплескивают ее в каменную чашу.

— Вкусный чай будет... — Илья сучьями выхватывает из огня накалинные камни и ловко опускает в воду. Камни шипят, валит пар, вода бурлит. Илья высыпает из замшевого мешочка остатки чая. Вода темнеет.

Не думал я распивать чай из котла каменного века.

Луна взошла над долиной. Светятся граненые пики, белеет стена кварцевых скал. Глубокие тени падают на дно ущелья. Тихо в лунной долине, лишь где-то во тьме журчит ручей.

Тепло, уютно у костра. Спокойно на душе — в этом убежище нас не найдут.

— Скажи, Илья, на каком языке говорят ваши люди, кто они?

— Анаулы, однако...

— Странная пещера, — говорю я. — Можно ли влезть туда?

Самодельная плошка выскальзывает из рук, обливаясь горячим чаем.

— Не может быть, анаулы давно пропали, нигде их нет!

— Совсем мало осталось, — кивает Илья, — два рода только: Синие Орлы и Медведи.

— Вот так встреча!

Неужели нам посчастливилось напасть на след исчезнувшего племени?

Первые известия об анаулах привезли в Якутск колымские казаки триста лет назад. В одной из казачьих «отписок» 1644 года упоминалось, что в верховьях Чюндона (Большого Аноя) живут «писанные рожи» — татуированные лесные охотники и рыболовы, вооруженные луками, стрелами и копьями.

Семен Дежнев и Михаил Стадухин в 1648—1660 годах постоянно встречали анаулов в бассейне Анадыря.

Подобно североамериканским индейцам они покрывали свое тело татуировкой и приходились им родными братьями, так же как айваны — американским эскимосам. Анаулы соединяли в себе расовые признаки обитателей лесов Америки и Азии, свидетельствуя о единстве происхождения коренных жителей двух континентов.

В начале XVII века этот народ внезапно исчез. Казаки больше не встречали анаулов в бассейне Анадыря и Большого Аноя. Куда пропали анаулы, никто не знал.

Антропологи безуспешно искали следы древнейших обитателей лесов Северной Азии. Бесследно пропало звено, соединявшее аборигенов Азии и Америки в единую семью.

Нам посчастливилось встретить последних анаулов — ближайших родственников североамериканских индейцев. Индейцы татуировали кожу изображениями птиц, зверей — тотемическими знаками различных родовых групп. Татуировка на груди Нанги свидетельствовала о принадлежности ее к анаульскому роду Синих Орлов.

Так вот почему обитатели Синего хребта носят прозвища, похожие на индейские, рисуют «картинные письма» на бересте и облик их поразительно напоминает индейцев!

— Мало осталось анаулов, поди, одни старики, — говорит Илья. — Последняя старуха летом утонула...

— Бабушка Нанги? Почему они в тундру бежали?

— Норовистая больно, — кивает Илья на примолкшую Нангу, — не хотела мужа в люльке качать. И старуха, однако, крепкая была, Чандару вовсе не пугалась, хорошо шаманила. Потихоньку увезла внучку далеко в тундру; родные старухины — юагиры на Алазее живут. Страсть сердился Чандара, болеть начал.

История Нанги была разгадана.

Пинэтаун внимательно слушает интересный разговор. Нанга уснула, примостив черноволосую головку ему на колени. Юноша боится шелохнуться, потревожить чуткий сон беглянки.

Илья рассказывает, что анаулов в стойбищах Синего хребта осталось совсем мало. Последними старейшинами двух анаульских родов — Синих Орлов и Медведей, были Чандара, Медведь и Одноглазый. Молодых анаулов осталось всего трое: Нанга, ее замужняя сестра и шестилетний сын Медведя. Сводный брат Нанги — Яркан — был сыном юагирки. Крепкая Рука тоже, оказывается, юагир.

Отдавая Нангу замуж, Чандара рассчитывал не только овладеть оленями Медведя, но и сохранить анаульский род.

— А ты, Илья, анаул или кто?

— Человек, однако... ламут я. В Синем хребте много разных людей вместе живут: ламуты, юагиры, коряки. Главные, однако, анаулы. Законом Синих Орлов живем.

— Главных людей нет, Илья. Русские, ламуты, анаулы — все равны на земле.

Старик сонно кивает — его одолевает усталость.

— Спать давай, совсем ночь спустилась, утром маленько светает, опять бегать будем.

— Куда бегать?

— В стойбище Крепкой Руки...

Укладываемся на душистых постелях. Пинэтаун заботливо прикрывает Нангу замшевой курткой, подкладывает дров в костер. Воздух согрелся под нависшими сводами, и спать тепло.

Ночь прошла спокойно. На рассвете Илья тормозит нас, торопит в обратный путь.

Туман поднимается со дна ущелья. Тропа тонет в молочной дымке — не видно нависающих скал. Кажется, что приютились в ласточкином гнезде на огромной высоте, и облака закутали скальный грот у карниза.

Уносим с собой замшевый мешочек, туго набитый золотыми слитками. В эту долину мы еще вернемся — необходимо привести сюда геологов.

Илья неторопливо ведет нашу цепочку, осторожно ступая по узкой тропе. Обратная дорога знакома; с первыми лучами солнца спускаемся на широкую плоскую седловину, где вчера обнаружился след Чандары. Неожиданно старый ламут останавливается:

— Видишь — длинный след? Быстро ехал обратно Синий Орел.

Действительно, отпечатки копыт далеко отстоят друг от друга и глубоко вдавились в чуть влажный от росы мелкозем. Чандара на обратном пути проскакал седловину галопом, не останавливаясь.

— Зачем спешил... след не глядел? — удивляется Илья. — Однако, пугался Синий Орел, бросал нас ловить.

Настиг ли Чандара наших верховых оленей? Что произошло в чозениевой долине?

Выбираемся на вершину, усыпанную расколотыми глыбами, внизу торчат каменные зубья и вьется по гребню знакомая тропа. Пусто, ни души. Илья просит бинокль.

— Долго глядеть в стеклянный глаз будем.

Смешно шурясь, Илья приникает к окулярам. Он медленно водит биноклем, осматривая тропу, каждый камень, каждую расщелину.

— Ай-яй... хороший глаз... все кругом видит!

Илья умолкает, застывая с биноклем у глаз. Далеко внизу, в глубоком распадке, где лежат еще утренние тени, из чозениевой рощи один за другим рысью выезжают четыре всадника на оленях. Сверху они кажутся игрушечными, за плечами у них торчат дула винтовок.

— Что за люди?

Илья молча разглядывает в бинокль странную кавалькаду.

— Кто едет, Илья?

— Однако, Крепкая Рука, Ромул, Рыжий, а вон тот, поменьше, Яркан.

Нанга быстро говорит что-то Илье. Старик отдает бинокль девушке. Вцепившись в окуляры, Нанга смотрит и смотрит, не отрываясь.

— Яркан!.. — удивленно шепчет девушка, узнав брата.

Как очутились Костя и Ромул в чозениевой долине?

Вовремя они подоспели. Не скрываясь, спускаемся на тропу. Заметив людей, бегущих по тропе, кавалькада останавливается. Одиноким всадник выезжает вперед и галопом скачет навстречу.

— Костя!

Приятель давно не брит: лицо его закрывает пушистая рыжеватая борода. Помятая фетровая шляпа сдвинута на затылок. Лоб забинтован, на повязке у виска просвечивает пятно крови.

— Живы!.. Где пропадали? — кричит Костя, прыгая с уचाга.

— Удирали от Синего Орла... Что с тобой, Костя?

Он душит меня в медвежьих объятиях.

— Твой Чандара угостил. Вчера с Ярканом ваших учагов у Синего Орла отбили.

Подъезжают Крепкая Рука, Ромул и Яркан. Нанга встречает брата радостным восклицанием. Юноша похож на сестру: такие же темные глаза с длинными ресницами, блестящие черные волосы до плеч. Ламутский кафтан облегает стройную фигуру. Яркан не старше Пинэ-тауна, но гораздо выше его.

На гортанном анаульском языке он расспрашивает Нангу.

Ромул усмехается, раскуривая свою неизменную трубочку:

— Думали, совсем плохо тебе. В табуне Чандара быстро разговор кончал, в стойбище Большой Семьи уезжал. В лагерь вернулся — Костя всполошил, повел тебя выручать. Крепкая Рука, Яркан хорошо помогали.

— Спасибо, Крепкая Рука!..

Молодой юкагир сжимает мою ладонь, и я не могу перебороть его. Прозвище свое он получил недаром.

Вчера в чозениевой долине разыгралась целая битва. Весть о «мертвой петле» принес Яркан. Всю дорогу к стойбищу Крепкой Руки он бежал, преодолевая осыпи, по крутым тропам горных баранов. Ромул, Костя и Крепкая Рука, спустившись в Круглую долину, не успели еще расседлать верховых оленей и пили чай в главном чуме.

Услышав тревожную весть, Костя схватил карабин, выскочил из чума, прыгнул в седло на громадного учага Крепкой Руки и помчался вслед за Ярканом. Ромул и Крепкая Рука отстали на утомленных чукотских оленях.

В чозениевую долину Яркан и Костя прискакали в ту минуту, когда Синий Орел и Медведь затянули свою чертогу петлю и вылавливали учагов без седоков. Костя подумал, что они расправились с нами, прыгнул с учага и схватился за карабин.

Чандара рассвирепел. Вскинув винчестер, он выстрелил. Пуля чиркнула повыше виска. Косте показалось, что хлестнул огненный бич. Он упал и потерял сознание.

Яркан не решился стрелять в людей. Плохо бы пришлось Косте. Но в эту минуту на выручку подоспели Ромул и Крепкая Рука. Ромул выстрелил с седла. Синий Орел и Медведь не приняли боя и скрылись в зарослях.

Костя отделался легкой царапиной. Он пришел в себя, но был очень слаб после контузии. Крепкая Рука и Ромул выловили наших учагов. Отпуская их на волю, мы привязали уздечки к седлам, и это не ускользнуло от зорких глаз оленеводов. Они догадались, что Илья обхитрил Синего Орла.

Пришлось им разбить бивуак в чозениевой долине. Только к утру Костя оправился от контузии. На рассвете наши друзья двинулись по тропе к перевалу и встретились с нами.

— Что будем делать, друзья?

— Поймать старика нужно — мутит он воду в горах.

Костя прав. Пришло, кажется, время силой сломить сопротивление Чандары. Устраиваем военный совет. Крепкая Рука согласен ехать в стойбище Большой Семьи. Оказывается, и в этом стойбище не любят властного старика. Илья переводит слова Яркана. Юноша говорит, что молодежь стойбища поддержит пришельцев из нового мира. Все высказались за поход в Глубокую долину.

— Итак, вперед!

Яркан и Пинэтаун бегом спускаются по тропе к чозениевой роще. Там оставлены наши стреноженные учаги.

В десять часов утра достигаем седловины, где вчера встретили Синего Орла. В Глубокую долину ведет лишь одна тропа. Перед нами открывается дорога в загадочный мир. Спускаемся все ниже и ниже. На склонах причудливых сопок пышно разрастаются березовые рощи. Стволы берез искривлены, покрыты черноватой корой и лишь местами белеют заплатками привычной бересты.

Уж не «каменные» ли это березы Эрмана? Но как очутились они в северной тайге?

Тропа вьется в зеленых березовых гущах. Листья просвечивают, горят на солнце, вспыхивают яркой желтизной — надвигается осень. Наш отряд растянулся по тропе, точно кавалерийский эскадрон на марше. Впереди — Крепкая Рука.

На опушке березовой рощи он останавливается.

— В чем дело, Илья?

— Стойбище близко, вперед пойдет, смотреть будет; тут ожидать надо.

Крепкая Рука трогает ухага и бесшумно исчезает в зарослях. Пахнет дымом. Костя и Яркан едва сдерживают резвых ухагов, почуявших близкое жилье. Нанга оглядывается, словно затравленный зверек. Девушка боится вернуться в стойбище.

Спешиваемся. Костя ворчит, нетерпеливо поглядывая на заросли, укрывшие разведчика. Охватывает тревога. Верный ли союзник Крепкая Рука? Что у него на уме?

Илья также не может скрыть волнение. Склонив голову, он к чему-то прислушивается. Морщинистый лоб блестит каплями пота. Примет ли стойбище непрошенных гостей?

Вдруг в кустах затрещали сучья. Среди берез мелькает рыжеватый бок оленя, плечо человека, чей-то таях раздвигает ветви, и на тропу верхом на олене выезжает Крепкая Рука. Он манит Илью посохом.

— В гости ждут Синие Орлы. Убежал Чандара на небо... — переводит Илья неожиданное сообщение разведчика.

— Чандара умер?!

— Нет, однако, в гости к духам пошел, на звезды кочевать будет, — отвечает Илья, указывая таяхом в небо.

Ответ старика непонятен. Одно ясно: нас приглашают в гости, и Чандары в стойбище нет. Куда девался Синий Орел?

— Удрал... Жаль, не свернули шею! — зло бурчит Костя.

Уходим вслед за проводниками. Березовые чащи редют. Во всех направлениях расходятся утопанные тропинки, сучья обломаны, трава примята. Слышен лай собак. Стойбище совсем близко.

Неожиданно выезжаем на беслесное дно долины. Перед нами целый город: с полсотни конических чумов выстроились на плоской террасе у подножия сопки,

покрытой зарослями горной березы. У чумов собрались люди в живописных нарядах.

Останавливаемся на площади среди вигвамов. Так вот оно — таинственное стойбище Синих Орлов. Подбегают смуглолицые юноши в развевающихся кафтанах, ловко расседлывают учагов и уводят их на пастбища.

Живым пестрым кольцом окружают нас обитатели стойбища: мужчины с суровыми горбоносими лицами, морщинистые безбородые старики, сгорбленные временем, черноглазые красавицы в расшитых одеждах, дети в замшевых кафтанчиках. Люди разглядывают гостей молчаливо, с острым любопытством, словно пришельцев из другого мира.

Крепкая Рука что-то громко говорит. И женщины, звеня монистами, убегают к вигвамам. Вскоре они появляются с охапками оленьих шкур и устилают землю пушистыми коврами. Нас встречают прямо на площади — ни один чум не вместит всех любопытных.

— Садись... — приглашает Илья. — Чай пить, разговаривать будем.

Черноокие девушки расставляют низенькие столики, выстроганные из древесины тополя. Люди усаживаются на шкурах. Мы оказываемся в центре круга. Позади дымят вигвамы, вздымаются зеленые горы, увенчанные пиками, осеннее бледное небо стынет высоко над долиной. Странная картина...

— Вот так муньях!¹ — усмехается Костя.

— Что говорит Рыжий? — любопытно спрашивает Илья.

— Хорошее собрание, говорит.

В толпе, окружающей нас, мелькают взволнованные лица молодых людей. Горящими глазами рассматривают они пришельцев, словно ожидая чего-то большого и нового. На столиках появляются березовые чашечки и плошки, деревянные блюда с дымящейся олениной. Смуглянки, похожие на цыганок, несут медные чайники, полные ароматного чая.

— Спроси, Илья: где Чандара, что с ним случилось?

— Люди говорят: умирать пошел, совсем больной стал.

— Куда пошел?

¹ Муньях — по-якутски собрание.

— Никто не знает... На звезды, однако, шаманить ко-
чевал. Не вернется он в стойбище Большой Семьи.

Женщины разливают чай, чашки идут по кругу.

— Илья, почему так стойбище называют?

— Чандара давно велел. Все люди тут — богатые и
бедные — Большой Семьей живут, — отвечает старик, лу-
каво прищуриваясь.

— Одной семьей?.. А олени чьи?

— Большие табуны богачи держат! Мы пасем, оле-
нину кушаем.

— Ловко получается, — смеется Костя, — семья одна,
а олени дядины, как в Америке!

Долго пьем чай. Расспрашиваем и расспрашиваем о
жизни стойбища. И перед нами возникает потрясающая
картина.

Попали в королевство Синего Орла. В горах Чандара
построил эксплуататорское стойбище Большой Семьи.
Заветы родовой патриархальной общины он попытался
соединить с волчьими законами обогащения. Почти все
олени, выпасавшиеся обитателями стойбища, принадле-
жали Синему Орлу, Медведю и Одноглазому.

Железным занавесом Чандара отгородил остров
прошлого от внешнего мира. Никто под страхом смерти
не имел права выходить за пределы Синего хребта. Люди
с пеленок обучались здесь анаульскому языку, непонят-
ному для соседей. С внешним миром сносился лишь Чан-
дара. Он сдавал на глухие фабрики пушнину и приво-
зил порох, свинец, чай и табак.

Тяжелой рукой правил Чандара. Незримыми нитями
опутал он членов Большой Семьи. Шила в мешке не ута-
ишь — ему не удалось примирить богатых и бедных.
Остров прошлого подтачивали глубоко скрытые противоречия.
И Синий Орел понимал это, лихорадочно искал
выход из тупика.

Большая Семья распадалась. Смутные слухи о новой
жизни будоражили молодежь. Крепкая Рука покинул
стойбище Синего Орла и пытался примирить противоре-
чия своим путем — соединив табуны малооленных хо-
зяйств. Но и у него дело не ладилось: каждый тянул в
свою сторону, стремился нажить побольше оленей.

Илья попивает крепкий, как кофе, чай и вдруг гово-
рит:

— Царем, однако, решил Чандара стать. Два рода

анаульских у нас: Синих Орлов и Медведей. Синие Орлы всегда шаманили, Медведи — старшинами были. Синий Орел Нангу замуж отдать хотел за маленького Медведя — думал старшиной и шаманом вместе быть: сильнее царя. Оленей Одноглазого обещал делить, как помрет старик.

— Царей у нас, Илья, нету.

— Амулет у Синего Орла есть. Давно на Чукотке царь был — тайон¹ главный. Свой амулет Синему Орлу дарил — крепкую власть давал.

— Ишь ты! Да где же этот амулет?

— На шее Чандара носит. Когда шаманит — на голову надевает. Нанге хотел свое ожерелье дарить, когда замуж пойдет.

Костя смеется:

— Вот тебе и царица, Пинэтаун! Получишь ожерелье — анаульским царем будешь.

Крепкая Рука говорит что-то развеселившемуся Илье, кивая на меня.

— Спрашивает он: есть ли у тебя амулет?

— Амулет?.. Есть, Илья, амулет, вот гляди.

Вытаскиваю из заветного кармана портрет, подаренный Марией. Илья осторожно берет заскорузлыми пальцами овальную золоченую рамку и долго рассматривает изображение Елены Контемирской.

— Богородица, что ли, креститься надо, а? — тихо спрашивает Илья.

Костя фыркает, ухмыляется. Старик важно передает портрет Крепкой Руке. Портрет идет по кругу. Обитатели стойбища по очереди разглядывают мой талисман.

— Эта женщина, Илья, всю жизнь боролась за свободу, равенство и братство народа. И вашего народа тоже. Свобода — куда хочешь кочуешь, на факториях что надо покупаешь, детей в школе учишь; равенство — ни богатых, ни бедных нет, все одинаковые, олени общие; братство — и ты, и я, и Крепкая Рука, и Нанга, ламут, русский, юкагир, анаул, все трудовые люди — братья... Понял?

Илья задумчиво посасывает потухшую трубку и наконец говорит:

— Хорошая, однако, баба, хороший твой амулет, правильный закон...

¹ Тайон — по-якутски князь.

Северный холодный ветер гонит низкие свинцовые тучи. Вершины гор срезаны облаками; в глубоких долинах пасмурно и неуютно. Пришла осень.

Две недели миновало после встречи в Глубокой долине. В тот памятный день долго длилась наша беседа с жителями главного стойбища. Без устали мы отвечали на бесконечные вопросы. Рассказывали даже о лунных кратерах. Странно было слушать наивные речи этих людей, как будто спустившихся с другой планеты. Осмелев, Яркан задал вопрос, волновавший всю молодежь стойбища.

— Как жить будем дальше?

Трудно отвечать людям, внезапно проснувшимся от векового сна. Что я мог им сказать?

— Да чего тут растабаривать! — воскликнул Костя. — Пусть в артель собираются, и баста!

Характер у Кости горячий, и он не терпит проволочек.

Но я все-таки ответил, что Синие Орлы должны подумывать, решить сами, как дальше жить, и пригласил всех, кто пожелает работать в совхозе, кочевать к нам в Широкую долину после праздника убоя оленей. Я был уверен, что в горах Омолона вырастет крупный оленеводческий совхоз и нам очень скоро понадобятся опытные пастухи.

В тот же день, на этом первом в жизни анаулов общем собрании, решено было обмениваться отборными оленями. Наступал гон — мне хотелось скрестить тундровых и лесных оленей.

Расстались мы друзьями. С нами уехали в совхозное стадо Яркан, Нанга и Илья. Одинокый, бесприютный старик привязался к нам и не захотел возвращаться в стойбище. Он понял, что его опыт нужен людям, и весь преобразился, словно помолодел. Илья мог принести огромную пользу в будущем Омолонском совхозе. Старый следопыт знал каждую долину, каждый перевал, каждую тропку Синего хребта.

Выехать на факторию за продовольствием мы так и не смогли. В изгороди начался гон. Крепкая Рука с молодыми помощниками пригнали нам двадцать отборных хоров. Ну и великаны это были! В обмен на хоров представители стойбища получили у Ромула чистопородных чукотских важенок и уехали очень довольными.

Мы выловили из табуна лучших важенок и соединили их с анаульскими хорами в племенное стадо. Маленький табунчик пришлось держать за пределами изгороди на великолепных осенних пастбищах Широкой долины.

Наступили горячие дни. Отборных оленей пронумеровали, вырезав на шерсти номера. Круглые сутки в три смены мы удерживали полудикий косяк от разбега. Укараулить табун помогли Илья, Яркан и Нанга, отлично владевшие приемами горного выпаса.

Наконец удалось заполнить племенную книгу. Теперь будут известны родители каждого олененка; в следующем году мы с Костей примемся разводить потомство лесных великанов.

Гон благополучно окончился, и пастухи загнали стадо обратно в изгородь. Уже два месяца живем на одном мясе и сильно истосковались по хлебу. Непокойные дни остались позади, теперь можно отправляться за продуктами на омолонокскую факторию.

Ромул решил устроить перед отъездом большую охоту на горных баранов. Осенью мясо чубуку особенно приятно на вкус и питательно. Нужно запастись провиантом в дорогу и оставить пастухам запас мяса в лагере.

На охоту собираемся целым отрядом. Кроме меня, в поход идут Костя, Ромул, Илья и Яркан. Пинэтаун остается в лагере с Нангой. Повсюду теперь они ходят вместе, даже на дежурства в табун. Нанга боится разлучаться с юношей, опасаясь внезапного появления Чандары.

Уходим в стойбище соседей: Крепкая Рука пригласил нас поохотиться вместе. С молодым юкагиром установились хорошие, дружественные отношения. Крепкая Рука сразу нашел нужное место в борьбе с Чандарой. Решительная его помощь помогла нам быстро подружиться с обитателями Синего хребта.

Верховые олени резво идут по знакомой тропе. Мы проторили в стойбище соседей выючную дорогу. Крепкая Рука подарил мне и Косте пару великолепных анаульских учагов, и мы не отстаем от кавалькады охотников.

В Круглой долине нас встретили радостно. Теперь никто не боится пришельцев. Шумной толпой нас окружают и взрослые и дети. Особенно шумно вокруг Яркана и Ильи. Девушки в расшитых кафтанах наперебой расспрашивают о жизни в совхозной бригаде. Яркан, ожив-

ленно жестикулируя, что-то рассказывает. Илья, добродушно посмеиваясь, ввертывает в рассказ Яркана какие-то смешные словечки, и звонкий девичий смех не затихает.

Крепкая Рука приглашает выпить чаю и ехать на охоту к Стене Баранов в чозениевую долину. В его просторном чуме целая груда вьючных седел и переметных сум. Он выполнил обещание и собрал для похода на факторию вьючное снаряжение. Мы спасены: ведь все наши вьюки сгорели в тайге. После охоты Крепкая Рука перебросит седла на своих оленях к нам в Широкую долину.

За чаем молодой юкагир что-то долго растолковывает Илье. Старик, растерянно моргая, переводит:

— Крепкая Рука говорит: решили всех оленей делить общими; Одноглазый свой табун тоже дает. Медведь только уководил с оленями, хочет сам стадо держать. Десять чумов ушли с ним.

Костя хлопает по плечу невозмутимо спокойного юкагира:

— Ну, друг, и умная башка у тебя!..

С первых же дней знакомства они подружились. После стычки с Чандарой Костя подарил Крепкой Руке офицерский ремень и канадский топор. Крепкая Рука ответил хорошим подарком: отдал своего учага. Костя обещал привезти ему с фактории ружье.

В стойбище молодого юкагира слушаются беспрекословно. Илья рассказывал, что и Синие Орлы уважали его за ясный ум, спокойный нрав и твердый характер. Даже Чандара не решался с ним ссориться. Пожалуй, из этого парня получится отличный председатель первой анаульской артели.

— Пойдут ли к нам в совхоз люди?

Крепкая Рука кивает. Он уже немного понимает по-русски. Илья переводит:

— После праздника убоя оленей выделяют тебе людей.

— Ого! Здорово... — смеется Костя, покручивая рыжеватый ус.

Час спустя наш охотничий отряд прошел мимо Глубокого распадка, где мы испытали столько приключений две недели назад.

Чозениевая долина становится просторнее. Бесчисленные острова, заросшие ивовыми кустами и чозениями, образуют зеленый лабиринт. Речка растекается на сеть

рукавов. Они текут по руслам из крупной голубоватой гальки. Голыши рассыпаются, гремят под копытами оленей. Протоки мелководны, и мы легко переходим их вброд.

Дно долины расширяется в громадный овал, сплошь усыпанный галькой. Кажется, что на месте галечных русел было когда-то обширное горное озеро.

— Большой Тарын место называется, — поясняет Илья. — Давно, когда анаулы на Синий хребет пришли, большая тут наледь была; оленей в комар-пору на снег выгоняли.

Вдали, на плоском, как блюдо, русле, светится белое пятно.

— Видишь, совсем маленький тарын остался.

Подъезжаем ближе и ближе к снежному полю, простирающемуся во всю ширь голого русла. Оказывается, это не снежник. Широкий ледяной язык перехватывает долину. Толщина льда не менее двух метров. Край наледи раскалывается на части, и громадные куски ледяного поля загромождают русло.

Видно, наледь тает и, отступая, оставляет поле, усыпанное голышами. Речные протоки скрываются под лед и где-то шумят в ледяных туннелях и трещинах.

По ледяным ступеням Крепкая Рука выводит отряд на поверхность белого поля. Над нами окно голубого неба, светит солнце, и ледяной панцирь нестерпимо режет глаза, заставляя жмуриться. Поверхность льда покрыта талым снегом. Олени оставляют на чистой его целине глубокие отпечатки. Наледь похожа на мертвый ледник.

Горные наледи встречаются в Северо-Восточной Сибири обычно там, где русло подпирается порогом коренных пород. Зимой грунтовые воды изливаются на лед замерзшей реки. Толщи намерзающего льда постепенно закрывают русло мощным панцирем. Большие горные наледи рождались в прошлом, когда климат Северо-Восточной Сибири был гораздо холоднее. С потеплением климата наледи стали таять и разрушаться.

Меня поражает двухметровая толща ледяного панциря. Но Костя рассказывает о наледи, уцелевшей в долине реки Момы¹, где толщина льда достигает четырех метров, а площадь ледяного щита — ста восьмидесяти квадратных километров.

¹ Река Момы — крупный правобережный приток Индигирки.

Спрашиваю Илью, давно ли анаулы пришли на Синий хребет. Илья принимается вслух пересчитывать своих предков. Оказывается, старинное семейное предание гласит, что впервые анаулы появились в долинах Синего хребта, когда отцу его прадеда было пятнадцать зим.

— Однако, триста, может, двести пятьдесят лет назад сюда анаулы кочевали.

— А откуда они пришли?

— Старики говорят, с верховьев Анюя Синий Орел их привел.

— Да что же, Чандаре триста лет, что ли? — усмеяется Костя.

— Другой Синий Орел был... самый главный шаман анаульский, давно на звезды кочевал.

Вот так живая старина... Теперь совершенно ясно, почему анаулы внезапно пропали с горизонта истории.

За триста лет большая наледь, судя по оголенному руслу, сократилась втрое. Неужто так быстро теплеет климат Сибири? Любопытно.

— Смотри... Стена Баранов. — Илья указывает на темнеющий впереди скалистый обрыв.

Правый борт долины отвесной стеной жмет к галечному руслу. В бинокль вижу причудливые каменные столбы и башни, шлейфы крутых осыпей. Противоположный, сравнительно пологий склон долины зарос кедровым стлаником и амфитеатром поднимается вверх к осыпям голых сопок.

Глубокое ущелье прорезает этот амфитеатр. В гигантские ворота видны пирамиды, конусы и зубцы пиков. Широкие солнечные лучи, прорываясь сквозь разрывы в облаках, освещают дальнюю перспективу гор.

Наледь оканчивается. Спускаемся на галечное русло. Порог коренных пород проходит, вероятно, у Стены Баранов. На опушке чозениевой рощи Крепкая Рука спешивается.

— Тут охотничий лагерь надо делать: совсем близко бараны, — переводит Илья.

У нас целый караван; приехали, точно в магазин за мясом. Снимаем седла и пустые переметные сумы, пускаем пастись верховых и выючных оленей. Крепкая Рука зовет в глубь ивовой рощи и раздвигает кусты.

Перед нами вздымается Стена Баранов. Осматриваю в бинокль хаос столбов и башен. На неприступных кру-

чах там и тут белеют отдыхающие бараны. Они лежат на карнизах и в гротах, спокойно пережевывая жвачку.

План охоты прост: мы с Костей и Ярканом поднимаемся в горы справа от Стены Баранов, Крепкая Рука и Ромул — слева. Наши засады наверху отрежут пути отступления в горы. Илья пройдет у подножия стены и выстрелами всполошит снежных баранов, погонит на горные засады.

С винтовками за плечами карабкаемся по осыпям все выше и выше. Вот и бараньи тропы. По узким гребням они спускаются с вершин к скалистому краю обрыва.

Залагаем в камни, перехватывая тропы. Тихо в горах, тревожно стучит сердце, рука сжимает винтовку. Проклятое солнце: ветерок развеял тучи и яркий свет бьет в глаза. Ствол сверкает, мушка расплывается.

«Бу-ух! — гремит далеко внизу выстрел. — Бу-ух... бу-ух», — гремит снова и снова. Эхо перекатывается в горах.

И вдруг между обломками скал на краю обрыва появляются головы с маленькими козьими рожками. Раз... два... три.

Да это же бараны, молодые самцы.

Стреляю, почти не целясь. Промазал. Мимо, поднимая пыль, вихрем проносятся бараны, похожие на коз. Словно во сне слышу близкие выстрелы: палят Костя и Яркан. Ждать нет терпения — подбираюсь к обрыву.

Ух... высоко!

Внизу — лысые макушки каменных столбов и башен. Чозениевая долина вся как на ладони. Совсем близко, по немыслимой круче, осторожно переступая копытцами, спускается крупный баран. Невольно поднимаю карабин. Выстрел. Чубуку, описывая параболу, летит с двухсотметровой высоты. Вот падает далеко внизу на сланцевую осыпь и, увлекая щебень, скатывается к подножию скалы.

В долине опять гремят выстрелы. Где-то справа трещат винтовки Ромула и Крепкой Руки. Из-за глыбы, не далее полусотни метров, бесшумно выступает громадный баран. Светлая с отливом шерсть, мощные рога, свитые тяжелой спиралью. Он к чему-то прислушивается и прищихивается, не решаясь ступить на тропу.

Мушка упирается в грудь вожака. Сквозь прорезь прицела с жгучим любопытством рассматриваю горде-

ливого красавца. Неожиданно баран делает огромный скачок и устремляется в горы, разбрасывая копытами щебень.

Стреляю вдогон. Баран, словно споткнувшись, летит кувырком, вскакивает и, прихрамывая, уходит к вершинам сопок.

— Эх, упустил!..

— Почему долго не стрелял?! — кричит Костя, размахивая винчестером.

Подбегает Яркан. Знаками он показывает на близкие сопки, приглашая преследовать раненого зверя. Пальба затихла. На дальних вершинах гуськом бегут прорвавшиеся бараны. Заглядываю вниз с обрыва. Черноватая фигурка бродит у подножия каменной стены. Илья подбирает добычу. Костя уложил трех, Яркан умудрился свалить пятерых баранов.

Вожак ранен и далеко, вероятно, не уйдет. Вот бы заполучить редкую шкуру и рога в зоологическую коллекцию!

— Пошли по следу, возьмем барана, — решительно говорит Костя.

Бегом поднимаемся вверх по тропе, отмеченной пятнами крови. Выбираемся на острый гребень. Совсем близко белеет величественная двуглавая вершина Бурьндах. Раненый баран ушел по гребню к кварцевым вершинам. С час преследуем слабеющего беглеца. У плоской глыбы Яркан показывает примятый мох, окропленный кровью. Здесь баран лежал, набираясь сил. Спотыкаясь и падая, прыгаем по камням.

Гребень обрывается в пропасть. Отвесная стена, разрисованная кварцевыми жилами, уходит в глубокое ущелье.

Лунная долина?!

Знакомые, грозно нависающие башни теперь под нами. У подножия этой стены мы скрывались в гроте от Синего Орла.

— Ой-е-ей! — вскрикивает Яркан, указывая вниз.

На дне ущелья, на темной осыпи, белеет неподвижное тело барана. Как очутился он там, сорвался? Нет, отвесная каменная стена отполирована временем, и ни один горный баран не пройдет тут.

— У-ух! — восклицает Яркан, показывая ладонью, как прыгал баран.

В горах Памира мне приходилось слышать рассказы о прыжках загнанных архаров вниз «на рога». Но я не очень-то верил этим охотничьим рассказам. Снежный баран, которого мы преследовали, прыгнул в пропасть.

— Смотри... твоя пещера.

Костя кивает на противоположный скат цирка, запирающего долину. Почти на уровне нашего гребня чернеет щель скальной пещеры и виден шест в расщелине.

— Харги... — испуганно шепчет Яркан.

Да, это «пещера Харги», ее нам показал из Лунной долины Илья. В бинокль ясно вижу гладко обстроганный, выбеленный временами шест.

— Полезем? — Костя жадно всматривается в черную пасть таинственной пещеры. — И барана твоего прихватим.

Попытаться влезть в пещеру можно лишь со дна Лунной долины. А что, если попробовать? Ведь втащили же люди туда шест!

— Полезем, пожалуй...

Долго ищем спуск в Лунную долину. Съезжаем наконец по крутой осыпи с каменной рекой щебня на тропу. Вот и грот с очагом, пепел нашего бивуака, а дальше цирк полуразрушенного кратера. Яркан стаскивает убитого барана с осыпи. Он прыгнул на рога, но не повредил великолепной спирали.

Снизу вход в пещеру едва чернеет высоко-высоко над долиной. Все загадочное манит человека. Лезть туда нужно сначала по глыбам завала, затем по каменному лбу высотой в пятиэтажный дом и выше подниматься почти по отвесной стене с трещиной, куда нужно втиснуться и ползти к шесту. Над шестом — черное отверстие в чрево скалы.

Как забраться по голой скале?

Яркан испуганно крутит головой. Теперь он понимает, что мы задумали.

— Харги... Харги!.. — твердит юноша, крест-накрест складывая на груди руки.

— Не бойся, Яркан, — посмеивается Костя. — Вместе полезем в гости к дьяволу.

Оставляем все лишнее: винчестеры, карабин, бинокль, походные мешки. С собой берем ножи, арканы и — за пазуху — смолистые корни погибшего стланика; они хорошо горят и заменят в пещере факелы.

Молчаливо поднимаемся по лестнице завала. Яркан поборол суеверный страх и решил лезть с нами. У подножия скального лба останавливаемся. Ну и круча! Голая рыжеватая стена уходит в небо.

— Не уцепишься, — качает головой Костя.

— Попробуем...

К счастью, обувь у нас мягкая: замшевые торбаса с шероховатой лосиной подошвой. На скалах они не скользят. Начинаем подъем.

Кончиками пальцев цепляюсь за малейшие неровности и выступы — морщины утеса. Ползу, как улитка, распластавшись на камне, метр за метром, выше и выше. Нога то и дело срывается без опоры. Отдыхаю, прильнув к утесу. Оглядываюсь.

Жутко... повис над пропастью. Далеко внизу, у языка осыпи, блестят стволы оставленных винтовок. Костя и Яркан словно прицепились к брюху аэростата. Ветер срывает с Костиной головы измятую фетровую шляпу. Перевертываясь, она летит в пропасть.

Лезть по такой круче можно только вперед, спуститься без веревки тут невозможно. Жаль, что нет альпийских крючьев. Остается один путь — наверх.

Поднимаюсь еще выше. Замечаю беловатые пятна свежесорванной породы, как будто по каменному лбу взбежал горный баран, отбивая копытами потемневшую скальную корку.

Чьи следы?

Раздумывать некогда. Едва удерживаюсь на покатой стене. Сорвусь — верная гибель. Метрах в двух над головой каменный лоб переходит в карниз. Там можно передохнуть, но выбраться на карниз невозможно. У перегиба каменного лба нет точек опоры. Двигаться нельзя ни вперед, ни назад. Если шевельнусь, начну скользить. Не могу даже оглянуться, рассматриваю перед носом крапчатые кварцевые жилки в рыжеватой породе. Что же делать?

И вдруг чувствую мягкую опору у ноги.

— Держись... Опирайся на мою ладонь.

— Ох, Костя, спасибо, друг!

Опора помогает дотянуться, вцепиться в краешек чуть заметной трещины. Костя подползает еще ближе, опять подставляя ладонь.

Наконец-то карниз!

Выползаю к подножию отвесной стены на крошечную площадку.

— Чаут... спускай аркан!.. — хрипит Костя.

Он весь напрягся, прильнув к скале. Не помню, как сбросил, размотал аркан. Вижу застывшее Костино лицо, блестящие струйки пота, сбегающие по вискам. Зубами он вцепился в натянутый ремень. Руки ему нельзя отрывать от скалы.

Аркан подставляет снизу ладонь к скользящей Костиной ступне. Связанные незримой нитью, замираем втроем, прильнув к холодному камню. Малейшее неловкое движение сбросит вниз нашу живую цепочку. Тоскливо сжимается сердце.

Дюйм за дюймом Костя подвигается к перегибу каменного лба и выкарабкивается на карниз. Выуживаем Яркана, он, как ящерица, выползает на площадку.

Отдыхаем, растянувшись на покато́м карнизе. Как хорошо тут: вся Лунная долина под нами.

— Амба, думал, — глухо говорит Костя, приглаживая вихры. — Если бы не Яркан, угодили бы в преисподнюю.

Свинцовое облако закрывает солнце. Посыпалась белая крупа, скрывая долину. Стало холодно, неудобно на «ласточкинском гнезде». Куда, зачем, ползем на неприступные кручи? Если снег будет таять, скалы станут мокрыми, скользкими, и нам отсюда не выбраться.

Преодолели, кажется, самый трудный участок. Выше хоть и отвесная скала, но глубокая трещина косо, по диагонали рассекает стену. Если втиснуться поглубже в эту щель, можно доползти к шесту у пещеры.

Полчаса спустя, забившись в трещину, точно кроты, благополучно достигаем шеста. На сухом выбеленном стволе видны полустертые временем зарубки. Шест воткнут глубоко в расщелину и прочно засел в каменном гнезде. Поднять его сюда могли только на веревках.

Черная пасть пещеры совсем близко. С трудом выбираемся на скальный балкон, повисший высоко над долиной.

Доползли. Сейчас заглянем в чрево скалы.

Тихо переговариваясь, торопливо зажигаем смолистые сучья и вступаем в темный коридор. Стены покрыты блестящей белой коркой извести. Темные своды теряются в вышине. Вероятно, эта громадная трещина

Старик силится поднять винтовку.

образовалась внутри скалы во время давнего землетрясения. Коридор внезапно поворачивает, дневной свет меркнет.

Дьявольщина!

У морщинистой стены в глубокой трещине оседает человек с винчестером в руке. Скрюченными пальцами он цепляется за камни.

— Чандара! — вскрикивает Костя.

Старик силится поднять винтовку. Неузнаваемо худое, бледное, как у мертвеца, лицо искажено, глаза лихорадочно блестят в красноватом пламени факелов. Винчестер выскальзывает из ослабевшей руки, звякнув о камни. Голова поникает на грудь, и Синий Орел валится к подножию тотема.

С покосившегося столба смотрит оскаленная морда медведя, вырезанная из черного дерева. Белки глаз и клыки выкрашены белой краской, и звериная морда кажется живой. Пешерный тотем похож на деревянного идола, которого я нашел летом на берегу Полярного океана.

Склоняюсь над телом Синего Орла. Он мертв. Сердце не бьется, остановился пульс. Как очутился Чандара в пещере?

Пол пещеры загромождают глыбы, сорвавшиеся с потолка. Ни пищи, ни воды мы не обнаружили. Старик погубил себя голодом, забравшись в недостижимое скальное убежище.

— Как дикий баран!.. — бормочет Костя.

— Нет, Костя, дикий баран погиб красиво, гордо, а это не смерть, это гибель, крушение человека.

— Корок! — Яркан указывает на длинный предмет в нише темного грота.

— Что там?

Освещаем факелами грот. На каменной плите покоится сверток в рост человека, обернутый широкими лентами бересты, обвязанный полусгнившими ремнями.

— Ого! Старинное погребение.

В давние времена юкагиры, обитавшие в горах Омолона и на Корокодоне¹, хоронили соплеменников, пеленая их в бересту и подвешивая к вершинам деревьев. Так хоронили умерших и некоторые индейские племена Аляски и Канады.

¹ Корокодон — правобережный приток реки Колымы («Корок» — по-юкагирски погребальный сверток, подвешиваемый к деревьям; «дон» — река, дол).

— Не древнее ли это анаульское погребение? Кто это, Яркан?

— Харги... — тихо отвечает юноша.

Ножом осторожно снимаю ремни, разворачиваю сухую бересту. Вот так находка!

Из развороченного свертка глядит сухое, старческое лицо, словно обтянутое коричневой кожей. Сохранились черные волосы, ссохшаяся роговица темных глаз, бурая кожа на костлявой груди. Она тверда, как железо. Сту-чу, точно по камню. В пещере сухо, холодно, и мумия, вероятно, лежит тут сотни лет.

— Брат, что ли?

Костя кивает на Синего Орла — его лицо поразительно схоже с маской в берестяном саване.

— Уж не Синий ли это Орел, который привел анаулов триста лет назад в хребты Омолона?

— Интересно, — спрашивает Костя, — сохранился ли у Чандары амулет? Помнишь, Илья рассказывал?

Знаками прошу Яркана снять у Чандары ожерелье. Яркан опускается на колени, развязывает замшевые ремешки на груди отца и осторожно снимает цепочку белых костяных бляшек. Юноша протягивает ожерелье; рука его дрожит.

Тончайшим резцом неизвестный мастер вырезал из мамонтовой кости миниатюрные медвежьи головы. Они сцепились оскаленными клыками, образуя странное ожерелье. Возвращаю музейный амулет Яркану. Ожерелье отдадим Нанге.

Стоим, опустив голову. Факелы догорают, освещая неподвижное лицо Чандары.

Пора выбираться на свет. Пусть эта холодная пещера будет склепом и последнему вождю анаулов. Он хотел повернуть колесо истории вспять, и оно раздавило его.

Глава 9. ПОСЛЕДНИЙ ПЕРЕВАЛ

— Э-эгей... берегись!

Илья кричит, перекрывая гул порогов. Вцепившись в ослабевшие ремни, он стягивает мертвым узлом поклажу. Повисаем с Костей на тяжелом рулевом бревне. Кипучая струя швыряет плот на гранитную стену.

Вода с шумом разбивается о каменную грудь. Река круто поворачивает, и кажется, что она проваливается

под скалу. Плот, подхваченный бурлящим потоком, удряется в утес и, подкинутый валом, становится на дыбы.

Рулевое бревно трескается пополам. Кубарем лечу на грудь скарба и невольно хватаюсь за ремни. Костью спас Илья, вытянув за шиворот из ревушего водоворота. Чиркнув гранитную щеку, плеснув перебитым рулем, плот пронесся мимо мокрых утесов. Еще один порог остался позади.

В плавание по горной реке мы пустились втроем, выючный караван на Омолон отправив с Ромулом и Кымыургином. Пинэтаун остался с табуном в Широкой долине, ему не хотелось покидать Нангу. Выючный караван, преодолев гари межгорного понижения, выйдет через неделю к Омолону против фактории.

Нас привлекало водное путешествие. Я рассчитывал плыть на плоту к Омолону и прибыть на факторию раньше сухопутного каравана. Хотелось вовремя закупить у Котельникова продовольствие и переправить груз на лодке через Омолон к месту встречи с Ромулом.

Из охотничьей экспедиции мы вернулись несколько дней назад с полными выюками бараньего мяса. С висячего балкона пещеры, где навсегда остался Чандара, спустились с помощью связанных арканов.

Рассказ о находках в скальной пещере поразил Илью. Старинное анаульское предание повествовало, что вождь анаулов, возглавлявший триста лет назад великое кочевье к Синему хребту, «ушел к предкам на звезды» и унес с собой последний тотем охотничьего племени — деревянную голову медведя. Он завещал анаулам, исконным охотникам и рыболовам, жить по-новому — разводить оленей.

Тотем и мумию вождя мы нашли в пещере.

— Обманывали, однако, шаманы, — сказал Илья после долгого раздумья. — Коротк вождя, медведя деревянного, потихоньку в пещеру прятали.

Я спросил Илью, почему такой же тотем, только поменьше, стоит на берегу пустынного озера в далекой Западной тундре, а у ног деревянного медведя лежат лук и стрела.

— Старуха увезла. Маленький идол у нее был, часто шаманила; лук, стрелу положила — доброму духу молилась, хорошего пути Нанге просила.

Известие о гибели Синего Орла взбудоражило оба

стойбища. Восхождение в пещеру Харги, да еще вместе с Ярканом, развеяло дым суеверий и, главное, избавило жителей Синего хребта от смутной тревоги — боязни неожиданной встречи с Чандарой. Как-то легче дышалось в горах, люди повеселели.

Воспрянула духом и Нанга. Девушка уже не боялась оставаться в одиночестве; носилась, как маленькая кабарга, по кручам у табуна и даже ездила с Пинэтауном в гости к сестре.

На берег Быстрой реки нас вывел ранним утром Илья. Нехитрый плот связали из сухих стволов тополя. Старик советовал связать мино — треугольный юкагирский плот. На таких плотах, говорил он, в старину юкагиры спускались по быстрому Омолону на колымскую ярмарку продавать соболя. Но мы с Костей не послушались Илью, связали обычный — прямоугольный — плот и теперь проклинали свое легкомыслие.

Управлять прямоугольным кораблем трудно. Течение тащит плот с курьерской скоростью. Мчимся на серебряных струях по дну широкой горной долины. Вершины гор в снегу, там наступает уже зима. Бледно-голубое осеннее небо холодно мерцает, словно отражая отблеск далеких глетчеров. Склоны долины заросли лиственничной тайгой, и она желтеет червонным золотом осени.

Вода в реке обжигающе холодна. После ледяной ванны у гранитной стены танцуем на плоту, согревая очечневшее тело. Плот не остановишь в потоке, приходится мастерить руль из двух шестов, припасенных вместо весел.

Река становится шире. Долина раздвигается, высокие сопки с белеющими вершинами остаются позади. Выплыли за пределы Синего хребта. С такой скоростью достигнем Омолона к вечеру.

Русло ветвится на протоки, появляются острова, покрытые чозенией и вековыми тополями. Порогов опасаться нечего. Удерживаемся на стрежне, избегая боковых протоков. Быстрины и перекаты после порогов кажутся детской забавой.

— Гляди... Вадим!

Впереди река подмывает низкий берег. Тяжелые глыбы с растущими деревьями осели в воду. Могучим частоколом вздымаются над рекой затонувшие тополя, поддерживая серебристые кроны.

Струя течения неумолимо тянет плот в западню. Если

врежемся в затопленные стволы, утлый плот рассыплется в щепы. Чудом проскальзываем между деревьями.

Пронесло...

На самой быстрине подстерегает новая ловушка. Два затонувших тополя образуют узкие ворота. Гребем изо всей мочи рулевым пером, стараясь прошмыгнуть мимо.

Поток сильнее людей. Плот с разбегу втискивается в дьявольские ворота и застревает между стволами. Вода с шумом катит через настил и тюк с вещами, бурлит пеной. Илья выхватывает из воды топор и врубается в серебристую колонну. Подпрыгиваем, раскачивая бревна. Плот скрипит, протискивается в проход и устремляется дальше.

Часов пять гребем и гребем, увертываясь от ловушек. Белые гребни Синего хребта уходят, скрываются за таежными увалами. Появляются отмели.

Река делает крутую излучину. У выхода из этого изгиба струя течения ударяет в берег и подмывает груду плавника, образуя темные ниши под нависающими бревнами. Рядом из воды торчат, покачиваясь, разбухшие стволы. Вероятно, корни их якорями засели в дно реки. Эти тараны похожи на чудовищные клыки.

— Не выберемся!.. — кричит Костя.

— Плохое место, все равно пасть, — качает головой Илья.

Пляшем на плоту, остервенело выгребая рулем. Ничто не помогает. Ударившись боком о тяжелый таран, плот забивается под кучу плавника, погружаясь все глубже и глубже в темную пучину.

Крушение!..

Вода захлестывает по пояс. Успеваем выкинуть на кучу плавника лишь винтовку и топор. Плот уходит из-под ног. Повисаем на бревнах. Цепляемся, как обезьяны, за мокрые стволы. Помогая друг другу, выбираемся на пирамиду плавника. Плот с вещами бесследно пропал в крутящейся бездне.

— Однако, хорошо прыгали... — бормочет Илья.

Старик вымок до нитки, дрожит. Прихватив винтовку и топор, выползаем по шатким стволам на берег.

— Ну и проклятая река!.. — ругается Костя, выжимая куртку.

Над головой сходятся густые ветви. В воздухе с тихим шорохом кружатся желтые снежинки — с листьев

ниц облетает золотая хвоя. Промокли, продрогли. Нужно скорее разводить костер.

Костя вытаскивает из кармана ружейную гильзу, заткнутую пробкой; внутри — аварийный запас спичек с теркой от спичечной коробки. Натаскиваем целую грудку сухостоя. Вспыхивает огонь; можно развесить промокшую одежду.

Грея у огня красные окоченевшие ноги, радуемся избавлению, вспоминая перипетии беспокойного плавания. Хорошо после ледяного купания у жаркого таежного костра!

Времени терять нельзя — продовольствие утонуло. Обогрелись и обсушившись, трогаемся в путь. Омолон где-то близко. Поднимаемся на лесистый увал — нужно высмотреть прямую дорогу к реке. С плоской седловины открывается изумительная панорама.

Сопки окончились, мы — на последнем перевале.

Ясный холодный воздух прозрачен, как стекло. Во всю ширь лежит перед нами долина Омолона. На плоских террасах блестят озера. Вдали, меж желтеющих полос осенней тайги, тускло отсвечивают широкие плесы. В сизой дымке за рекой едва различимы вершины Анюйских гор, покрытые снегом.

Илья оперся на посох. Давно он не видел Омолона. Старик разглядывает широкий мир, и на его глаза навертываются слезы.

— Эко диво! Куда хочешь кочевать можно, — шепчет Илья, не стесняясь слез.

Да и мы с Костей разволновались. Взвиться бы и лететь на быстрых крыльях к Омолону. Напрямик, как летают птицы, до русла Омолона не более двадцати километров.

Шагаем, не разбирая дороги. Переходим какие-то речки вброд, по грудь в ледяной воде, покачиваемся на подушках замерзших болот, ломимся сквозь буреломы и к сумеркам, усталые, мокрые, оборванные, выкарабкиваемся на галечный берег могучего Омолона. Под ногами звенят лужицы, затянутые льдом: вода после осеннего паводка спадает.

Ужинаем уткой, обжаренной на вертеле. Пылает огромный костер из сухих стволов тополя — прогреваем к ночлегу гальку. На подстилке из ветвей поверх горячей гальки лучше, чем на печке. Засыпаем, нежась в тепле.

Утро вечера мудренее. Завтра свяжем тальником треугольный юкагирский плот и спустимся по Омолону к фактории.

Ранним утром меня будит странный звук. Что это, сон? Всю ночь снилось неведь что, и, может быть, во сне почудился далекий гудок.

Илья и Костя сладко спят, зарывшись, точно зайцы, в теплую гальку. С реки медленно поднимается туман.

Опять!

Теперь наяву: далекий-далекий гудок. Гудок на диком Омолоне! Житель города не уловил бы этот тихий и привычный звук. Но слух обострился за долгие месяцы скитаний в молчаливой тайге, и ухо ловит посторонний звук.

Прислушиваюсь. Снова где-то гудит. Вскрываю как полоумный и торможу Костю.

— В чем дело? — просыпается он.

— Гудок, понимаешь, гудок! —

Из тумана уже слышнее несется протяжный знакомый зов. Мечемся по отмели, собирая плавник: надо зажечь сигнальный костер.

Туман редет — утренний ветерок разгоняет белые космы. У Дальнего острова, почти у противоположного берега, покачивается, дымит большой речной пароход. Как дом, возвышаются палубные надстройки. На буксире — темные громады двух барж.

— Слим, что ли? Ведь по Омолону никогда еще не хаживали пароходы!

Впереди речного каравана крейсирует юркий катер с красным вымпелом на мачте. Пароход гудит, выпуская облако пара. В ответ с катера машут флагом.

— Фарватер ищет! — кричит Костя.

Прыгаем по гальке, размахивая куртками, точно робинзоны, призывающие корабль. Пароход медленно плывет в кильватер за катером. Поднимаю винтовку — в магазине последние патроны.

«Бум, бум, бум», — раскатываются выстрелы над притихшей рекой.

Три протяжных гудка снова будят тишину дремучей тайги. Пароход стопорит. На мостике мелькают сигнальные флаги.

— Заметили!

Дальнейшие события разворачиваются с кинематографической быстротой.

Катер, вздымая форштевень бурун, мчится к нашему берегу. Не приставая, разворачивается против течения. Дверка рубки распахивается, к поручням выскакивает плечистый парень в бушлате, с шапкой, сдвинутой на бровь, и в резиновых сапогах с отвернутыми голенищами.

Вероятно, старшина катера. Он опасливо поглядывает на мою винтовку. Вид у нас неприглядный: обросшие, оборванные, похожие на лесных бродяг.

— Чего надо? Что за люди?! — грубым голосом кричит парень, грозно нахмуриваясь.

— Свои... из оленеводческого совхоза, вчера на Омолон вышли...

Старшина поспешно скрывается в рубке. За кормой вскипает пена. Суденышко подчаливает к берегу. Из люка появляется молодой матрос в телогрейке и сбрасывает узкий трап. Наконец-то дома, на палубе.

Мотор гудит. Катер, вспахивая Омолон, мчится к пароходу. На мостике, у борта парохода и на баржах сгрудились люди; блестят стекла биноклей. Неужто обещанный караван прорвался на Омолон в такую позднюю пору? Куда плывут все эти люди?

Приближаемся к пароходу. Нас рассматривают с любопытством. Поднимаю голову и не верю глазам. На верхней палубе, вцепившись в перила, близоруко щурится наш помполит; черные волосы треплет ветер, знакомое, точно вылитое из бронзы, лицо.

— Петр Степанович!

Рядом — Буранов. Махая лётным шлемом, он что-то кричит, но голоса в шуме мотора не слышно. Как они очутились на Омолоне?

Илья растерялся. Катер и пароход он видит впервые, и все вокруг кажется ему сном. Задирая голову, он подавленно осматривает пароход. Катер мягко толкается в борт.

— Не робей, старина! — смеются матросы, в десять рук подхватывая Илью.

Взбегаем на мостик и попадаем в объятия друзей.

— Пинэтаун жив? — тревожно спрашивает Петр Степанович. Он кричит во весь голос, как будто мы еще на катере.

— Жив... с Нангой остался.

— Олени целы? — рокошет Буранов.

— Целы... — усмехается Костя. — Совхоз уже в горах.

— И в огне не горят, а, помполит?!
— Газеты, Петр Степанович, газеты есть? Что на фронте?
— Порядок... Драпают фашисты: Бухарест, Софию, Таллин, Варшаву сдали.
— Варшаву?! Письмо мне привезли?
— Нету письма, — добродушно шурится помполит. — Рано еще — далеко Омолон от Польши.
— Знакомьтесь, — представляет Буранов чернوبرового, статного крепыша в морской фуражке, с первоклассным цейссом на груди.
— Шелест... — звучным баритоном рекомендуется он. Театральным жестом Шелест показывает на баржи:
— Куда выгружать тебе снаряжение?
— Снаряжение? В самом деле, где выгружать, а, Костя?

— Причаливай, капитан, остановка. Сообразим сейчас, — распоряжается Буранов.

Собираемся у круглого стола в комфортабельной капитанской каюте. На чистой скатерти в серебряной сахарнице белый душистый хлеб, в блюдечках сыр, масло, сахар, печенье, фрукты в вазах, стаканы с крепким чаем в замысловатых подстаканниках и даже — ради торжественного случая — бутылки шампанского. Ох и соскучились мы на мясной диете по цивилизованной пище!

Илья понемногу осваивается: оглядывает зеркала, трогает ковры, щупает скатерть, нюхает сигареты, подавленные Бурановым. Старик осторожно разминает их шершавыми пальцами, набивает прокопченный запальник, огнем зажигает набитую трубочку и с наслаждением затягивается.

— Хороший твой табак, хорошо пахнет, — говорит он Буранову.

Друзья привезли короб новостей. Пожар в Омолонской тайге всполошил нижнеколымских жителей. Дым от пожара заслонил свет солнца, омолонская фактория погрузилась в мрак; районный центр и поселок Колымского совхоза в четырехстах километрах от Омолона окутала багряная дымка.

Котельников отправил с охотником-ламутом паническое письмо в займку Колымскую. Председатель колхоза переправил письмо на усадьбу оленеводческого совхоза.

Директор, получив письмо, отправился в райком и

заявил, что, вероятно, табун погиб в пылающей тайге, и выложил на стол «кабальную грамоту» — мое обязательство. На омонскую факторию отправили курьера с предписанием Котельникову организовать поиски оленей и людей.

Вместе с охотниками-ламутами Котельников проник на потухающую гать и после семидневных поисков обнаружил в глубоком распадке остатки седел, выюков, обуглившиеся подошвы сапог и мою полевую сумку с обгоревшим дневником. Последняя запись в дневнике гласила: «Уходим с табуном в межгорное понижение».

Котельников вернулся на факторию, составил акт о гибели оленей и людей и вместе с «вещественными доказательствами» послал с курьером на далекую усадьбу совхоза. Директор действовал без проволочки. В Магадан ушла телеграмма, и авиапочтой полетел акт Котельникова о мрачном конце омонского перегона.

— Представляешь, Вадим, положение! — восклицает Буранов. — На Чукотке мы закупили пять тысяч оленей, и они шествуют к вам на Омон. А на Омоне, судя по акту, все к чертям сгорело. Не поверил я бумажке Котельникова, так и доложил начальнику строительства. А генерал посмотрел из-под седых бровей колюче да и говорит: «Я приказ вам дал пять дней назад, почему до сих пор караван не вышел из Зырянки на Омон?» Выскочил я из кабинета и тут же на аэродром уехал, а в Зырянке Петра Степановича встретил. Генерал его из Хабаровска завернул — политруком омонского каравана назначил. Вот и приплыли к вам вместе.

— Эх, и размах у вас в Магадане!

— А чего же галок считать? Видишь, били мы с тобой в одну точку и соединились вместе! Выгрузим баржи, соберете домá, двухлетний запас продовольствия в амбар сложите, катер, радиостанцию оставим — и совхоз готов.

Спрашиваю Петра Степановича, на фактории ли Котельников.

— Сняли, смылся... Письмо написала твоя Мария на Чукотку. Описала махинации с Чандарой, просила на факторию честного человека, о вас заботилась.

— Эх, уполз гад!.. — зло бормочет Костя.

Долго слушают наши друзья рассказ о необычайных приключениях на Синем хребте. Веселая и грустная исто-

рия последнего плавания на плоту приводит в восторг Шелеста.

Капитан стучит крепким кулаком по столу, стаканы подпрыгивают и звенят. Звучным баритоном он провозглашает:

— Слушай, брат, плюнь на своих оленей, пиши приключенческий роман!

Место для усадьбы Омолонского совхоза намечаем в устье Быстрой реки. Илья уверяет, что весной, в полую воду, наш катер пройдет вверх по ее течению почти до порогов. Усадьбу нового оленеводческого совхоза поставим у ворот Синего хребта.

Пароход протяжно гудит, отчаливает и, покачиваясь, плывет с баржами вверх по Омолону к близкому устью Быстрой реки.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Часть первая.

Тайфун

<i>Глава 1.</i> Отплытие	5
<i>Глава 2.</i> В пути	12
<i>Глава 3.</i> На мелководье	18
<i>Глава 4.</i> Странные следы	22
<i>Глава 5.</i> Испытание	31
<i>Глава 6.</i> Тайфун	38
<i>Глава 7.</i> Нанга	45
<i>Глава 8.</i> Пленники океана	50
<i>Глава 9.</i> Чандара	58
<i>Глава 10.</i> По следу	64

Часть вторая.

Плавание в бухту Баранова

<i>Глава 1.</i> Снова в поход	71
<i>Глава 2.</i> Поиски	76
<i>Глава 3.</i> Переправа	82
<i>Глава 4.</i> Займка Беляева	91
<i>Глава 5.</i> Исповедь пирата	100
<i>Глава 6.</i> В бухту Баранова	107
<i>Глава 7.</i> Западня	116
<i>Глава 8.</i> Ракушечий холм	123
<i>Глава 9.</i> Разочарование	131

Часть третья.

В горах Омолона

<i>Глава 1.</i> Письмо	139
<i>Глава 2.</i> Находка	144
<i>Глава 3.</i> Мария	151

Глава 4.	На фактории	158
Глава 5.	Столкновение	167
Глава 6.	Кабальная грамота	173
Глава 7.	Неожиданная встреча	180
Глава 8.	Рубикон	185
Глава 9.	Портрет	192
Глава 10.	Несчастье	199
Глава 11.	Воздушные пастухи	206
Глава 12.	Прощание	214

Часть четвертая.

Гибель Синего Орла

Глава 1.	Знак Синего Орла	225
Глава 2.	В орлином гнезде	233
Глава 3.	Кольцо Чандары	243
Глава 4.	Найдена	248
Глава 5.	Ошибка Пинэтауна	255
Глава 6.	Золотая улитка	259
Глава 7.	Амулет	266
Глава 8.	Гибель Синего Орла	279
Глава 9.	Последний перевал	291

К ЧИТАТЕЛЯМ

*Издательство просит отзывы
об этой книге присылать по адресу:
Москва, А-47, ул. Горького, 43.
Дом детской книги.*

Для среднего и старшего
возраста

Болдырев Виктор Николаевич

ГИБЕЛЬ СИНЕГО ОРЛА

Приключенческая повесть

Ответственный редактор *А. Н. Стругацкий*
Художественный редактор *Н. З. Левинская*
Технический редактор *В. И. Мещалкин*
Корректора

В. К. Мирингоф и З. С. Ульянова

Сдано в набор 6/11 1962 г. Подписано к печати
4/IV 1962 г. Формат 84×108¹/₃₂—9,5 печ. л.—15,96
усл. печ. л. (15,92 уч.-изд. л.), ТП 1962 г.
№ 717. Тираж 100 000 экз. Цена 73 коп.
Детгиз, Москва, М. Черкасский пер., 1.

Фабрика детской книги Детгиза.
Москва, Сушевский вал, 49. Заказ № 2249.

**ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МИНИСТЕРСТВА ПРОСВЕЩЕНИЯ РСФСР**

*В 1961 г. в Детгизе вышли в свет следующие
научно-фантастические и приключенческие книги:*

Мир приключений

Альманах № 6.

Сборник научно-фантастических и приключенческих повестей
и рассказов

Гребнев Г.

Пропавшее сокровище. Мир иной.

Приключенческая и научно-фантастическая повести

Альтов Г.

Легенды о звездных капитанах.

Научно-фантастические рассказы

Майский И.

Близко — далеко.

Приключенческая повесть о путешествии трех советских людей через страны Арабского Востока, Африки и Атлантический океан во время второй мировой войны

Ляшенко М.

Человек-луч.

Научно-фантастический роман об удивительных возможностях кибернетики будущего, о передаче предметов и живых организмов на расстояние.

Эти книги вы можете получить в своей школьной и местной библиотеках.

73 кон.